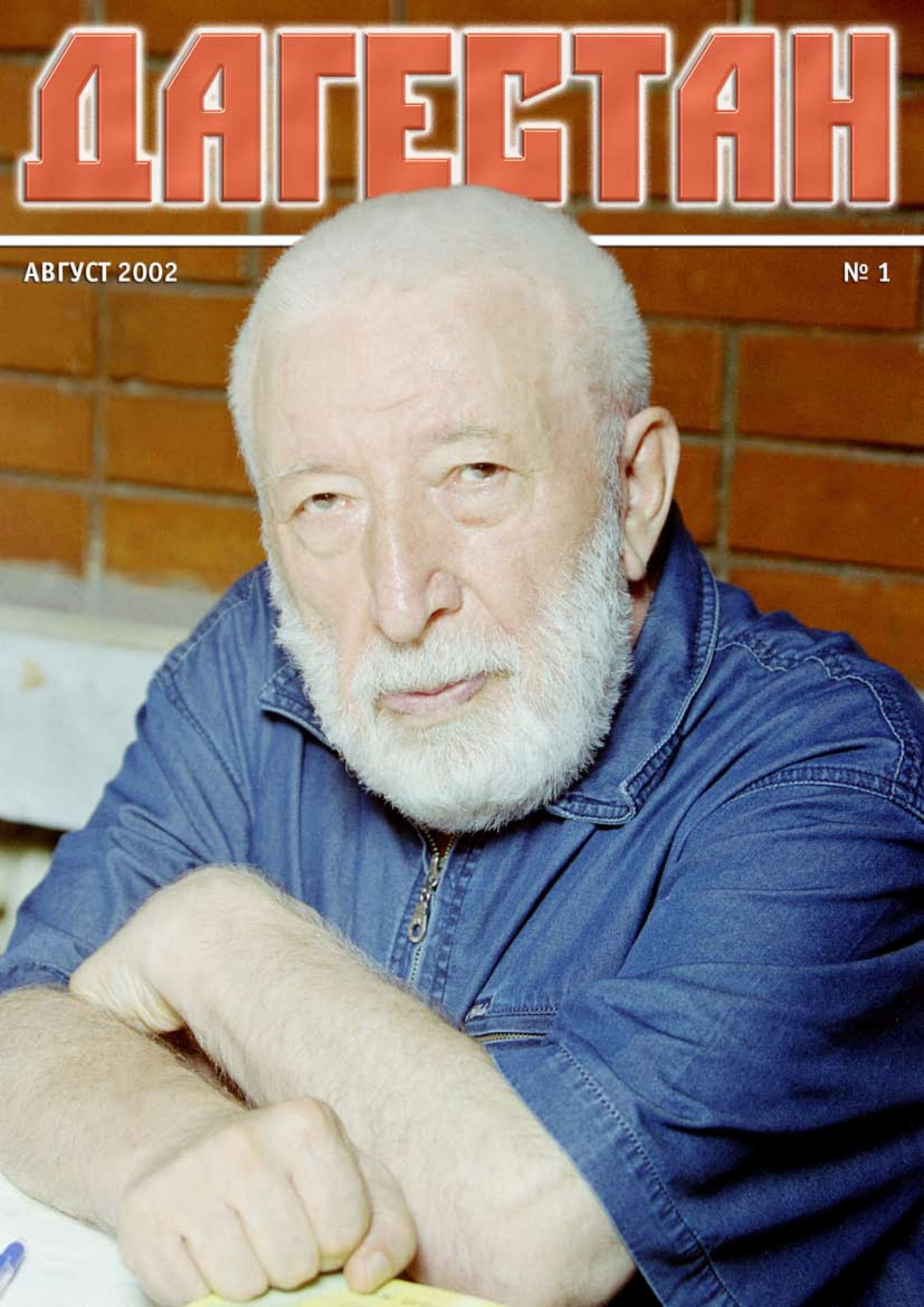
ДАГЕСТАН

АВГУСТ 2002

№ 1



25 июля в большом зале Русского театра состоялась торжественная церемония вступления Магомедали Магомедова в должность председателя Государственного совета РД. Чтобы поздравить М. Магомедова с этим знаменательным событием в Махачкалу прибыли глава президентской администрации Александр Волошин, вице-премьер Правительства РФ Валентина Матвиенко, первый заместитель председателя Совета Федерации Валерий Горегляд, руководители регионов Северного Кавказа. В своих выступлениях все они отмечали, что Россия находится сегодня на новом этапе развития, сменившем период раздоров и противостояния, когда наиболее востребованы именно такие выдержанные и опытные политики, как нынешний дагестанский лидер. Выступивший в конце церемонии Магомедали Магомедов поблагодарил всех за добрые слова в свой адрес и пообещал, что приложит все усилия для обеспечения динамичного роста благосостояния дагестанцев, демократизации общества и обеспечения единства и целостности республики в составе Российской Федерации.

Фото обложки и форзаца:
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№1

ДАГЕСТАН

август 2002

Выходит с августа 2002 года. Периодичность - 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД и Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Расул ГАМЗАТОВ,
народный поэт Дагестана

Магомедсалих ГУСАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД

Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук

Булач ГАДЖИЕВ,
заслуженный учитель России

Казбек СУЛТАНОВ
литературовед

Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик

Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук

Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик

Арбен КАРДАШ,
поэт

Шапи КАЗИЕВ,
писатель.

РЕДАКЦИЯ

Далгат АХМЕДХАНОВ,
главный редактор

Мурад АХМЕДОВ,
заместитель главного редактора

Гаджикурбан РАСУЛОВ,
ответственный секретарь

Ольга МАТАЕВА,
экономист

Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА,
корректор

Байгиши БАЙГИШИЕВ,
выпускающий

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на "Дагестан" обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: 67-02-03 (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru

Да поможет нам совесть!

Здравствуйте, читатель! Давайте знакомиться. Перевернув страницу, вы узнаете, чего ждут от нас создатели журнала. Спасибо им: они свели нас с вами. А как сложатся наши взаимоотношения, зависит от того, насколько мы оправдаем эти ожидания, насколько они отвечают вашим требованиям, и насколько верно понимаем эти требования мы.

Дела убедительнее любых слов. Полистайте первый номер, который вы держите в руках. Надеемся, он привлечет ваше внимание. Но первое знакомство - все-таки лишь первое. Хорошо, если первый блин - не комом. Однако вынести суждение о новом издании в любом случае можно будет не сразу. Поэтому - несколько слов о намерениях редакции.

Название журнала - многозначительно: "Дагестан" - и точка. Значит, под его обложкой читатель должен найти все, что является нашей республикой, все, что отличает ее от других мест на Земле. Понимаем, что нельзя объять необъятное, но мы будем стараться. Нам нравится, что журнал называется этим одним, дорогим для каждого дагестанца, словом. Без всяких добавочных определений, в которых всегда непроизвольно, если оно не принадлежит конкретному человеку, присутствует нечто искусственное. Дагестан же принадлежит всем нам, поэтому журнал - просто "Дагестан". Просто, и очень ответственно.

Сумеем ли оправдать эту ответственность? Если да, то только с вашей помощью, читатель. Не будем перечислять все темы, которые волнуют редакцию, они те же, что волнуют и вас, частицу дагестанского народа, дагестанца или дагестанку, какой бы национальной принадлежности вы не были. Вы живете в Дагестане? Дагестан - ваша родина? Значит, у нас общие заботы и тревоги, общие радости. Вы поделитесь с нами своими раздумьями о том, что вас волнует, вы пришлите нам плоды своего литературного творчества, а наша задача - все лучшее представить дагестанским читателям. И тогда журнал оправдает свое простое, и в то же время громкое название. Тогда из номера в номер он будет открывать своему читателю все новые и новые грани жизни республики.

Итак, мы с вами отправляемся в путь. Да поможет всем нам на этом пути Бог, наша совесть.

РЕДАКЦИЯ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Расул ГАМЗАТОВ_____общество
«Нам нельзя уходить от правды». 3
Расул МАГОМЕДОВ_____связь времен
Наши проблемы решит джамаат. 7
Шамиль АЛИЕВ_____наука
«Взрослые - это безнадежно запущенные люди. За исключением способных стать детьми…». 12
Маймусат КОРКМАСОВА_____музыка
Время и мы - в самой прекрасной из профессий... 17
Мурад АХМЕДОВ_____мораль
Звучать гордо. 20
Я. ЯХЬЯЛОВ_____нравы
У.Е.- ВУЯ!. 20

ЛИТЕРАТУРА

Арбен КАРДАШ_____драматическая поэма
Гурии бренного сада…. 21
Газимагомед ГАЛБАЦОВ_____притча
И пошел снег… 28
Магомед АХМЕДОВ_____эссе
Размышления с Гамзатом Цадасой. 32
Поэзия и перевод_____конкурс
.....34
Мария АЛЕШЕЧКИНА_____стихи
Листья. 35
Мадина ХУРШИЛОВА_____стихи
Да, мы пришли из иных веков... 36
Махач МАГОМЕДОВ_____рассказ
Love story: тюремный вариант. 37

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ "Возрождение" г. Махачкала,
К/счет
30101810500000000882,
БИК: 048209882,
ИНН: 0562053040
КПП 056201001
ГУ Редакция журнала "Дагестан".

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации - ПИ № 10-4793.

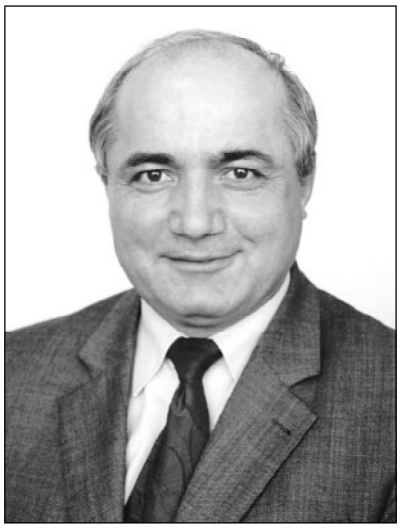
Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала "Дагестан".

Отпечатан в республиканской государственной газетно-журнальной типографии.
Адрес типографии:
г. Махачкала,
пр. Насрутдинова, 61.

Офсетная печать.
Усл. п. л. - 5. **Тираж - 1500 экз.**
Номер заказа -
Открыта подписка на нынешний и 2003-й год.

Подписной индекс - 78434.
Цена подписки на год (6 номеров) - 196 руб. 68 коп.;
на полгода (3 номера) - 98 руб. 34 коп.
Цена номера в киосках "Роспечати" - 29 руб.; у общественных распространителей - цена свободная.

Финансируется Правительством РД.



С днем рождения!

Поздравлять с днем рождения - не просто традиция, а потребность души. Ведь ничего нет важнее факта появления на свет. Все остальное становится возможным только потому, что сей факт свершился. Почему же родился журнал "Дагестан"? Как возникла эта идея?

Назвать дату трудно, идея витала в воздухе не один год. Республиканского журнала на русском языке, представляющего читателям нашу республику, ее культуру, самобытное искусство, науку, жизнь дагестанского общества во всех ее проявлениях, в Дагестане не было. Был в свое время журнал "Советский Дагестан", который сменило негосударственное издание "Наш Дагестан". Но как первый, так и второй страдали однобокостью, существовали тихо, оставаясь практически незамеченными и тихо исчезли один за другим. Не было в республике и литературного журнала на русском языке, произведения дагестанских авторов не получали выхода на языке межнационального общения.

Так потребности Правительства и Союза писателей Дагестана сошлись в одной точке, и родился журнал. Дагестан - ему имя.

Поздравляю читателей и редакцию с выходом первого номера. В своем интервью Расул Гамзатов выразит свои пожелания нашему печатному изданию. Я же, со своей стороны, желаю ему стать зеркалом жизни республики. Зеркалом, отражающим не только и не столько мелочи повседневного быта, сколько - и прежде всего - глубинные процессы, определяющие ее будущее.

С днем рождения, "Дагестан". Желаю удачи!

М.-С. ГУСАЕВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД.

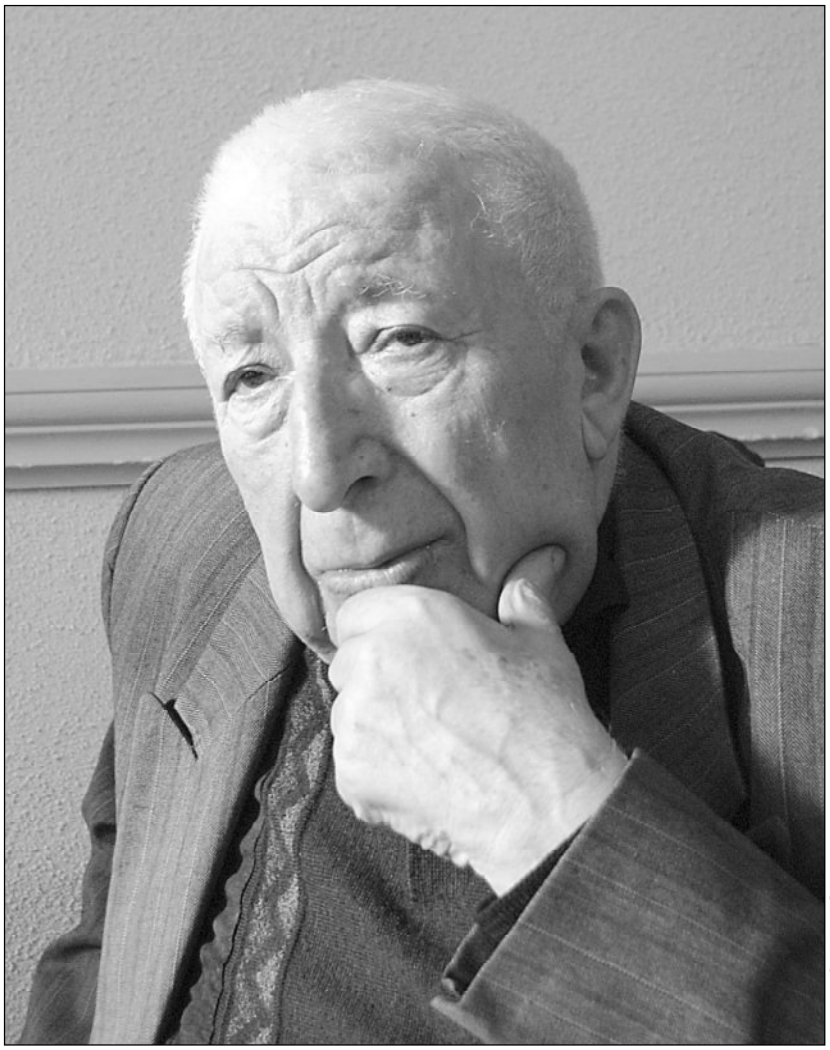


Фото Х. ЗУРГАЛОВА.

Расул ГАМЗАТОВ:

"Нам нельзя уходить от правды"

- Расул Гамзатович, в разные времена литература ставила разные задачи и отвечала на разные вопросы. Были "Отцы и дети", "Преступление и наказание", "Война и мир", "Былое и думы", "Кто виноват?", "Что делать?". А какой вопрос вы бы задали нашему времени, какая тема для него актуальнее?

- По сравнению с проблемами дня сегодняшнего, перечисленные вопросы, несмотря на свою важность и остроту, уже кажутся романтическими. Для нашего времени более актуальны вопросы простые: холодно ли тебе, голодно ли тебе, страшно ли тебе? К сожалению, в наши дни многие люди на эти вопросы вынуждены отвечать положительно, и это самое тревожное. Многим нашим соотечественникам и холодно, и голодно, и страшно. Если в нашей стране отпадет необходимость задавать эти три вопроса, то можно тогда будет говорить о проблемах другого уровня. Не потерял актуальность сегодня и вопрос, что день грядущий нам готовит? От ответа на него тоже многое зависит.

- Принято говорить о воспитательной роли литературы, о ее влиянии на умы, и раньше, когда нашу страну называли самой читающей в мире, эта роль действительно была высока. Сегодня же многие школьники лучше знают имена и творчество поп-звезд нежели писателей. В этой связи каково, по-вашему, сегодняшнее назначение литературы, что может противопоставить неторопливое писательское перо динамичному напору современной масскультуры?

- Литературу всегда называли человековедением. Я вполне согласен с таким определением. Но сейчас литература, по-моему, должна быть не столько человековедением, сколько человеколюбием. Сегодня литература шагает отдельно от людей. Многие нынешние писатели оказались оторванными от жизни, ее реальных проблем. Но настоящая литература не может быть придуманной, ведь она - жизненное явление.

Когда мы читаем научную работу по физике или химии, нам не обязательно знать происхождение ее автора и самому автору не нужно в свой труд вносить своеобразие своей страны или языка. Но автор литературного произведения должен вкладывать в свое детище душу своей земли и народа, поднимать злободневные проблемы, которые присущи только его родине. Только тогда он может стать близок и понятен всем нациям. Поэт должен быть немного националистом в хорошем смысле этого слова, ведь если в его стихах мы не услышим шум реки, протекающей мимо его аула, колыбельную песню матери и звуки родного языка - все остальное будет фальшиво.

Есенин писал о родных рязанских просторах, лугах и березах, но стал близок всей России и всему миру. Я сам к Есенину поздно возвратился, но теперь никогда ему не изменю. Порой я Маяковского ставил выше Есенина, сейчас, скорее, наоборот, но я не согласен с теми, кто Маяковского вообще не считает поэтом, он - крупнейший поэт, особенно интересны его дореволюционные стихи. Но Маяковский хотел подчинить Родину революционным интересам, а настоящие поэты революции и события подчиняют интересам Родины. Они не командуют Родиной, а подчиняются ее воле.

Живое писательское слово нужно всегда. Хотя я сам в последние годы уже начал думать, что понимание поэзии вообще исчезло из нашего общества, но, оказалось, ошибался. Недавно прошло несколько поэтических вечеров, на которых выступал и я, и оказалось, что люди принимают и понимают стихи, им близко поэтическое слово. Очень мно-

гие представители интеллигенции буквально удивляли меня, читая наизусть отрывки из каких-то моих и чужих произведений, и я понял, что все-таки стоит продолжать писать.

- Несколько лет назад было модно обвинять прежние времена в том, что бытовавшая тогда цензура не давала полноценно развиваться литературе. Что вы думаете по этому поводу?

- Я считаю, что цензура необходима всегда, конечно же, не в уродливой форме, но необходима. Она не должна вмешиваться в художественные формы и образы. В XIX столетии была очень сильная цензура, но какую великую литературу дал нам этот век!

Цензура в определенной степени помогает писателю найти болевые точки жизни и писать о них так, чтобы никто не мог упрекнуть его в отсутствии правдивости. Хотя цензура цензуре рознь. Если цензор имеет достаточный уровень, чтобы отделить хорошее от плохого - это одно, если же выбор произведений для публикации ведется по идеологическим или конъюнктурным соображениям - это совсем другое. Мы сейчас говорим, что у нас нет цензуры, но не надо обманывать себя: цензура была, есть и будет. Сейчас никто не будет публиковать в центральной печати стихи, посвященные Сталину или Ленину, хотя когда-то это было в порядке вещей.

Цензура может быть хорошим щитом против графоманов, которые всегда засоряли литературу. Потребность в такой функции цензуры сегодня как никогда высока. Нельзя что попало печатать, точно так же как нельзя ходить по улице голым. Имеет свои законы и правила общество, имеет их и литература. Нельзя болотную жижу выдавать за новую волну в литературе.

Я бы не сказал, что развитие литературы как-то связано с отсутствием цензуры. Если бы в былые годы не было такой жесткой цензуры, наверняка, не было бы Солженицына, талант которого раскрылся в борьбе с ней. Если бы литература развивалась в тепличных условиях, многие известные писатели и поэты, возможно, не написали бы свои лучшие произведения.

Сейчас вроде бы нет никакой цензуры, никаких идеологических рамок, отчего же не появляется ни одного литературного шедевра, почему нет ни одного романа, стихотворения, песни, которые бы стали событием в масштабах страны? Даже гимн пришлось старый возвратить и прежнего автора попросить переписать слова, потому что за десять лет никто так и не смог создать ничего достойного.

- Кстати, уже 8 лет наша республика живет с новым гимном у которого нет слов? Вы принимали участие в конкурсе на создание гимна и слова, написанные вами, вместе с музыкой Ширвани Чалаева были предложены для утверждения Народному собранию. Музыку утвердили, а про слова забыли. Почему?

- Думаю, что с самого начала подход к созданию гимна у нас был неверным. Надо было сначала писать слова, а уже потом музыку. Потому что писать слова на готовую музыку гораздо сложнее, чем наоборот. Почему гимн Дагестана был все-таки принят без слов, судить не берусь. Уже позднее я узнал, что в последний момент появились некоторые замечания к тексту. Не спорю, за то время, пока мы работали над гимном, в адрес моих слов было высказано много дельных замечаний и предложений. Я готов был работать над ними, но после того, как музыку приняли, о словах действительно забыли и не вспоминали. Удивления это не вызывало, ведь бессловесным был и гимн России. Однако, мне кажется, что сегодня настало время вернуться к этому вопросу. Дагестану нужна своя всеобщая песня, которая стала бы объединяющим началом для всех народов республики. Мы все были свидетелями, как разворачивалась ситуация вокруг гимна России. За десять лет никто так и не смог написать слова на сложную музыку Глинки. Высказывать замечания и предложения можно бесконечно, а гимн республике нужен уже сегодня.

- Дагестан один из немногих регионов России, где Союз писателей не распался. Многие скептики вообще ставят под сомнение необходимость существования такой организации, что вы можете им ответить?

- Да, уже дошли до того, что называют Союз писателей чисто чиновничьей организацией. Значит в чиновники от литературы записали и меня и таких известных поэтов и писателей, работающих в Союзе, как Магомед Ахмедов, Шейит-Ханум Алишева, Жамидин, Марина Ахмедова, Сугури Увайсов. Этими инсинуациями занимаются люди, не сделавшие ничего для дагестанской литературы, но пытающиеся заработать себе очки на беспочвенном ее охаивании.

Каждое общество имеет свою организацию. Народы объединены в государства, рабочие - в профсоюзы. Объединяющая организация нужна и писателям. Подобные союзы, пусть и в другой форме, есть и в Европе, и в Америке, и в Азии. Членство в Союзе писателей - дело добровольное. Конечно, я против того, чтобы Союз писателей когда-нибудь выступал в той роли, какую он играл в мрачные годы нашего прошлого, когда клеймили инакомыслящих, запрещали стихи, книги, а иногда даже и все творчество некоторых поэтов. К сожалению, иногда Союз использовали как орган усмирения и подчинения. Однако сейчас у него совершенно другое назначение. Союз писателей может и должен стать для писателей тем местом, где они могут поделиться друг с другом своими мыслями, обсудить новые произведения, пообщаться. Без такой организации писателям намного труднее будет решать и свои социальные проблемы. А что касается скептиков, то они забывают о том, что Союз писателей сохранился в Дагестане не по велению свыше, а по воле самих писателей, людей отдавших себя литературе и преданных ей, а, значит, он им действительно нужен.

Те, для кого дагестанская литература стала объектом для разного рода спекуляций, просто избрали наш Союз своей мишенью. Конечно же, можно вспомнить о том, что без Союза писателей обходились Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский. Но сегодня другое время. Поддержка нужна молодым литераторам, которые, несмотря на полное забвение культуры, все-таки связали свою жизнь с литературой. Необходима также помощь пожилым писателям. Всеми этими вопросами сегодня и занимается Союз. А тем, кто говорит, что он не нужен, могу ответить так: мне лично тоже не нужны многие министерства и ведомства, но я не выступаю против того, что они есть, потому что у них другие, никак не связанные с литературой задачи.

- В последние годы, не выдерживающие никакой литературной критики, книги заполонили прилавки книжных магазинов, часть из этих горе-литераторов не скупится и издается за свой счет, другая - активно привлекает спонсоров, которые часто вообще не знают, на что дают деньги. Чем, по-вашему, вызвана эта литературная болезнь и излечима ли она?

- Болезни в литературе - естественные явления, ведь литература - это живой организм. Но у нас в Дагестане графомания получила характер эпидемии. Сегодня пишут все, кому не лень, причем с уверенностью, что делают это хорошо. В литературе появились уродливые явления, которых раньше не было. Поэмы превратились сейчас в легкий жанр, и посвящают их часто чиновникам и банкирам. Многие молодые поэты, к сожалению, тоже идут по этому пути. Зарифмованное подхалимство

стало модой, вал совершенно бездарных сочинений последних лет очень сильно испортил читательский вкус.

Но настоящая литература все равно остается и стоит выше всего этого балагана. У нас было целое поколение прекрасных поэтов и прозаиков: Бадави Рамазанов, Нурадин Юсупов, Алирза Саидов, Муса Магомедов, Сулейман Рабаданов, Омаргаджи Шахтаманов. И лучшим доказательством того, что слово их до сих пор значимо, является тот факт, что по прошествии многих лет после их кончины их стихи читают наизусть и пишут на них музыку.

- В одном из недавних интервью вы сказали, что одной из основных черт нашего времени стала открытая и циничная несправедливость. А какой образ, по-вашему, больше всего подходит для олицетворения последнего десятилетия?

- Я бы сказал, что это - десятилетие безвременья. Из нашей жизни исчезли события, зато появилось множество мероприятий. Скажем, эпохой это время по большому счету назвать нельзя. У нас последние десять лет не было ни литературы, ни страны. Те, кто писал, перестали писать, а новых имен не появилось. Эпохой можно назвать время, которое имеет содержание, а его-то как раз и не было. В годы войны люди ждали новостей последнего часа, каждый час страна завороженно слушала голос диктора, люди осознавали значимость того, что происходит, несмотря на трудности. У нас не происходило за эти годы событий, которые бы можно было по значимости хотя бы в чем-то сравнить с этим. Раньше люди были готовы голодать и усердно работать во имя чего-то хорошего. Пусть многие их надежды не оправдались, но в наше время у людей отняли даже надежду.

- Что вы думаете о сегодняшнем и завтрашнем дне дагестанской национальной литературы?

- Хотя дагестанская литература развивалась на самобытной основе, но испытала огромное влияние русской литературы и значение это нельзя приуменьшать. В начале 90-х иные литераторы пытались придать большое значение арабоязычной дагестанской литературе прошлых веков и литературе дагестанской диаспоры в Турции. Но нельзя же в угоду конъюнктуре идти против правды. Конечно, и в этих литературах есть что-то интересное, но то, что мощный толчок развитию наших национальных литератур дала именно русская литература, неоспоримо.

Что же касается перспективы, то все будет зависеть от того, появятся или нет на литературном горизонте новые интересные писатели. Талант всегда появляется неожиданно. Никто не мог предвидеть, что появятся Батырай, Махмуд, Гамзат Цадаса. Союз писателей не может выучить или воспитать поэта, он может ему только помочь. Настоящий поэт независим от внешних обстоятельств, он живет по конституции своей совести и таланта.

Сейчас меня радует то, что в дагестанской литературе появляются произведения. Потому что раньше в нашей литературе было больше сочинений, а теперь появляются и произведения. Лезгинский поэт Арбен Кардаш, например, написал новую интересную поэму; кумыкский поэт Бадрутдин Магомедов тоже написал поэму, которая вызвала горячие споры; очень яркие и самобытные стихи я вижу у молодого аварского поэта Магомеда Гамзаева; народный писатель Дагестана Магомед-Расул недавно написал новую повесть, которая тоже вызывает большой интерес.

К сожалению, у писателей сегодня немало времени уходит на решение своих социальных проблем, многие вынуждены работать в газетах, на радио, так как писательский труд достойно не оплачивается. Литература от этого не выигрывает. Раньше движущей силой языка были писатели, а теперь, похоже, ею стали журналисты. Так быть не должно.

- Время, в котором мы живем, принято называть тяжелым и непростым, хотя, как свидетельствует история, легких времен вроде бы не бывает. Как вы считаете, от чего мы все должны наотрез отказаться в жизни и литературе, чтобы все время не уповать на превратности судьбы?

- Нам нельзя уходить от правды. Многие наши беды были оттого, что мы пытались себя и других обмануть. У нас до сих пор очень много бахвальства и хвастовства, оценки, которые даются явлениям и людям, часто завышены и лживы. В нашу жизнь и литературу ворвались налетчики, халтурщики и карьеристы, чего так боялся Эффенди Капиев. Литературе нужны простые, мощные и нежные голоса. Нужны долгие и трудные поиски, тогда будут и находки.

Сейчас у нас повсюду, в том числе и в литературе, принимается принцип: на безрыбье и рак рыба. Но это нас не должно устраивать. Надо неизбежно поднимать выше планку требований. У нас она сейчас очень занижена. Как оценить тогда нашу литературу? По большому счету - маленькая литература, по среднему счету - средняя литература, по маленькому счету - большая литература. Человек напишет несколько строк и уже считает себя поэтом, издаст худенькую книжку и требует признания. На вооружении нашей литературы уже нет межконтинентальных ракет, остались только ракеты средней и малой дальности. Многие поэты и писатели сейчас стремятся набрать высоту, но при этом забывают о глубине в своих произведениях. Мы во многом сами обедняем нашу литературу. Некоторые лихачи пытались еще совсем недавно вообще перечеркнуть литературу советского периода, хотя это, безусловно, была великая литература. Если мы вернули нашему читателю Бунина и Набокова, не надо при этом отказываться от Горького и Шолохова.

- Над чем вы сейчас работаете?

- Еще в 1993 году у меня вышла большая книга "Колыбель у камина", в которой собраны стихи и поэмы о стране. Не о Родине, не о государстве, а именно о стране. Книга была очень хорошо принята читателем, поэтому мне она особенно дорога.

Сейчас я работаю над циклом поэм и стихотворений под общим названием "Времена и дороги". Вошла в него и новая поэма о трех женах, образы которых перекликаются с образами эпох, в которых мы жили и живем. Первая жена - строгая и жесткая, но при ней был порядок. Вторая - уступчивая и демократичная, но проститутка. Нужно искать третью жену, чтоб была умной и красивой. Но при этом в мыслях все время невольно возвращаешься к первой.

В новый цикл поэм вошла и поэма о моей жене "Патимат", поэмы "Кавказ", "Черный ящик", стихи о жизни и смерти. К сожалению, до сих пор не хватает времени закончить поэму о Махмуде, история любви которого, по-моему, даже ярче истории любви знаменитых Тахира и Зухры. Незаконченными остались и цикл детских сказок "Дингир-Дангарчу", третья книга "Моего Дагестана", поэма о художнике Халилбеке Мусаеве, множество стихов.

- Развитие литературы на национальных языках тесно связано с проблемой художественного перевода, как вы смотрите на перспективы развития этого жанра?

- Несмотря на сложности, мы не должны потерять замечательную школу художественного перевода, которая была сформирована в советские годы. Многие переводчики тогда прекрасно переводили на русский язык дагестанских поэтов, предоставляя их произведениям огромную аудиторию. Дагестанские писатели и поэты переводили друг друга на родные языки. Я сам много переводил на аварский язык. Перевел поэму Есенина "Анна Снегина", стихи Пушкина и Лермонтова. Перевод - очень интересный жанр. К сожалению, такие

большие переводчики, как Наум Гребнев и Яков Козловкий, уже ушли от нас. Сегодня профессиональным переводом занимаются единицы. Но литературная молодежь должна учиться у них, ведь литературный перевод - это жанр, который позволяет по-новому раскрыть талант и переводчика и автора, одни и те же стихи на разных языках звучат по-новому, дополняют и взаимообогащают друг друга.

- Очень многие молодые дагестанские литераторы сегодня пишут на русском языке, даже те, кто прекрасно владеет своим. Как вы относитесь к этой тенденции?

- Я озаглавил одну из своих статей так: "Язык языку не враг". От того, что Чингиз Айтматов многие свои произведения написал на русском языке, киргизская литература не погибла, напротив: приобрела новые черты и краски. Можно писать на любом языке, главное - как и что писать. Лично я, например, не могу писать художественные произведения на русском языке, и поскольку аварский язык, к счастью, не запрещен, пишу по-аварски. Любые языки имеют право на существование. Но писать на русском языке ради того, чтобы иметь больше читателей - это самонадеянность. Надо бояться такой широкой аудитории, а не стремиться к ней. В этом плане надо быть ответственнее и опробовать свой талант в рамках своего языка. В дагестанской литературе очень немногие национальные писатели настолько хорошо владели русским языком, что могли на нем писать.

- Что вы думаете о сегодняшнем состоянии дагестанской литературной критики?

- Раньше, когда уровень литературы был гораздо выше, критики было намного больше. Даже в удачных произведениях зрелых мастеров усматривали недостатки. Сегодня же, когда в литературе столько халтуры, критики практически нет. Поэтому порой складывается такое впечатление, что халтура одержала победу над литературой. У нас, конечно же, есть талантливые критики и литературоведы, такие как Камал Абуков, Аминат Алиханова, Казбек Султанов, Гаджикурбан Расулов, Магомед Бисавалиев, которые опубликовали в последнее время немало интересных работ. Но все же настоящих аналитических и критических статей недостаточно. За эти годы вышло очень много книг, есть среди них даже романы. Но неужели дагестанские писатели настолько талантливы, что ни один критик не нашел в их объемных томах никаких недостатков? Писателям без критики живется легко, зато литературе от этого становится все тяжелее. Критика, безусловно, горькое лекарство, но ведь порой чем горше лекарство, тем оно полезнее. Нам нельзя об этом забывать.

- В Дагестане национальный фактор играет в политической жизни далеко не последнюю роль. В частности по национальному признаку формируется Госсовет республики. В последнее время национальный вопрос вновь муссируется на страницах некоторых изданий? Что вы об этом думаете?

- Думаю, что лучшее решение национального вопроса - вообще не поднимать его. Безусловно, национальное представительство надо учитывать, так было всегда. И в этом смысле принцип формирования Госсовета республики - очень мудрое решение. Но доводить это дело до абсурда - опасный путь. Ведь национальность у нас уже появилась даже у должностей, а термины аварское, даргинское, кумыкское, лакское и т.д. место прочно вошли в наш лексикон. Так быть, конечно же, не должно. На днях я открыл недавно изданную книгу "Сказки народов Дагестана", пролистал аварские, даргинские, кумыкские, лакские, лезгинские, табасаранские, татские сказки. К своему удивлению я увидел далее и ботлихские, и андийские, и ахвахские сказки. На это, конечно, можно не обращать внимания, но мы не можем не замечать того, что тенденция мельчить наши народы, сужая их рамки до границ одного аула или хутора, есть и подстегивается она амбициями безответственных политиков, стремящихся на этой волне получить себе титульное место в Госсовете.

Что же касается нагнетания страстей, то это вообще преступление, даже если делается это в мягкой форме. Мы убрали графу "национальность" из паспортов, но у многих она, к сожалению, все еще осталась в голове. Надо быть ответственнее перед своим народом и не обострять обстановку вокруг того или иного вопроса. У нас, к сожалению, слова национальный и националистический воспринимались многими как синонимы. В Дагестане уже создавались национальные движения, но почти все они к сегодняшнему дню уже расформированы. Лидер аварского национального движения Гаджи Махачев один из первых принял решение расформировать его, потому что понял бесперспективность его дальнейшей деятельности. Мы идем к единому Дагестану, поэтому надо искать то, что нас может объединить, а не разделить.

Сегодня опять появились статьи, где нагнетается тема переселения горских народов на равнину. Нужно вспомнить, что, когда дагестанские народы насильно переселяли с насиженных мест, все молчали. Сейчас ситуация такова, как она есть, и пытаться изменить ее безответственными призывами и глупыми действиями чревато плачевными последствиями. Националисты во все времена использовали национальный фактор, чтобы прорваться к власти, и прикрывались при этом возрождением национальной культуры. Они все время забывали, что культуру своего народа можно возрождать, не выдвигая политических лозунгов. Не язык, не нация, а сердца делают нас близкими и родными.

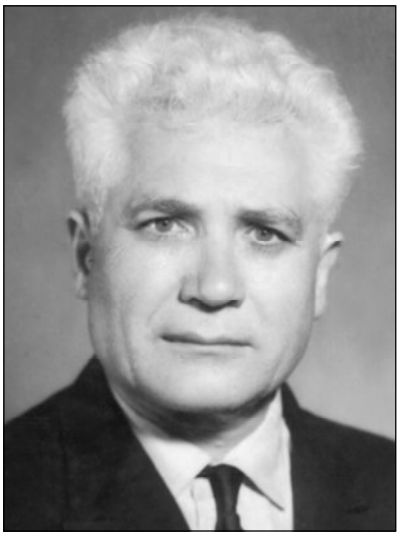
- Вы народный поэт Дагестана? Что для вас значит это звание, и как вы относитесь к званиям вообще?

- Я очень дорожу тем, что мне присвоено это высокое звание и был очень смущен, когда мне его дали, осознавая, что оно - определенный аванс доверия, который я должен буду оправдать. Но в последнее время я пересмотрел свое отношения к званиям и наградам вообще. Ведь сегодня целью многих писателей становятся не произведения, а звания. Доходит до смешного: некоторые писатели сами себя выдвигают на это звание, оспаривают право других получить его, настаивают на присвоении, мотивируя это тем, что они уже-де достигли соответствующих высот в литературе. У нас в республике 18 народных поэтов и писателей, так что же остальные, антинародные что ли? Нельзя литературу превращать в спорт. Писатели, стремясь к наградам и званиям, тем самым отдаляются от литературы. Без единой награды и звания умер известный русский писатель Михаил Пришвин, но его вклад в литературу от этого меньше не стал. Трудно представить себе Пушкина, утвержденного царским указом народным поэтом России. Он и без этого народный, был и останется им.

- Что вы пожелаете нашему журналу?

- Издание общественного и литературного журнала - очень большое и важное дело. Более десяти лет в республике не было журнала, где писатели могли бы публиковать свои произведения на русском языке. Его значение и назначение будет велико, если в нем будут звучать разные голоса. Одинаковых мнений, как и одинаковых людей, не бывает. Поэтому каждое разумное мнение надо уважать и не делать всех людей похожими друг на друга. В основе всего должна лежать правда. Нужно больше говорить о недостатках. Руководить нами в творчестве и в жизни должно не самомнение, а сомнение. В добрый путь, "Дагестан".

Беседовал Мурад АХМЕДОВ.



Расул МАГОМЕДОВ,
доктор исторических наук,
профессор

Джамаат вынесет вердикт

В последние годы в нашем общественном сознании угнездилась мысль, что после того, что мы пережили с 1991 года, нас ничем уже невозможно потрясти. Но 9 мая 2002 года мы поняли, что это не так.

Трагическая, внезапная гибель 44 ни в чем не повинных людей, почти треть из которых - дети, в центре праздничного Каспийска не оставила равнодушным никого. Наши газеты и эфир были полны горем и гневом, как и слова людей вокруг меня. Разве что выражение их было не всегда таким литературным, как в прессе…

Но жизнь идет дальше. Горя не стало меньше, но наряду с чувствами стали появляться и мысли о происшедшем, проще всех их выражали женщины: "…Ну, какое отношение имели дети и домохозяйки к войне, а все равно погибли… Получается, каким ты ни будь, а "эти" все равно тебя убьют…"

Улавливаете новую ноту, дорогие читатели? Взрыв в Каспийске показал, что принцип: "я их не трогаю - и они меня не тронут" - не действует. "Они" стараются убить как можно больше обычных граждан (видимо, для устрашения всех нас). Возможно, именно поэтому выбирают слабых и безоружных.

За 92 года жизни мне пришлось повидать много всяких людей, в том числе и разных негодяев. Но даже наихудший из них обычно не стремился уничтожать тех, кто не представляет для него ни интереса, ни опасности. Мы живем в другие времена. Как видим, в нашем обществе вывелась какая-то особая порода существ. В отличие от негодяев прошлых лет, для этих мутантов не существует даже логика. Они опасны для всех.

Что же делать нам, простым людям? Мы уже поняли, что в покое они нас не оставят: создана ситуация, когда самый мирный человек уже не живет, а ждет своей очереди на казнь неизвестно за что. Настало время всем нам серьезно задуматься над создавшимся положением - ведь любой не застрахован от внезапной гибели, пока среди нас живут такие существа. И сами собой встают обычные для нас вопросы: "Кто виноват? Что делать?".

Так кто же виноват?

Да, хозяйственная разруха и общественная нестабильность - предпосылки для возникновения криминала вообще и терроризма, в частности. Для Дагестана это так же справедливо, как и для остальных 88 субъектов РФ. Но как житель республики (а может, как историк по профессии) не могу не заметить и того, что отличает нас в этой сфере от остальных 88 субъектов. Это своеобразный исторический слом, обозначившийся в социально-историческом развитии дагестанского общества на рубеже 50-60 годов XX века. Механизм его составили демографические перемены, которые при всех их значительности едва ли вообще были замечены в то время, а в их серьезных последствиях вряд ли кто тогда отдавал себе отчет. К ним надо отнести нарастающий процесс урбанизации - он продолжается и поныне, мощную и продолжительную волну миграции на равнину, дополненную в 1957 году возвращением депортированных в Чечню дагестанцев.

В ходе этих процессов сотни тысяч наших людей оказались вырваны из первичной для них социальной среды с ее устойчивой структурой, системой норм общественного поведения, общественного контроля и регламентации, отлаженными механизмами воспроизводства этнокультурного облика и традиционной системы ценностей, ограждавших дагестанский социум от "манкуртизма" и разрушительного социального дисбаланса.

Способность к самоорганизации, исторически присущая горцам, конечно же, помогла устоять на ногах многим переселенцам, всеми правдами и неправдами укрепившимся на новых местах. Многим, но не всем. Десятки тысяч людей попали в ситуацию, когда прежние, воспринятые от предков, нормы и стереотипы общественного поведения оказались неприменимы в новой (например, городской) среде: горцу с его "общинными" навыками непривычно ощущать себя "социальным атомом". Итак, старые нормы для него уже не действовали, а новые он либо не успел (или не смог) усвоить. Либо их вообще - как отработанной цельной системы, сравнимой с прежней, джамаатской, - не оказалось. Человек, социальное поведение которого не регулируется какой-то внятной и общепринятой системой нормативов, сам становится причиной множества социальных проблем, описаниями которых полна наша пресса. В условиях нашей республики этим создается почва, кроме обычного криминала, и для религиозного, политизированного экстремизма, и для поражающего своей аморальностью терроризма. Столь "своеобразных" корней в других субъектах РФ нет, в них есть обычная преступность, но нет ни ваххабитов, ни террористических групп.

Обозначилась другая серьезная опасность: непрекращающееся "диффузное" проникновение в наши края людей, принимающих вооруженное участие в чеченском кризисе. Наемничество - явление не новое, но в наших краях оно имеет свои особенности. Наряду с обычными "солдатами удачи", воюющими за деньги, очень многие из них считают себя борцами за исламскую идею, за очищение исламских земель от всевозможных вредных и чуждых влияний, за присоединение их к будущей исламской "сверхдержаве" и т.п. (хотя от денег не отказываются).

История знает десятки примеров того, как "грандиозная идея" - то религиозная, то национальная, то социально-утопическая - способна увлечь людей (иногда весьма значительные массы), заставляет их отдавать все силы, жертвовать достоянием, жизнью ради утопического ее достижения. Мало того: чем "величественнее" идея, тем больше жертв, тем больше отступлений от человеческих норм она оправдывает (ради великой цели не остановимся ни перед чем!). Может, и в этом кроется объяснение чудовищной бесчеловечности палачей Каспийска?

Всегда находилось какое-то число людей, для которых скучным делом были производительный труд, совершенствование общественного устройства и законов, образование, одним словом, все то, что привело к благопо-

лучию нынешние передовые страны. Зато такие люди готовы рискнуть всем ради очередного "миража". Иногда им удавалось сбить с толку и потащить за собою своих земляков. Всегда это кончалось плохо, но уроки истории для таких людей непонятны, а потому история их не учит, а наказывает. А вместе с ними и тех, кто пошел за ними.

В Дагестане таких оказалось больше, чем хотелось бы. Но, с другой стороны: разве их было бы столько, если бы не "организующая роль" пришельцев, если бы не кровавая "сдельщина", когда каждый труп оплачивается привозными нефтедолларами. То и дело обнаруживаются заснятые самими террористами на видео кадры с их злодеяниями - ведь не из любви к киноискусству они это делали, а для отчета перед заказчиками и для оплаты.

Есть еще одна "статья расходов": на обучение и содержание дагестанцев, обучающихся в странах Востока. Их предыстория известна: 70-летний перерыв в нашей культурно-религиозной традиции имел одним из своих последствий "кадровый голод" на подготовленных священнослужителей. Наша молодежь отправилась за духовными знаниями в страны Востока. Дело было пущено на самотек в "лучших" ельцинско-горбачевских традициях: ни уровнем подготовки выезжающих, ни уровнем знаний возвращающихся, ни программами и содержанием обучения в зарубежных медресе никто не интересовался. Результаты имеем соответствующие: вернулись многие, хотя и не все: кто продолжил образование в обычных наших вузах, кто "пошел в бизнес", кто-то оказался в Чечне. Это все еще понятно. Но не всегда понятна деятельность тех, кто стал настоятелями наших мечетей. Опираться тут приходится на впечатления верующих, которые ведь тоже не всегда компетентны.

Так, наряду с детства знакомыми обрядами и представлениями, кое-кто из вернувшихся обнаруживает склонность к непривычным трактовкам исламских понятий, которые принято называть фундаменталистскими (а в обычной речи - попросту "ваххабитскими"). Ни в коей мере не считая себя достаточно сведущим, я не берусь судить о догматической стороне дела - оставляю это для подготовленных алимов. Но общественно-культурную сторону дела я все же затрону.

За 13 веков бытования ислама в Дагестане у нас успели сложиться определенные формы его понимания, совмещения исламских норм и понятий с адатами и бытовыми традициями горцев - оформилась цельная религиозная и социально-культурная система, ставшая объединяющей морально-духовной опорой для многих поколений дагестанцев. Ни самые авторитетные шейхи прошлого, ни известные своей решительностью имамы XIX века не пытались "ломать через колено" эту исторически сложившуюся в Дагестане ситуацию, она органично вошла в дагестанскую духовно-культурную традицию и была передана ныне живущему поколению.

И вдруг, в начале 90-х годов, появляются сравнительно молодые, 20-30-летние, люди, из речей которых следует, что переданный нам предками ислам - это какое-то печальное заблуждение. Что и тарикаты, и масхабы, и память о духовных авторитетах прошлого, и многое другое из этого наследия достойны лишь сожаления и забвения.

Таким образом, если правы эти молодые люди, то не правы те, кто на протяжении 13 веков распространял в Дагестане именно этот ислам. Так неужели шейхи и имамы прошлого были менее проникнуты духом ислама? Почему их современники в странах исламского мира считали, что наши ученые не уступали самым авторитетным алимам того времени, охотно предоставляли им кафедры своих медресе? Неужели нынешние молодые "новаторы" своею ученостью превосходят их всех вместе взятых? Пусть они извинят меня, но мысль о том, что они своим пониманием ислама превосходят и Шамиля, и шейха Джамалутдина, и Гази-Мухаммада, и Яраги-Мухаммада, и основателей тарикатов, и многих других - такая мысль не укладывается в моем сознании.

Но допустим, что 13 веков мы бродили в темноте - и вот, наконец, взошло солнце. Что же предлагается нам взамен того духовного наследства, которое наше поколение получило от предков? Что предлагается передать следующему поколению дагестанцев? Судя по статьям "новаторов", которые мне довелось прочитать в "Мире ислама", "Знамени ислама", "Моджахеде" и других газетах, авторы недовольны пороками нынешней "постперестроечной" жизни - и тут я с ними во многом согласен (непонятно только, при чем тут "тарикатский ислам"?). В них предлагаются и воззрения авторов на ислам и основные его понятия, о которых я судить не берусь - пусть об этом скажут сведущие люди. Замечу только, что за 70 лет занятий наукой не раз убеждался, что "простота" и "правильность" - это все-таки не одно и то же. Наконец, их практические рекомендации, обращенные к читателю, вызывают сильнейшие сомнения: у разных авторов заметен определенный разнобой. В них можно найти все что угодно: призывы к "большому" и "маленькому" джихаду, к переходу к жизни по нормам шариата (а что делать с теми, кто к этому не готов? куда девать законы государства?), к борьбе с "Мировым Куфром" (один только автор знает, что это такое), с "кафирами" и "мунофиками" (последние, как я понял, это мусульмане, с которыми автор расходится во мнениях). Вообще, не совсем понятно, кто (кроме авторов) должен, способен и может делить людей на разные категории, а потом "разбираться" с теми, кто плохой…

Но особенно поражают громадные тиражи этой литературы. Брошюры издательства "Сантлада" повсюду - от солидных книжных магазинов до базарных лотков и развалов, вышеназванные газеты - в любом киоске! Откуда такие средства? Кто спонсор? Большинство авторов этих брошюр - саудийцы и пакистанцы. Может, и спонсоры оттуда? И что примечательно: примерно та же интерпретация мусульманства, та же критика в адрес наших традиционных форм исповедания ислама, те же рекомендации нам, "несмышленышам", слышны и от некоторых выпускников, вернувшихся в Дагестан из дальних стран.

О действиях так называемых "ваххабитов" читателю хорошо известно, осуждение их политической позиции - совершившийся факт. Однако возможен раскол в общине верующих, и не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа. Наихудший вариант - появление радикальной нелегальной квази-религиозной (политизированной) структуры, готовой служить порой для всякого враждебного проникновения в Дагестан извне.

Оказывается, для нанесения удара по стабильности республики не обязательно организовывать бандгруппы, закупать взрывчатку и оружие, оплачивать убийства. За такие же деньги можно организовать внедрение разными путями таких идей, которые развалят единую морально-религиозную "платформу" народа. Традиционное единство наших народов я, как историк, считаю самой большой исторической ценностью Дагестана. Мне уже приходилось писать, что если мы сумеем это единство сохранить, то уцелеем и сами на страницах истории в третьем тысячелетии. Если же нет, то судьба наша весьма проблематична. Надеюсь, теперь читатель понимает, почему "идейно-религиозная" активность радикально-фундаменталистских организаций из стран Востока вызывает большее беспокойство, чем их военные акции. Они целятся в наше будущее.

В сложившейся ситуации терроризм на территории Дагестана, идущие с ним рука об руку криминал и религиозный экстремизм, получают неуязвимую для властей "стратегическую базу", достаточно мощную и на долгие годы - пока будет тлеть, периодически разгораясь, очаг войны в Чечне. Логика событий 1991-1999 годов очевидна: прямые военные действия в Чечне делают уязвимыми тамошние убежища "наших" преступников. Вот почему на "мирные переговоры", "прекращение военных действий" граждане РФ реа-

Каспийск: живые цветы на месте трагедии появляются каждый день.

Фото Ю. ИВАНОВА.

гируют по-разному. Живущие вблизи очага войны воспринимают их с некоторой настороженностью, вспоминая хасавюртовские уступки и последовавший за ними вал преступности, терроризма и экстремизма. Лишенные такого личного опыта думские деятели видят за этими словами путь к миру, хотя никаких гарантий, кроме старой пословицы "Худой мир лучше доброй ссоры", обеспечить не могут.

Еще одной причиной оформления религиозного экстремизма и терроризма в Дагестане называют неэффективные действия властей, правоохранительных органов. К обильной, во многом и справедливой, критике в их адрес трудно что-либо добавить. Но потому попробую за них заступиться.

На мой взгляд, одно из серьезных затруднений для их действий - несовершенство законодательной базы. Когда видишь по ТВ историю о том, как собровцы захватывают в Чечне изготовителя фальшивых долларов, и как затем его освобождают из зала московского райсуда из-за процессуальных нарушений, то задумываешься не только о мотивах таких действий судей, но и о прорехах в законе. Однако законы пишет не местная власть, а Госдума.

Наши руководители искали содействия у своих полномочных коллег из центра, ведь экстремисты к тому времени изгнали местную власть из сел Карамахи и Чабанмахи, объявив эти земли "шариатской территорией". И что же? Все помнят, как "власть" уверенно заявила об экстремистах: "Обычные крестьяне!". Когда грянули события августа-сентября и "крестьяне" оказались не совсем "обычными", эта же власть всенародно заявила: "Боюсь, что Дагестан мы уже потеряли!". Местные власти есть за что упрекать, но будем справедливы до конца: они действовали на основе несовершенных законов, не имея должной и ответственной поддержки центральных властных органов.

Попытаемся подвести итог вышесказанному. Почему в других субъектах РФ террористические акты с массовыми жертвами случаются эпизодически, а у нас - периодически? Наряду с очевидными причинами социально-экономического, внешнего, регионального, "организационно-административного" характера существует и ряд локальных причин, не столь заметных для внешнего наблюдателя, но хорошо знакомых всем, живущим непосредственно в очаге событий.

Так что же нам делать?

Ну, конечно же, хорошо бы укрепить страну, поднять ее экономику, нейтрализовать внешнюю опасность, загасить окончательно очаг военного кризиса в Чечне, наконец, завершить создание целостной правовой системы РФ. Но подобные рецепты столь же неоспоримы, сколь и малополезны. Каждому ведь ясно, что это задачи глобального, федерального уровня, на решение их уйдут десятилетия. Между тем мы живем сегодня, и беда грозит нам каждый день.

Так не полезнее ли начать с того, до чего мы сами, и сейчас, можем дотянуться? Спору нет: нынешние возможности республики ограничены. Но, с другой стороны, кто больше нас самих заинтересован в нашей безопасности? Кто еще обладает таким опытом и знанием ситуации, как мы? Да, мощная поддержка России - необходимая гарантия нашего успеха. Но при этом остается верной древняя истина: никто не в силах помочь тому, кто не стремится помочь себе сам. По-моему, это настолько понятно, что не нуждается в комментариях. Так что же делать нынешнему поколению дагестанцев, не дожидаясь десятилетий глобальных перемен?

Возможно, ответ на такой вопрос найдется у каждого из моих сограждан. Я тоже не исключение. Как историк скажу, что на протяжении нашей обозримой истории горцы не раз показывали способность до предела мобилизовать свои силы, опираясь на своеобразную структуру горского общества. Оно не было ни хаотичным, ни "атомарным" - несколько столетий тому назад горцы пришли к особому типу сельской общины - джамаату, гарантировавшему своим членам личную свободу, достаточный для обеспечения жизни земельный надел, коллективный суверенитет. Союзы горских джамаатов, однотипные и равноправные, легко достигавшие согласованности ради общих целей, составляли особый мир с общими чертами хозяйства, общественного и правового устройства, культуры и норм общественной морали. Человек этого горского мира не мыслил себя в отрыве от своего тухума, джамаата, союза. Мало того, даже будучи отторгнутым от этого мира, попав в иную среду, он нес в себе все нормы джамаатской морали. Любой горец сызмала рос в этой среде, где любой его поступок контролировался общественным мнением, получая оценку тухума и джамаата. Множество примеров свидетельствует: единственное, чего боялся бесстрашный горец - это мнение джамаата. Упасть в глазах односельчан было для него страшнее любого судебного наказания. Почему этот сложившийся вековой образ Дагестана мы должны потерять? Это же преступление перед будущими поколениями.

Разумеется, что в такой целостной среде, где любой был на виду в своем тухуме и джамаате, немыслимым было бы создание какой-то конспиративной организации, да еще в союзе и с опорой на "чужаков", да еще с целью убийств за деньги других людей, включая детей и женщин.

Человек, воспитанный и сформированный в системе джамаатских норм, следовал им и за пределами своего села или округа, эти правила становились такой же неотрывной частью его характера, как нога или рука частью его тела. Он и там продолжал осознавать себя как частицу своего тухума и джамаата - любой его недостойный поступок или хотя бы промах неизбежно бросал тень на них, чего он не мог допустить.

Я пишу об этом так уверенно не только потому, что сам вырос в такой среде еще в те годы, когда джамаат сохранял все свое значение. В своих многолетних поездках и экспедициях по Дагестану я повсюду встречал этих "носителей горских традиций" - слава Аллаху, не только мои ровесники помнят таких людей. Я уверен, большинству

дагестанцев еще знаком этот тип "настоящего горца", который, к счастью, не перевелся и поныне. Строить свою жизнь в соответствии с жесткими нормами общепринятой морали и совести - хотя никакая внешняя сила к этому не понуждает - дело нелегкое. Но мне повезло и при царской и советской власти еще застать время, когда этот "кодекс чести" был мерилом поведения для всех.

Не забыт он и сейчас - на этом, собственно, и основывается моя надежда. Вкратце она сводится к следующему. Многие из наших нынешних проблем были бы преодолены, если бы удалось вернуть нынешним нашим людям традиционный "общественный дух", хотя бы часть проверенной временем системы моральных принципов горского общества. Эти традиции не совсем забыты ныне живущим поколением. Осенью 1999 года, когда Дагестану грозила реальная внешняя опасность, мы наблюдали их мощный всплеск, для многих неожиданный. Так как же "оживить" это наше наследие?

Мне кажется, надо решиться подвести под такую работу соответствующую материальную базу. В наши дни все еще остается нерешенным вопрос о формах местного самоуправления, между тем он более чем назрел для всей страны, судя по выступлениям президента. При этом наши законодатели согласны на широкий учет локальных особенностей и традиций в утверждении местных форм. Сейчас у нас есть шанс обернуть неоформленность этого звена государственного устройства на пользу нашему обществу. Мне уже приходилось высказывать в печати свой взгляд на возможность сохранения джамаатских принципов в новой системе местного самоуправления Дагестана. К сказанному лишь добавлю, что с возрождением джамаатской структуры на реальной территориально-правовой основе решился бы и вопрос о поддержании самим народом общественного порядка, и о формах самообороны, и об учете традиционных особенностей Дагестана в новой правовой системе России.

Встает вопрос: а не возникнут ли трудности в совмещении "локальных" институций с единообразными структурами всей Российской Федерации? Могу с уверенностью заявить: возможны лишь технические, вполне преодолимые трудности. Российская держава с конца XV века развивалась и оформлялась как многонациональная и поликультурная, а потому ею "наработана" серьезная государственно-правовая традиция учета и инкорпорирования самых различных локальных правовых особенностей. Примеров тому много, но достаточно лишь упомянуть о "военно-народном" управлении на Северном Кавказе: тогдашняя администрация сумела "сопрячь" с общеимперскими правовыми принципами и основные нормы горских адатов, и шариат, и традиционные формы джамаатского самоуправления. И что же? Разве нарушило это целостность Российской державы? Напротив - укрепило!

Итак, главным звеном, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь наших нынешних нелегких проблем, мне представляется возрождение традиционной, веками проверенной духовной структуры наших народов через учет джамаатских принципов в новой, создаваемой ныне, системе местного самоуправления.

Понятно, что дело это непростое: при самом серьезном подходе оно заняло бы несколько лет. Между тем жить приходится сегодня, а преступность и деморализация в нашем обществе зашли слишком далеко. Кто-то отметил недавно, что число убитых общественных деятелей Дагестана, начиная с 90-х годов, уже перевалило за пятьдесят, ни одно из этих убийств не раскрыто. Многие из них произошли в селах. В прошлом убийство среди бела дня в центре села или даже на его окраине было делом фантастическим. Сельчане тут же нашли бы способ организовать погоню за убийцами, люди приняли бы участие в поимке и наказании преступников без всякого особого приглашения, и немедленно. Горский джамаат тем и отличается, что у него вопроса "что делать?" не возникало. Был вопрос "что случилось?", а дальше каждый знал то место, где ему надлежит быть, и что при этом делать.

Судя по всему, эту ценную нашу особенность мы начинаем утрачивать. В нашей среде начинают рождаться манкурты - уроды, способные на оплаченное убийство своего же односельчанина. Наши предки говорили: "Как провел ты жизнь, так она и прошла". Иначе говоря: чем мы наполняем наше время, таким оно и будет.

С чего же начать?

Мне кажется, на первых порах надо в доступных нам пределах гарантировать человеку жизнь. Но если он погибнет, то и виновному в этом наказание должно быть отмерено той же мерой.

Совершенно не могу принять шаблонного возражения, которое слышим от нынешних "горе-законников": мол, наказание смертью ни в одной стране не избавило общество от убийств. Нелепость этой отговорки очевидна: из-за того, что применение лекарств не приводит к исчезновению болезней, можно ли делать вывод, что лекарства бесполезны? Если они излечат хоть кого-нибудь, уже этим будет оправдано их применение! А ведь терроризм - это болезнь общества, с этим согласны абсолютно все! Что ж, раз болезнь, значит, и лекарства должны ей соответствовать: туберкулез не лечат средствами от кашля! Обидно только, что нелепость о "бесполезности исключительных мер" звучит иногда на вершинах власти. Поворот к простым, радикальным и общепонятным мерам "соответствия вины и наказания" кажется мне "первой помощью" нашему больному обществу. Только бы не опоздать с нею.

Итак, речь об отмене моратория на смертную казнь? Не совсем так. Хотя мне близки чувства большинства моих сограждан, требующих этой меры. Я бы и сам громко присоединился к их требованиям, но решимость моя пропадает при взгляде на нынешнее состояние нашей юстиции. Коррупция, разъевшая весь наш государственный механизм, не миновала и наши суды. Как можно подобным структурам вручать право решать вопрос о жизни и смерти человека? Лет десять уже наши газеты и эфир переполнены сообщениями о "судебных ошибках" самого подозрительного свойства. В этих условиях сильное лекарство (отмена моратория) рискует оказаться опасней самой болезни…

Так что нам делать в создавшемся положении? Без сильного лекарства нас может постичь судьба больного, брошенного без первой помощи, а сильное лекарство в ненадежных руках само превратится в смертельную опасность! Так что же: выхода нет? Есть.

Вспомним о "законе гор".

Не будучи юристом, я не берусь за решение этой проблемы в масштабах всей России. Но, будучи историком, хочу высказать мнение относительно Дагестана.

В "джамаатский период" нашей истории в горском обществе господствовали принципы равного воздаяния за причиняемый ущерб, тогда же сложилась и институция наказания смертью за убийство, эффективно контролируемая обществом (джамаатом) и недоступная коррупции: я имею в виду кровную месть

Предвижу критическую реакцию части читателей на столь неожиданный рецепт: одни сочтут его "архаичным", другие увидят в нем угрозу "цепной реакции", перерастающей в неконтролируемое массовое взаимоистребление сторон (виновной и потерпевшей). Однако попробуем разобраться.

В те времена убийство одного человека другим давало право родственникам убитого на равное воздаяние: с момента убийства они теоретически получали право убить любого из родственников убийцы, причем безнаказанность такого ответного убийства гарантировалась джамаатом. Однако на

практике убийство первого попавшегося происходило крайне редко. Причиной тому - целая система правил и ограничений: их соблюдение также контролировал и гарантировал джамаат.

Зная о последствиях, тухум убийцы немедленно организовывал оборону (но не "превентивный удар" - что восстановило бы против него весь джамаат). Не теряя времени, он выделял группу авторитетных родственников, которые вступали в контакт с джамаатским руководством и уважаемыми людьми села. В результате формировалась коллегия посредников. Отказаться разговаривать с такими людьми потерпевшая сторона не могла, и это гарантировало начало переговоров обеих сторон. По адату родственники убийцы, непричастные к его преступлению, имели право выкупить свою личную безопасность, внеся определенную сумму (деньгами или натурой) потерпевшей стороне. Размеры этого выкупа - его чаще всего называют алум - и были темой переговоров. Ведь как бы ни были разъярены родственники убитого, они все же понимали, что предпочтительнее наказать лично убийцу, нежели непричастного человека, вся вина которого лишь в дальнем родстве с ним, такая месть "равняла счет", и после нее потерпевшая сторона считалась удовлетворенной, теряла дозволение джамаата на месть настоящему убийце. Если бы тот был затем убит, то это считалось бы несправедливым и немотивированным убийством, т. е. стороны поменялись бы ролями.

Итак, посредники помогали согласовать сумму алума, после чего родственники убийцы вскладчину собирали ее, причем доля вклада каждого зависела от степени его родства с убийцей (по адатам некоторых сел убийца тоже вносил свою долю, но не везде). Обычно на это уходила неделя. Уплатив алум, родственники убийцы гарантировали себе личную безопасность, а потому не затягивали его выплату.

Приняв алум, родственники убитого вручали основную часть его семье, возмещая этим потерю (иногда кормильца), в своем общем пользовании они оставляли лишь строго определенную ритуалом часть. Зато продолжалась "охота" за самим убийцей. Обычно он старался как можно быстрее покинуть родные места. Однако немало было в Дагестане и таких аулов, где убийца обязан был отсиживаться в укрепленном доме под защитой родственников. Срок такого заключения был неопределенным - до прощения виновного всеми родственниками убитого, и потому мог растянуться на годы и десятилетия. Все это время убийцу-затворника подстерегали "снайперы" потерпевшей стороны: адат позволял им это.

Поскольку поступок убийцы нарушал общественный порядок и вовлекал сельчан помимо их воли в непредвиденные хлопоты, джамаат возлагал на убийцу еще и штраф. Сумма его была твердо установленной и уплачивалась из личных средств убийцы, родственники не были обязаны ему в этом помогать. Но не так-то просто получить эту сумму с человека преследуемого, ведь распоряжение имуществом для него весьма затруднено. Но джамаат получал этот штраф почти всегда: если убийцу прощали, то вернуться домой он мог лишь, внеся его, а если его убивали, или он сам умирал в изгнании или в затворничестве, то разрешение похоронить его на родном кладбище, рядом с могилами родственников, джамаат давал лишь после уплаты штрафа.

Человек тех времен мыслил себя только живой частичкой своего джамаата и тухума; лишь гарантированный возврат в этот "родной мир" давал ему силы переживать вынужденные отлучки, а потому изгнание было для него тяжелой карой, хуже которой была только смерть. К тому же, по адату он не имел права ни приобретать недвижимость, ни заниматься земледелием, ни даже стричь волосы (длинноволосая прическа выделяла его в любой толпе). Но главное - родственники убитого постоянно выслеживали его, собирая о нем информацию, стремясь застигнуть его врасплох и убить. Все это вместе взятое делало жизнь кровника весьма горькой.

Между тем его родные, уплатив алум, устанавливали контакты с родственниками убитого. Начинались переговоры о возможности его прощения, привлекались и посторонние. Целью было добиться прощения у каждого (!) из тухума убитого, труднее всегда бывало уговорить его мать. Обычно на это уходили годы, и все это время кровник скитался, скрываясь, с непокидающим его страхом смерти. В некоторых случаях прощения удавалось достичь. Проводился особый, довольно сложный и затратный обряд - наиболее затруднительна для тухума виновного была выплата дията, шариатского выкупа с убийцы при таком "амнистировании" (его тоже собирали родственники).

Я описал в общем процесс кровной мести - в разных местах Дагестана он имел свои особенности. Подведем итог. Кровная месть вовсе не была кровавой анархией - процесс ее продуманно регулировался джамаатом. Последствия убийства частью распространялись и на родных убийцы, что волей-неволей заставляло тухум контролировать поведение своих членов, в особенности - агрессивных, безответственных, склонных к криминалу. И это удерживало их от преступлений лучше всякой полиции. Наказание убийцы было весьма серьезным: в течение нескольких лет он имел ежеминутный шанс погибнуть (что часто и случалось). Если же он дожидался прощения, то срок изгнанничества, полный страха и лишений, был тяжелее "лагеря общего режима". Серьезность наказания смертью обеспечивалась тем, что общество вручало это право группе наиболее заинтересованных лиц - родственникам убитого, которых невозможно было ни подкупить, ни запугать. Но им же передавалось и "право амнистии" - горское правосознание было достаточно гуманно. Однако право простить преступника вручалось не бездушным и продажным чиновникам, а потерпевшей стороне, включая мать убитого. Продуманы были и материальное возмещение семье потерпевшего, и общественные расходы - причем за счет виновного, а не налогоплательщиков. Гарантированы были все три вида выплат виновной стороной, причем даже мертвый убийца мог быть подвергнут санкциям!

Предвижу возражение: допустим, наши предки создали более эффективную систему наказаний за серьезные преступления, чем нынешняя, но возможно ли ее возвращение в сегодняшнюю жизнь, ведь условия ныне совсем иные?

Сегодня человека не напугаешь "изгнанием из аула" - многие, пожалуй, посчитали бы наказанием, скорее, "возвращение в родной аул". Да и длинноволосая прическа мужчин уже утратила прежний смысл. А главное - исчезли джамааты тех времен. Поэтому я и не предлагаю с завтрашнего дня возродить кровную месть в ее первозданном виде. Однако некоторые ее стороны - общественный контроль над случаями убийства, особые права родственников убитого, какие-то формы солидарной ответственности близких к убийце людей, компенсации и расходы за счет убийцы и тех его близких, которые пользовались получаемыми от него благами, наконец, влияние и исполнение приговора - все это, на мой взгляд, заслуживает внимания уже сегодня. Если же будет найдена более удачная, более близкая к нашей традиции форма местного самоуправления, то все эти компоненты могут стать еще реальнее.

Каспийская трагедия толкнула меня к письменному столу, я не ожидал, что статья выйдет столь объемной. Главным было желание хоть чем-то помочь тем, кто ищет пути выхода из затяжного кризиса нашего общества. На мой взгляд, наши глубинные традиции, проистекающие из единства наших народов, все еще остаются фактором сохранения стабильности дагестанского общества.

Для отыскания действенных и реальных мер необходим просто учет всех особенностей нашего положения. Дагестан никогда не вылезет из беды, если растеряет свои нравственные ценности и традиции. Ведь и европейские народы успешно сохраняют их в самых современных условиях.

НАУКА

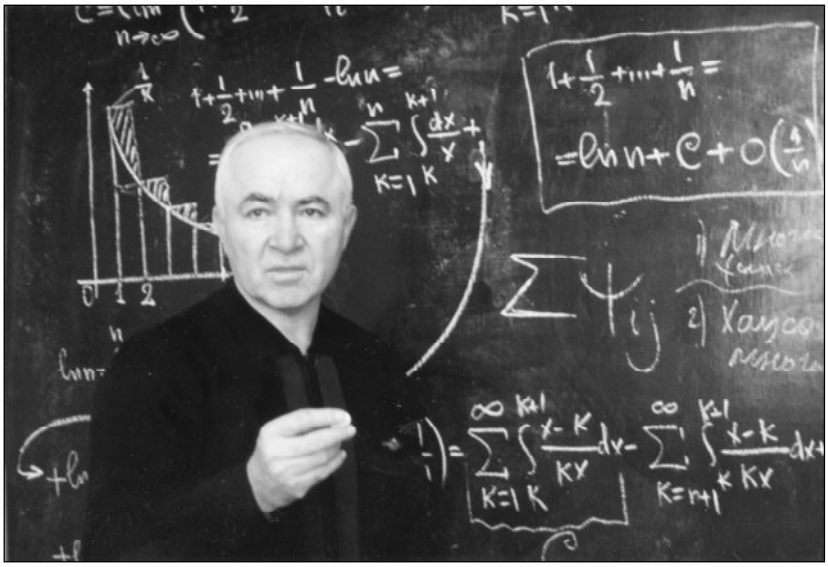
Шамиль АЛИЕВ:

"Взрослые - это безнадежно запущенные люди. За исключением способных стать детьми…"

У Шамиля Алиева много должностей и званий. Вот некоторые: руководитель Центра прикладных, стратегических, оборонных и информационных технологий при дагестанском правительстве, советник председателя Госсовета и председателя Правительства Дагестана, главный конструктор САПР Особого конструкторского бюро, доктор технических наук, почетный академик Российской Академии космонавтики. Полный перечень занял бы полстраницы. Но следует обязательно добавить, что хорошо известный в нашей стране дагестанский ученый является признанным также во многих зарубежных странах авторитетом в самых разных, на первый взгляд, не пограничных даже областях знаний. Неискушенный читатель вряд ли полностью осознает всю глубину его научных интересов, необычность многих проектов, инициатором которых он является. Например, его заслуги в разработке теории движения морских судов, создании новейших технологий в машиностроении непререкаемы.

Но и этим сказано далеко не все. Философия, психология, педагогика, даже отчасти - литературоведение и вторжение в тайны ритмики художественных произведений, описание и познание этих тайн средствами математики и физики также волнуют Шамиля Алиева. Что и побуждает редакцию журнала обозначить на его страницах единственный в своем роде жанр публикаций - "Беседа с Шамилем Алиевым". Он единственный потому, что каждый человек - единственный в своем роде. А Шамиль Алиев - тем более.

Эти беседы не посвящаются какой-либо одной теме, что, впрочем, тоже не исключено. Но, как правило, разговор с ученым плавно перетекает из одной сферы в другую, вызывая интерес собеседника широтой взглядов, неожиданностью суждений, внешней парадоксальностью, но, по сути, строгой логичностью формулировок и эрудицией. Мысли, высказываемые в ходе таких бесед, порой афористичны, они не поддаются быстрой систематизации. Но возможность проникнуть в творческую кухню незаурядной личности крупного ученого, озабоченного решением многих проблем человеческого бытия, весьма заманчива. Шамиль Алиев такую возможность нашему журналу предоставил, за что ему редакция благодарна.



Предлагаем вниманию читателей первую из таких бесед.

- Всякий раз поражаюсь, входя в вашу лабораторию или в этот рабочий кабинет: на стенах плакаты с начертанными на них графиками, таблицы с диаграммами, формулами, исписанные мелом черные ученические доски с теми же формулами, столы завалены книгами, отдельные из них раскрыты, а перед вами еще рукописные фолианты и просто тетради, в которых все те же математические иероглифы… Для чего это?

- Я и дома окружен этой "живописью". Каждый мыслит по-своему, мне такой антураж очень помогает. Здесь нет ничего лишнего, и при кажущейся хаотичности все находится на своем строго определенном месте и в строгой последовательности. Каждое графическое изображение, каждая формула напоминают о разрабатываемой идее, нерешенной пока проблеме, будоражат воображение, заставляя возвращаться к теме вновь и вновь. Так может продолжаться изо дня в день, из месяца в месяц, и даже из года в год. Пока идея не будет реализована или окажется, что путь тупиковый. Но и в этом случае по ходу движения возникают новые идеи.

- И потом они срабатывают?

- Да. Потом они занимают свое место в этом для постороннего глаза непонятном беспорядке, а меня заставляют искать решение. Мне удобно размышлять стоя у доски с мелом в руках, особенно если есть активный собеседник, даже молчащий, но с интересом в глазах слушатель. В любой аудитории я нахожу одного или двух таких людей и обращаюсь мысленно к ним. Видимо, постоянный диалог с собой требует отдушины, незримая связь с умным, даже пусть предполагаемо умным собеседником предоставляет такую возможность, мобилизует меня и плодоносит новыми поворотами мысли. На телевидении, скажем, сложнее, там не видишь аудиторию.

- Таким образом вы целенаправленно создаете на своем рабочем месте нужную вам ауру?

- Да. И она возникает. Ее, ауру хозяина кабинета, не только мою, ощущают другие люди. Я не раз с этим сталкивался. Наверное, каждый испытывал на себе, что даже пересев в комнате с одного места на другое, вы чувствуете себя комфортнее. Так и при контакте с

людьми. Американцы, кстати, очень большое значение придают психологической совместимости людей не только при полетах в космос, но и в самых, казалось бы, безобидных ситуациях. Порой это обстоятельство имеет решающее значение для достижения результата. Поэтому на обустроенном должным образом рабочем месте возникает нечто, что способствует успеху.

- Нечто мистическое?

- Нет, это правило, которое нужно принимать во внимание и активно им пользоваться. Информация рождает информацию. И если кто в мое отсутствие перевесит какую-то таблицу на другое место, я это сразу замечу и верну ее, ибо на новом месте она уже не несет нужной мне информации. Казалось бы, пустяк, но в такой тонкой сфере, как рождение идеи, пустяков нет. Если позволительно такое сравнение, скажу, что интересная идея рождает свою мелодию, и ее "певучесть" может потеряться, если окажется не в том ассоциативном ряду.

- Можно пример? Вот на плакате я вижу детский волчок, юлу, им любуется ребенок, а сбоку его разглядывают два ученых мужа. Ну, и что?

- Все, что здесь нарисовано, написано, сделано по моему заказу. А этот рисунок волнует меня уже несколько лет. Феномен вращения поразителен, с ним у меня связано несколько идей. "Заразил" я вращением и генерального конструктора "Бурана" академика Глеба Лозинского, когда по его заказу сделал установку, которая позволяла с помощью разных вращений конструировать любое движение. Феномен взрыва и вращения до сих пор до конца не понятен. Ведь и вселенная, считается, началась с вихря. Все в мире сообразуется с вращением, вплоть до танцев. Часы идут по кругу - вместе со временем, мы живем по какому-то замкнутому циклу, все вокруг вращается вместе с Землей. И наличие большинства правшей в северном полушарии и левшей в южном тоже объясняется вращением Земли. В общем, мы с детства настолько привыкли жить во вращении, что уже его не замечаем.

- И феномен требует внимания?

- Безусловно. Всякая избранность феноменальна. Поэтому есть во вращении такие фрагменты, которые воспринимаются как парадоксальные. Они выявлены на вращающемся гироскопе - это прибор, искусственно определяющий горизонт. И этот гироскоп вдруг по непонятным пока причинам начинает менять свою ориентацию. О феномене вращения мне постоянно напоминают четыре плаката вон в том углу, они должны меня постоянно преследовать, потому что информация не может быть постоянно спрессована с одинаковой плотностью. Так я становлюсь мучеником этой идеи. И занимаясь другими проблемами, держу ее также в поле своего зрения.

- До каких же пор? Пока решится или перестанет волновать?

- Не было до сих пор ни одной из поставленных себе задач, которая бы перестала меня волновать. Возникает лишь на каком-то этапе чувство завершенности, происходит насыщение как от очень концентрированной пищи. Но стоит по какому-то поводу коснуться этой струны, как она вновь начинает звенеть, и, возможно, с еще большей силой. Этот процесс бесконечен. Говоря высокопарно, в нем и заключается радость творчества. Как можно остановиться, если возникает такой парадоксальный эффект: отрезок равный единице при вращении занимает площадь равную нулю. На любом академическом уровне можно говорить о проблемах вращения, явлении до конца, повторяю, не понятом. Впрочем, вряд ли есть явления, которые понятны до конца. Они вплетены в другие, соседние, создавая иные феномены. И меня преследует неопределенность вращения. Поэтому на том черном плакате - я поручил изготовить его специально - начертана формула измерения неопределенности. Она у меня перед глазами, и здесь, и в лаборатории, и даже на фронтоне моего дома.

- То есть как?

- Когда дом строился, там, где обычно выкладывается дата постройки, я попросил выложить неброско эту формулу. Иногда прохожие замечают и недоуменно разглядывают. Один даже спросил, что сие означает. Я ответил, что тем, кто хочет потолковать на эту тему, дверь открыта, можно обсудить за чашкой чая. А все для того, чтобы идея оказывала более сильное влияние. Должен заметить, что сила психологического воздействия и восприятия у нас почему-то недооценивается. Особенно это важно для детей, да и для взрослых, способных стать детьми. Эта способность - быть ребенком - редкое, редчайшее даже, качество. И очень ценное. Громадное значение имеет, где мы сидим, с кем говорим в течение дня, и степень нашей утомляемости зависит от того, с кем мы общались. Не зря ведь в горах говорят: кого утром встретил первым, таким и день будет. В самом деле: первая встреча создает некое предисловие для всего последующего.

- Глупое окружение оглупляет человека?

- У глупого есть шанс поумнеть, а умному поглупеть значительно труднее. Он может индуктивно заболеть, соприкасаясь с идиотами, декларирующими глупости с особым энтузиазмом. Как правило, они не опасны, поскольку сразу определяемы. Но… сегодня активно ведутся исследования по разработке формул эмоций, и уже есть определенные результаты.

- Это что - точная наука?

- Из области нейролингвистического программирования. Ферментативный катализ показывает, как можно на большом расстоянии повлиять на состояние человека. Я не сомневаюсь, что в ближайшее время возникнут зачатки нового человеческого сообщества - электронного. Есть сообщество национальное, связанное с географией места рождения людей, а будет - связанное с сопричастностью их общей идее. К примеру, и американцы, и французы, и мы не можем жить без обсуждения феномена вращения и других проблем, подобных этой, что делает всех нас одной общностью. Мы сильно преувеличиваем значение принадлежности к общему месту рождения. Значение географического фактора очень важно для сохранения культуры, быта, языка. Но это не будет всегда фактором, определяющим суть человека. Информационная близость окажется в отдаленном будущем сильнее. Ведь сила психологического восприятия очень высока. Раньше мы слушали певца с хорошим голосом, песни, имеющие смысл. Сегодня можно не слушать голос, не вникать в текст - особенно если на сцену выходит певица, публика вполне довольствуется ее экзотическим видом и поведением. Роль информации в любом виде - песни, музыки, телевидения, печати - будет возрастать и дальше. Побеждать в жесткой конкурентной борьбе будет тот, у кого ее больше, у кого она качественнее.

- Согласны ли вы с мнением, что засилье на теле- и киноэкранах американских низкопробных фильмов с обилием сцен насилия, секса, потребления наркотиков пагубно влияет на общество, особенно на молодежь, способствует деградации нашей культуры? Ведь если это так, то такое утверждение, выходит, противоречит закону о непреоборимом прогрессе в развитии человечества?

- Если нет иного - качественного и разностороннего - влияния на молодежь, то нынешние телепрограммы способны оказывать на нее пагубное воздействие. Такая инертность по отношению к содержательности своего телевидения в России, признаваемой в мире страной высокой духовности, меня потрясает. Что касается некоторых американских фильмов, то они по глубине психологического анализа очень полезны. А разные формы жестокости, как ни странно, по высказанной Кантом теории всеобщего развития, являются естественной ступенью развития

общества в целом.

- Вы как-то говорили, что по своему потенциалу все люди приблизительно равны. В то же время упоминали об умных и дураках, и вторых, мол, гораздо больше, чем первых. Настолько больше, что просто ужас какой-то. Но как совместить эти два утверждения?

- Вся разница между людьми характеризуется только силой любви и скоростью понимания друг друга. Она у всех разная. Очень медленная скорость была у Эйнштейна, великого физика. Он сам в этом признавался. И тут следует сказать о некоем вроде парадоксе. Правда, при внимательном рассмотрении парадокс этот только внешний. Высокая скорость понимания делает ее обладателя безразличным к технологии этого процесса, которая доступна лишь людям с небольшой скоростью понимания. Это провоцирует их на решение проблемы и делает их счастливыми.

- Можно ли тогда заявить, что счастлив муравей, а человек несчастлив?

- Скорость деятельности общества намного выше скорости понимания того, что оно делает. Человечество от этого страдает. Например, губим природу, но губим быстрее, чем понимаем это. Человеку, мгновенно понявшему проблему, трудно ее объяснить, потому что он не успел усвоить весь процесс понимания в подробностях. Эйнштейну было "легче": обладая медленной скоростью, он вникал во все детали и мог совершать великие открытия. Задача в том, чтобы найти способности ребенка, помочь ему верно сориентироваться. Он зачастую подвергается в этом плане весьма сомнительным операциям. Ребенок - это новая самостоятельная жизнь, которая должна ориентироваться, исходя из опыта предыдущих поколений. В этом плане все школьные и вузовские программы обучения должны будут полностью у нас переделаны, в чем я не сомневаюсь. Пятибалльных оценок не будет, даже фигурное катание оценивается по шкале в шесть баллов - точнее, чем развитие школьника. А оценка под давлением - денег, например, - вообще недопустима, эта система может сделать ребенка дебильным. Жизнь - это игра, обучать детей надо через игру, чтобы человек, войдя в жизнь, возможно, придумал новые правила, чтобы играть лучше. А иначе при таких темпах роста числа экономистов и юристов у нас все поголовно станут экономистами и юристами, а государство - нищим и бесправным. Чтобы этого не случилось, мы должны оценивать людей по их истинным способностям и заслугам.

- Сейчас этого не происходит?

- Увы! Древние говорили, что ордена должны висеть не снаружи, а внутри. У нас пока, как правило, ордена висят снаружи, потому что внутри вешать их почти некому и почти не за что. Хорошо, что еще говорю - "почти". К сожалению, сегодня для большинства козырем является то, около кого он и с кем сидел, а не способность рождать и претворять нужные людям идеи. Со временем это пройдет, конечно. Вот только - когда… Демократия ведь - это не возможность ругать начальство, а возможность использовать свои способности. Это уживчивость, умение проглотить в интересах общества горькую пилюлю, снять агрессию с себя и других. Хотите приведу один пример?

- Конечно.

- Рядом с моим родным аулом Тануси в Хунзахском районе есть аул Эбута. В нем жил Курбан-Али, человек, который утверждал, что Эбута - самый благополучный аул во всей Аварии. И в доказательство говорил, что среди его односельчан нет ни одного политика и ни одного ученого, и все живут в мире и спокойствии, без зависти и конфликтов. Величайшим достоинством человека является умение считаться с другим мнением. Агрессивный ум не способен плодоносить. Природа не знает злых гениев, утверждение, что они были, есть и будут - пустые слова. Злость с гениальностью несовместима, ибо злой результат не может быть гениальным по определению. Агрессия является признаком недоразвитости.

- Агрессивность великих завоевателей прошлого, недавних вождей-диктаторов 20-го века признак их бездарности?

- В каком-то смысле - да. В какой-то степени эту бездарность затушевывало громкими завоеваниями их сильно развитое эго. Действия таких людей общество должно пресекать. Но это не всегда удается, потому что человеческие пороки, доведенные до крайних форм, притягивают толпу. И тогда раздаются голоса, что народу нужна твердая рука. Но такая рука нужна стаду, а не народу. Она превращает общество в болото, а народ - в толпу. Борьба мнений, разногласия в пользу обсуждаемой и решаемой проблемы - вот двигатель прогресса. Стремление, потребность соглашаться со всем - это философия условного соглашательства. Можно сказать еще честнее, хотя и более грубо - это философия шлюх.

- Вы сказали "уживчивость". Не пахнет ли она конформизмом?

- Мы существа социальные, поэтому должны ею обладать. Но это не уживчивость вирусов-паразитов. Естественно, свои идеи в науке, в искусстве каждый отстаивает, считая себя правым. Но спор, если он становится бесполезным, первым прекращает человек, обладающий творческим потенциалом. А тот, у кого его нет, как правило, продолжает конфликт, ведь если он уступит, то у него ничего не останется. Мне доставляет удовольствие любое общение, особенно с детворой, люблю быть учителем и учеником одновременно. Это истинное наслаждение.

- Можно еще пример?

- Пожалуйста. Недавно пришел ко мне с родителями один школьник из Махачкалы, он изобрел двигатель новой системы. Я познакомился с его идеей, и она понравилась. Собрал в Каспийске Совет из компетентных и авторитетных специалистов, предупредил, что дадим парню полностью высказаться, не перебивая, потом спросим, не пожелает ли он что-либо добавить, и попросил дать мне возможность первым задать ему пару вопросов. Совет прошел очень серьезно, мальчик держал себя как на защите диссертации. Мы сделали замечания, посоветовали исправить ошибки, чтобы двигатель заработал. Он обещал подумать, а мы его включили в число персональных стипендиатов из одаренных детей.

- А еще?

- Подходит ко мне на улице подросток, спрашивает, нет ли закурить. Отвечаю, что курю только анашу. Он оторопел. Слово за слово - разговорились. Через час он говорит, что больше курить не будет, понял, что не в сигарете - достоинство мужчины. Пригласил также как-то к себе дворовых подростков, обычно доставлявших соседям беспокойство. Поговорили. Когда через несколько дней с гостем-москвичом входил в подъезд, ватага пацанов дружно вскочила на ноги, почтительно поздоровалась. Москвич был страшно удивлен: неужели в Дагестане везде так встречают старших. Пришлось отвечать, что да. Вообще у меня почти ежедневно проходят встречи со школьниками, студентами, они приходят ко мне домой, на работу, я езжу к ним в Хунзах, Тануси, Унцукуль, Каякент, Изберг, Ахты… Этот мир развивающего детского духа я рассматриваю как хадж небесный, и после каждой встречи с ними я безумно счастлив, хотя последние годы в эту драму настойчиво напрашивается грусть.

- Такое общение с детьми - вынужденная необходимость или осознанное желание?

- Все, кто знаком со мною, знают, что я безнадежно болен детьми и стариками. Уверен, есть эта болезнь и у других. Но надо что-то делать, чтобы она стала потребностью для всех. Делать добро не для того, чтобы тебя избрали депутатом. Вот вам еще один пример. Я знал, что один 93-летний старик из Бетли очень хотел послушать

песни в исполнении Тагира Курачева. Очень хотел, просто мечтал, но по состоянию здоровья давно не выбирался в Махачкалу. Я уговорил Тагира Курачева поехать со мной к этому старику, для чего ему пришлось отменить свой концерт в городе. В утешение я сказал певцу, что добро, сделанное детям и старикам, делает нас чище и возвращается к нам благодатью. Тагир пел этому старику, и тот был счастлив. И для меня и для Тагира это были тоже счастливые минуты. Они и сейчас согревают душу.

- А случаются минуты тяжелые?

- У меня их много. Иногда кажется, что других и нет. Это состояние "вечного" безмолвия, из которого непонятно как я вновь оказываюсь "здесь". Друзья объясняют его перенапряжением мысли, моим "умением" любой досуг превращать в размышление, выливающееся в свой ритм, свою пропорцию. Сам я полагаю, что в такие минуты осуществляется какая-то незримая сопричастность к разным людям, и даже к разным эпохам и религиям. Ведь наше сознание - лишь одно из возможных, трудно оценить, наилучшее ли оно. Ведь не зря сказано: "Мы живем в одном из семи Миров, где Земля наиболее близка к Аду". Есть и более драматичные высказывания…

- Но работать без пауз невозможно…

- Я максималист во всем! Быть во власти идеи, драматизировать ее, связывать с чем-то другим, ощущать ее бесконечность и, в конце концов, бесследно раствориться в ней - вот ежедневный смысл моей жизни. Конечно, многие, возможно, так не живут, но я не знаю, на что можно поменять этот "звездный миг", это высокое наслаждение. Как сказал Лермонтов: "…Таких две жизни за одну, но только полную тревог, я променял бы, если б мог…".

- Иными словами, вы не человек толпы. Совсем лишены "стадного" чувства?

- Не совсем. Только, полагаю, его не просто разглядеть. Я не делаю того, что мне не нравится. Я не любил ходить на лекции в институте, соблюдать требования бессмысленного заучивания, поэтому всегда был весь в синяках. Мне нравилось учиться думать, поэтому посещение занятий, взаимоотношения с преподавателями приводили к конфликтам. Ведь у нас часто все знают одно и то же, но все и не знают часто одного и того же. Я сторонник единиц-корифеев в науке, спорте, искусстве. Что неминуемо приводит к конфликтам. И если есть супернападающий, то защищающийся превращается в суперолуха. Так во всем.

- Какая идея волнует вас сегодня?

- Идей много. Одни реализованы, например, - многотомник "Торпедное оружие", другие находятся в центре обсуждений, скажем, проблемы эффективного управления и кодирования. Стал я вникать и в проблемы нейролингвистического программирования, в теорию восприятия, распознавания образов. Немало места занимают проблемы безопасности планеты, воспитания молодого поколения, кодификации сознания. Полагаю, что в ближайшие три-четыре года в этих областях нас ждут ошеломляющие результаты. Эта работа идет в разных странах под большим секретом и государственным контролем.

Стремясь к решению какой-либо конкретной задачи, надо выбрать, образно говоря, наблюдательный пункт, с которого блеск предстоящей работы наиболее ярок и наиболее привлекателен. От выбора такого пункта зависит результат. Но если блеска нет, задача меня не интересует. Проблема "муравья" обострилась так, что появились детекторы лжи. Но они не понадобятся, если станет известно, что ложь будет выявлена стопроцентно. Такая технология нужна не только для разоблачения человека. Но и - прежде всего - для выявления его потенциала.

- Что вы понимаете под сознанием человека?

- Результат его деятельности. Оно выглядит нередко аморальным, поскольку результат часто аморален, война, например, и т. п. Восточная философия утверждает, что качественно новое сознание должно пройти три этапа. Первый - вера, способность жить в вере. Второй - аскетизм, чем больше веры, тем ближе к богу и дальше от быта, людей. Третий - мудрость, пророчество, ясновидение. Жизнь заключается в постоянных потрясениях, столкновениях идей, веры. Свет, направленный внутрь себя, - это и есть отражение божественного духа. Сегодня нас волнует не только, что есть сознание, но и где оно находится - внутри нас или вовне. Часто я думаю, что качества человека определяются отношением сознания внутри нас к сознанию вовне. Эти размышления выглядят просто игрой, но игрой грандиозной, элементов с бесконечным содержанием.

- Атеист верит, что бога нет, можно ли назвать это верой?

- Вера - первая ступенька на пути человека к благочестивости, радости видения. С научной точки зрения проблема высшего разума связана с проблемой существования вообще. То, что говорят атеисты и неатеисты - это статика. А путь к высшему разуму - это полет, который не в силах понять те, кто постоянно сидит на этой теме. На мой взгляд, это не предмет для подобного "обсуждения".

- В нашей стране раньше почти все были атеистами, сегодня почти все - верующие. В чем норма?

- Нормы в вере быть не может, это категория ненормируемая. Она бесконечна во все стороны. У человека есть шанс быть отражением этого бесконечного духа. Это и стимул, это и средство очищения от шелухи двойной или тройной жизни. Норма и контроль в быту - необходимы, но с точки зрения свободы духа - аморальны.

- Чем это объяснить?

- Желанием односторонне развитого человека реализовать свое мнимое превосходство обладателя документа на право контроля. Мне эта функция никогда не нравилась. Я не могу даже ставить двойки. Мне по душе беседа, в которой расцениваешь даже совсем молодого человека как равнодостойное сознание. Сразу вспоминаешь Фрейда с его шкалой лиц, взглядов, классификацией смеха: на честный, хитрый, свободный, провокационный, утвердительный, просто изображенный по заказу. Услышать внутренний голос другого человека - это огромное достижение и основа для развития отношений.

- Взгляд, смех - как произнесенная фраза?

- Больше, чем фраза. Но иногда фраза, содержащая определение, больше, чем взгляд. Например, по Гегелю, болезнь - это нарушенная тождественность. Трудно переоценить силу научного характера этого определения. Взгляд Хаджи-Мурата, который так мастерски описал Лев Толстой, взгляд младенца на руках Богоматери, взгляд студента, взгляд комсомольца, берущего повышенные обязательства… Сегодня - это актуальный предмет психоанализа, научного осмысления. Настоящий праздник взглядов, фраз, выражений для меня - встречи со школьниками, студентами и, конечно, с взрослыми. Никто меня из этого рая не выгонит. Эта потребность - способ жить, вернее - сама жизнь. При таких встречах происходит нечто необычайно важное, крайне необходимое для меня.

- Что именно?

- Если конкретно, то знакомство с одаренными детьми. Они задают необычайно ясные вопросы и ждут таких же ответов. Они становятся друзьями, моими стипендиатами, потом студентами в основном Московского и Петербургского университетов. Это раскованные, самостоятельные дети не с дежурными интересами.

- Взрослые таких вопросов не задают?

- Взрослые - это безнадежно запу-

щенные люди. За исключением способных стать детьми. Цели взрослых часто не связаны с сутью дела, они стараются, задавая вопросы, просто возразить в чем-то, стремясь подчеркнуть свою многозначительность, выставить себя в выгодном свете. Особенно грешат этим ученые в серьезном возрасте, которые не способны оголять свое незнание. Очень мало ученых, готовых открыто признать, что чего-то не знают, не понимают, не чувствуют. А ведь в этом не недостаток, а достоинство человека. Увы, как правило, они все знают и ни в чем не сомневаются. Нетрадиционное мышление для них становится очень опасным.

- Не слишком ли громко сказано?

- Ничуть. Конечно, я стараюсь выразиться выпукло, чтобы заострить мысль. Можно бы сказать и помягче, но это отдает равнодушием, чем я не грешу. И потом ведь это точка зрения одного человека, и я ее никому не навязываю. Обращаясь к массовому читателю, нельзя пользоваться обтекаемыми фразами.

- В чем тут логика?

- Рассчитывать на массовое понимание не приходится, однако всегда найдется несколько душ, способных активизировать остальных. В этом логика и надежда. Таковы и уроки истории. Громкий, но бесплодный шум в газетах не способен пробудить внутреннюю активность людей. По числу разработанных доктрин, программ и прочих инициатив мы производим на остальной мир впечатление, о котором лучше промолчать. Главное же и вечное условие развития общества, государства - одно, и вечное: передача опыта от одного поколения к другому.

- То есть - эффективная работа школы?

- Да. Развернутое, качественное образование. Еще дошкольное, затем - школьное и еще раз - школьное. Без серьезнейшего отношения к детям, без работы с ними ученых трудно надеяться на успех. Усилий родителей и школьных учителей - мало. Это задача благополучия государства, перспективы его развития. Информация, угнетающая детские души, должна если не наказываться, то хотя бы нейтрализоваться.

- Должна, но ведь детей часто продолжают, например, на уроках истории, просто обманывать…

- Что подтверждает, насколько эта проблема трудна. С детьми нужно строить очень взрослые, доверительные отношения. Это высшая форма взаимопонимания. Но каждому важно оставаться самим собой. Например, в решении бытовых проблем у меня с близкими людьми расхождений нет, но очень часто в принципиальных вопросах более высокого уровня нет и взаимопонимания. Ничего страшного. Важно быть собой. Но беда, если человек возомнит себя выше других, тогда он превращается в ничтожество. Моцарта никак не могли научить, где - вправо, где - влево, но нашелся солдат, который сказал: "Да он всего-навсего гений". Говорят, Махмуд поражался тому, что существуют стихи не о любви… И что же: до сих пор по аулам собирают его любовную лирику. Он был влюблен в свою Муи. Я согласен, что любовь одностороння и в силу своих особых качеств понятна в большей степени только женщинам. А у мужчин - это просто форма заблуждения себя и других.

- Женщины могут с этим не согласиться…

- Поэтому я им этого и не говорю. Разумеется, они производили впечатление и продолжают производить. Не буду спорить. В жизни каждого человека, я думаю, должно быть что-то необъяснимо сокровенное из области Духа. Тогда легко мириться со своими недостатками и синяками. Скажу лишь, что я никогда не изменял волнующей меня идее. Никогда. Все мои идеи оформлены, систематизированы. Их сотни, но в любую минуту я могу обратиться к каждой из них. Я и сейчас по степени увлеченности разными идеями не отличаюсь от себя аспирантского возраста. В новых идеях всегда присутствует очарование юности. Я всегда облекал их в соответствующие формы, щедро раздавал тем, кому они оказывались духовно близки. Даже черновики, в которых хранятся все мои заблуждения, а это около сорока тысяч страниц, я берегу. Однажды делегация американских ученых очень хотела их купить. Я, конечно, не согласился, но спросил, зачем им мои ошибки. Они отвечали, что хотят дать американским студентам представление о количестве черновой работы ученого. Что ж, Майя Плисецкая говорит, что в любом искусстве неискусства больше, чем искусства…

- Есть надежда, что ваши идеи, в конце концов, выльются в нечто оригинальное, необычное, доселе неизвестное?

- Надежда и такая уверенность - это все, что у меня есть. Но степень полезности, масштабности и оригинальности любых идей определяется только со временем и только временем.

- А есть ощущение, что вы близки к какому-то важному решению?

- Было бы невыносимо тоскливо без ощущения чего-то безмерно важного в увлекающей тебя идее, но степень близости к ее реализации никаким мерам не поддается. Хотя упаковка для нее всегда напрашивается…

- И кажется, что решение придет, как на блюдечке с голубой каемочкой?

- Когда дело доходит до блюдечка, задача становится жестко прозаической. Нужны ответы на вопросы: кому и в какой степени исследование полезно, каково будет его влияние на последующий ход научной мысли. Наконец, возникает проблема восприятия этой работы.

- Это уже из области философии?

- Это из области психологии восприятия. Не буду вдаваться в тонкости, такие как сопричастность к прежним эпохам и идеям, скажу лишь, что качество человеческой души можно определять ее свечением…

- Тогда последний вопрос: какие научные проблемы из множества существующих сегодня приоритетны? И у нас, в Дагестане, в частности?

- Прежде всего - борьба с детской смертностью, проблемы экологии и молекулярной биологии, задачи правильного освоения и использования Каспийского моря, развития малотоннажного судостроения. Из эффективно развивающихся наших отраслей я бы выделил систему "Дагэнерго" - нет ни одного вопроса по энергетике, который бы не решался здесь на высоком профессиональном уровне. В последнее время Дагестанский научный центр стал активнее интересоваться задачами ВПК нашей республики. То же самое можно сказать о наших университетах.

Однако беда в том, что большинство дагестанцев знает наших ученых по фамилиям, но не знает, что они конкретно сделали и для кого. Беда еще в том, что эти ученые не делятся с молодыми людьми своими соображениями в прессе и в аудиториях. Наконец, без систематического влияния на школьников и студентов рассчитывать на будущее благополучие наивно. Необходимы коренные реформы в школьном и вузовском образовании, в исследовательских центрах. Отдельно стоит вопрос о внутренней демократии, который заключается в этике ученого.

Слава богу, началась активная помощь культуре, искусству, спорту, наша столица приобретает все более респектабельный вид. Но, кроме всего того, что мы делаем, я уверен, нужен еще доброжелательный союз всех наших ученых, их бескомпромиссные сражения по поводу развития тех или иных идей, сражения в атмосфере взаимопонимания, на грифельной доске, в аудиториях, за кафедрой. Увы, вот этого нам явно не хватает. Столь важное дело у нас не развито. Следовательно, недостаточно развиты мы.

Беседовал Далгат АХМЕДХАНОВ.

Время и мы -
в самой прекрасной из профессий…

Что происходит в музыкальной культуре Дагестана? Вот вопрос (ни много, ни мало), на который попытаюсь ответить.

Не претендуя на всеохватность, затрону наиболее, на мой взгляд, существенное.

Коренные изменения в общечеловеческой культуре на рубеже веков, стремительный, все убыстряющийся ход событий и жесткая мера отношений человека со всем на земле сущим уводят вопросы искусства в разряд третьестепенных. Каково думать об усладе души - музыке - на фоне проблем выживания, когда человечество парализовано страхом массового террора, социальными и природными катаклизмами?! Впрочем, искусство не только развлекает, как вторая реальность, оно, по утверждению философов, еще и познает, и учит, отражая человеческую физиономию в типической заостренности и полноте черт. Взглянуть в такое зеркало - поучительно.

Если окинуть дагестанскую музыку сторонним взглядом, изумляет богатство ее этнических вариантов, которое мы, привыкшие, не замечаем. Нашу музыку характеризует и другая особенность - сосуществование музыкальной архаики с современным мышлением. Подобное соседство средневековья и модерна встречается всюду в нашей жизни. Вот на городской улице традиционный старинный наряд пожилой горянки соседствует с новомодным минимализмом одежды молодых. Да и в самом нашем жизненном укладе широко бытуют древние обряды языческого корня с пением и танцами. Когда в дни общенациональных праздников или панорамных показов искусства аутентичный фольклор выносится на сценические подмостки, возникает эстетски пикантное соседство с модным шлягером или академической музыкой. К примеру, на сцене и на телевизионном экране нередко появляется в качестве фольклорного реликта величественное музыкально-танцевальное действо акушинок и балхарок. В нем крестообразный абрис танцующих фигур с распростертыми руками, кругообразные проходы женщин и заклинательные хоровые попевки - все это явно наполнено магическим смыслом, пока что не истолкованным фольклористами.

Маймусат КОРКМАСОВА, заслуженный деятель искусств РД, директор Музея истории театров.

Это смешение музыкальных эпох объяснимо: многие века, вплоть до XIX, консерватизм, замкнутость горской жизни и культуры от внешних влияний были важными качествами жизнеустройства и способом культурного самосохранения. Неизменная на протяжении тысячелетий музыкальная среда дагестанца, включившись в общемировое пространство, преобразилась качественно, но трансформировалась поэтапно. В последние полтора столетия, со времен вхождения Дагестана в ареал русско-европейской культуры, дагестанская музыка впитывала ее интонационный опыт, жанры (симфония, опера и т.д.), темброво-инструментальную культуру (гитара, мандолина, однорядная русская гармонь, симфоническая палитра и др.). К началу нынешнего века натиск информационных технологий расширил географию связей до мировой музыкальной культуры в многообразии ее стилей, национальных мотивов. В нашем обществе, его вкусах утверждается музыкальный полилингвизм. Особенно быстро - уже не из века в век, а год от года - музыкальные вкусы меняются в самой восприимчивой части общества - молодежной, создавшей свою музыкальную субкультуру. Молодые воспринимают джаз и поп-культуру как свои, привычные: шлягеры Натальи Орейра и ритм лезгинки здесь одинаково любимы. Такая музыкально-культурная ситуация, при всей ее привлекательности, вызванной обогащением современного музыкального ландшафта, требует регулирования. Иначе как дагестанской музыке, да и культуре в целом, сохранить самобытность, избежать серьезной опасности эрозии своего национального лица?

Следы потери своей ментальности, приметы духовного обнищания слишком заметны в исторически красивом облике современного дагестанца. Барометром может служить хотя бы наша родная музыкальная эстрада, обращенная больше не к душе, а к эффектам. В ней много внешней красоты - в оформлении инструментальном, сценическом, богатстве цвето-светотехнических приемов, много ярких исполнителей с вокальными и артистическими задатками. Но сами песни простоваты и пустоваты по содержанию музыки и особенно текстов. В дагестанском национальном сознании всегда органично и сильно проявлялись этическое и эстетическое начала, красивое и нравственное были слиты неразрывно. Пример тому - наши народные песни, их высокая художественность.

Музыка - самый, пожалуй, эффективный и мощный воспитатель. Мы не задумываемся об этом из-за неразработанности идеологии воспитания общества. Музыка исподволь, без дидактического усилия

формирует духовно-нравственный мир, адресуясь к тонким душевным струнам. Почему, скажем, мусульманина приводит в трепет распев Корана, иудея - речитатив Псалма? Они взывают к сущности человека - душе - через глубинные пласты сознания, тысячелетиями воспитанного в культе.

Нам нужны охранительные меры по отношению к своей культуре. Нужна государственная программа поддержки музыкального искусства, в которой с учетом кризисной ситуации будут пересмотрены и уточнены приоритетные направления развития, обозначена реальная поддержка базовых отраслей музыкальной культуры. Таких, к примеру, как образование и наука, которые сегодня в запустении.

Результатам музыкальной глобализации сейчас противостоят стихийные силы общества. Например, дагестанский телевизионный эфир замусорила продажа песен в розницу и даже оптом, называемая "поздравлениями по оплаченному заказу", так раздражающая местных интеллектуалов образчиками бездумного веселья. Не республика, а большой ансамбль песни и танца! И по всем местным каналам, и в любое время... В этой крутой коммерческой затее есть один положительный момент - его можно обозначить как самопальный, порой с дурным вкусом, но щит собственной культуры от музыкально-информационного натиска чуждых культур. Кстати, оплаченные эти концерты не хуже всяких интерактивных опросов высвечивают вкусы широкой публики, ориентированной сегодня пока еще на национальную музыку - народную и эстрадную. Это другой, наряду с молодежным, песенный пласт, любимый самой многочисленной частью общества.

В поисках новых свежих звучаний наша эстрада иногда обращается к турецкому образцу, чья современная песенная культура справедливо признается в мире достаточно высокой. Турки создали свой неповторимый вокально-инструментальный стиль на эстраде, добиваются высокого исполнительского мастерства и сценической зрелищности. Если брать пример с высококлассной эстрады, то задача состоит не в слепом копировании турецкой песни, а в ориентире на своеобразные тембровые звучания ее оркестра, в обучении ее принципам подхода к эстрадной культуре. Главное в турецкой, как и в любой другой песне, - это добротная профессиональная работа композитора над мелодикой, требующей грамотного развития, изобретательной, а потому неназойливой оркестровки. Творчески, ответственно подойдя к песенной, массовой области музыкального искусства, турки осовременили инструментальное сопровождение песни, превратив его из фоновой музыки в равноправную с мелодией партию. Для этого был усовершенствован оркестр народных инструментов: обогащен симфоническими тембрами скрипки, фортепиано и других инструментов, - что придало ему большие выразительные возможности и неповторимость тембровых красок.

Разнообразный дагестанский фольклор - песенный и инструментальный - дает гораздо больше возможностей для творческой фантазии композитора - эстрадного песенника. Нельзя, как у нас повелось, серьезную по значимости для общества песенную культуру отдавать в руки самодеятельных авторов-мелодистов, по безграмотности называемых композиторами. Такой дилетант может придумать в лучшем случае неплохую мелодию, сопровождение же песни штампуется, как на конвейере, аранжировщиком при помощи синтезатора и под "фанеру" выносится к слушателю, оглушая его при этом запредельными децибелами исполнения. Взамен искусственно синтезированных звучаний эстрада могла бы иметь полнокровное оркестровое сопровождение в песнях, если модернизировать наш оркестр народных инструментов (ОНИ), созданный еще в 1935 году при Ансамбле песни и танца. Тогда он выполнял свои художественные задачи, соответствующие тому времени. Сегодня иная эстетика звучания, иные возможности инструментария, есть мировой опыт аналогичных коллективов, а наш ОНИ законсервировался в прежнем состоянии. Кстати, организуя оркестр, еще в те годы Татам Мурадов смело экспериментировал с тембрами и ансамблевыми вариантами. Сегодня наш заслуженный коллектив, в котором много талантливых инструменталистов-солистов, руководимый грамотным дирижером, уверена, имеет творческие возможности для возрождения и решения современных художественных задач.

Талантливый наш народ показывает немало примеров творческой работы на песенной сцене. Свой неповторимый стиль имеет мужской квартет "Горцы" под руководством Тагира Курачева, как, впрочем, и все, что ни делает этот одаренный музыкант - в сочинительстве, на оперном и эстрадном подиуме, в музыкальной педагогике. Популярность у слушателей завоевал и женский вокальный ансамбль "Дагестан", руководимый Шерпув Заирбековой, безупречный вокально-технически и ансамблево. Молодежная музыкальная культура быстрее других нашла путь к своей аудитории. Появление на ее небосклоне звезд и звездочек, групп разных стилей говорит о бурно развивающемся процессе, о поиске самовыражения. Самый яркий успех приобрела вокальная группа "Кинса". Музыкально изобретательная, техничная, она захватывает большие аудитории своим темпераментом и сценическим обаянием.

В словаре моего цивилизованного современника осталось понятие "дагестанская музыкальная классика", еще резонируют его, современника, душевные струны героике оперы "Хочбар" и лирике балета "Горянка", философским размышлениям симфонии "Дагестан" и гражданственному величию ораториии "Сказ о свободе". На произведениях Готфрида Гасанова, Сергея Агабабова, Мурада Кажлаева, Сейфулы Керимова, Казбека Шамасова, Ширвани Чалаева выросли поколения дагестанцев. Приученная к филармоническому паломничеству и классике в радиоэфире, воспитана у нас интеллигенция, не приемлющая нынешнего цинизма и безнравственности. Чем сегодня, в эти трудные годы, жива наша прославленная композиторская школа? И почему мы на родине ее все реже слышим, спрашивают просвещенные земляки.

Композиторское творчество - та область музыки, на которой общественный кризис сказался больнее всего, ибо оно всегда требовало наибольшего внимания государства в виде долгосрочных вложений и управленческого такта. Казалось бы, какое композитору дело - при индивидуальном способе его труда, - до государства? Сиди и сочиняй! Но композитор не может творить без

госзаказа на свою продукцию, т.е. в отсутствии исполнительских возможностей. А это солисты и большие коллективы (оркестр, хор, музыкальный театр и т.д.), которых у нас нет, а так называемые коллективы, говоря серьезно, это пародии на профессионализм (да простят меня коллеги). Вот потому-то наши местные авторы молчат, не пишут в крупных формах. Мало желающих отдать выстраданное свое творение, свое детище нашим исполнителям. Пример с оперой Наби Дагирова "Йырчи Казак", превращенной в театральную банальность, тому предостережение! В жалкой ситуации, в которой пребывают наши музыкально-профессиональные коллективы, найти кого-то одного виновного невозможно. Проблема эта системная и зрела не одно десятилетие, чтобы докатиться до нынешнего состояния.

Вложения в профессиональную музыку (средства, организационные меры) не могут иметь моментальной отдачи - здесь ждут годами... Возьмем, к примеру, подготовку специалиста. Для этого нужен подбор природно одаренных детей и шестнадцать лет выучки - от музыкальной школы до вуза, с изнуряющим тренажем и жесткой системой самодисциплины. Условия профессионального становления - напряженный режим, влияние культурного центра - формируют духовно развитую личность. Что происходит дальше - знает каждый профессионал, испытавший на себе: на родине его ждет прозябание в полукустарных условиях, невостребованность его труда... Вот почему так велик отток из республики музыкантов, причем лучших, не согласных на кустарщину. Так музыкальному искусству наносится урон, несопоставимый, кажется, ни с какой другой сферой народного хозяйства. Ведь личность в искусстве, тем более выдающаяся, незаменима. Вклад Мурада Кажлаева, Ширвани Чалаева не восполнится работой сотни рядовых музыкантов. Редкие наши ряды не могут слиться в музыкально-культурную среду, которая могла бы задавать тон в обществе, формировать оценки, а коллективный мощный голос ее осмеивал и гнал пошлость и примитивизм. И меньше было бы у нас дутых авторитетов...

Возвращаясь к теме миграции, отмечу: не кажется мне беспроблемным положение и самих оторвавшихся от родины. Обрыв питающих общих корней, а композитора - еще и от своего национального слушателя, потеря пульса народной жизни - не лучший стимул для творчества. Может, поэтому не слышно что-то шума премьер...

Композиторы среднего и младшего возраста как-то не сложились в поколение, равновеликое старшим и способное подхватить эстафету, поддержать масштабные завоевания школы. Широкий магистральный путь, пройденный дагестанской плеядой композиторов в советскую эпоху, сменился ныне, говоря картинно, отдельными разбежавшимися дорожками, тропинками и кручами, самостоятельно одолеваемыми каждым. Размыты и неопределенны творческие лица иных обладателей композиторских дипломов, уверенно и сознательно свои художественные устремления отстаивают другие. Но прежнего Союза композиторов, называемого по неслучайной аналогии "могучей кучкой", органа, координирующего творческую жизнь музыкальной элиты, по существу, нет. Как, впрочем, и элиты - тоже. Вот беглые штрихи к портретам.

Музыка Аиды Джафаровой неплохо известна нашим ценителям прекрасного. Слушателю импонирует серьезность жизненных тем, на которые отзывается композитор, нравится возвышенность ее музыкальных образов, природная внятность и логика музыкальной речи. Неравнодушная к общественным протуберанцам, она берется за публицистическое перо.

Содержательный творческий путь пройден Магомедом Гусейновым. Недавно прошумевший свое 60-летие, он является автором разножанровых и разностилевых сочинений - от небольших красочных "эссе" до масштабных опусов. Его музыка полна свежих впечатлений от природы. Одновременно композитора увлекают тонкие переходы душевных переживаний, раскрываемых при помощи поэтического слова. Гусейнов не повторяется в творчестве, эксперимент и поиск - его кредо.

Гасан Джавлалов и Валерий Шаулов - композиторы одного поколения. Оба с первых творческих шагов обнаружили любовь к крупной симфонической форме, к масштабным инструментальным звучаниям и театральности струнных. Композиторы обладают серьезной профессиональной подготовкой, открывшей обоим возможности претворять разнообразные замыслы в прикладной музыке: Шаулову - в театральном жанре, Джавлалову - в эстрадном.

Всего четыре года работает на композиторском поприще Дженнет Шамасова, но разносторонность охвата творческих тем, жанров и композиторских техник предвещает этому интеллектуалу незаурядное будущее. Одаренность красочно-тембровым мышлением позволяет ей открывать сочетания оригинальных инструментов, которые виртуозно используются для художественной цели.

При всей разности творческого облика названных авторов (кроме Д. Шамасовой, работающей вне Дагестана) их объединяет одно - все они пишут музыку к спектаклям драматических театров. Композиторы активно работают в этом прикладном жанре. Некоторые - В. Шаулов, А. Джафарова - выбрали его как специализацию, и все последние годы работают целенаправленно. Случайна ли эта массовая любовь дагестанских композиторов к одному виду музыки? Без сомнения, мы видим в этом ситуацию зависимости композитора от возможностей музыкально-исполнительской практики, ситуацию, ограничивающую творческое развитие музыканта. Обращает на себя внимание и другой момент: преимущественное положение театров перед музыкальными организациями, не обладающими богатыми возможностями закупок, творческих заказов. Это частное, но не единственное подтверждение разных материальных условий.

Для решения этих и других насущных проблем музыкального искусства я бы предложила меры по координации нашей деятельности на разных уровнях: конференциях, активах, семинарах и совещаниях. Помнится, последняя научно-практическая конференция деятелей музыкального искусства собиралась лет восемь назад.

Очередная четырехлетка общественной жизни республики взяла старт только что. Будем надеяться на изменения в самой прекрасной из профессий...

Колонка Мурада Ахмедова

Звучать гордо

Дагестан… В XIX веке в российском сознании это слово ассоциировалось с овеянной легендами Кавказской войной, с грозным именем имама Шамиля, со стихами Пушкина и Лермонтова, с романтической прозой Бестужева, с Ахульго и Гунибом…

В XX веке и в Союзе, и в мире Дагестан ассоциировался прежде всего с возрождением его самобытной культуры: с поэзией Расула Гамзатова, с ансамблем "Лезгинка", с кубачинскими мастерами и дербентскими ковровщицами, с древним Дербентом, с кизлярскими коньяками и винами…

В смутное десятилетие 90-х образ Дагестана прочно вошел в российское информационное пространство, с одной стороны, как образ нестабильного региона с всплеском национальных, а по сути - националистических движений, с чудовищными терактами в Каспийске и Буйнакске, с нападением на Кизляр, с конфликтами пограничников и браконьеров, с другой - как образ стойкого и мужественного народа, способного объединиться в роковую годину (как это было в сентябре 1999) и дать отпор остервеневшему врагу, народа мудрого, доброго и терпеливого, сделавшего свой исторический выбор и сумевшего отстоять его перед лицом внезапной агрессии, нарушившей хрупкое равновесие между войной и миром.

Дагестан стал одним из самым часто упоминаемых регионов России на всех российских телеканалах. События осени 1999 года привлекли к нему внимание, помощь и сочувствие всей страны от Владивостока до Калининграда.

Дагестан перешагнул границу тысячелетий. Каким он станет в 21 веке? Какие славные имена придут вслед за такими именами, как Расул Гамзатов, Магомедали Магомедов, Магомед Гаджиев, Расул Магомедов, Мурад Кажлаев, Муса Манаров, Магомед Толбоев и многими другими, прославившими нашу республику на весь мир в минувшем столетии? Это сегодня в той или иной степени зависит от каждого из нас.

Президент США Дж. Кеннеди любил повторять своим согражданам: "Не спрашивайте, что страна может сделать для вас, спросите, что вы можете сделать для страны?".

Находясь за рубежом, на вопрос: "Откуда вы?" - мы отвечаем: "Из России". Находясь в любом регионе России, на этот же вопрос мы отвечаем - "Из Дагестана", отвечаем с гордостью и любовью. Ощущение этой гордости должно сохраниться и по возвращении в родные края. Но это произойдет только тогда, когда каждый скажет себе: "Не спрашивай, что Дагестан может сделать для тебя, спроси, что ты можешь сделать для Дагестана?"

Я. ЯХЬЯЛОВ

У.Е. - ВУЯ!

(Фельетон)

В некотором царстве, в некотором условном государстве жил-был условный народ. Условное правительство условно управляло, а экономика условно развивалась. Народ условно работал и получал условную зарплату в рублях, которые старался, по возможности, превращать в Условные Единицы. Вся жизнь в государстве вертелась вокруг этой единицы, но все условились не называть ее по имени, потому как всем было стыдно признаваться, что этот зеленый господин всех УЕздил. Никто не подозревал, что он тоже условный знак и в один условный момент может условно откинуть копыта. Этот момент может стать крахом для всего условного народа, который в мгновение ока потеряет все свое условное богатство, хранящееся в бумажках, которые условились называть твердой валютой.

Пока длился этот условный абсурд, жизнь, безусловно, шла своим чередом, доказывая, что все в мире условно, и все мы играем в игру, правила которой тоже весьма условны. Государство, опутанное множеством условностей, было условно дееспособно, но об этом не догадывалось или делало вид. Двойная игра шла во всем. Условное правительство изворачивалось, выискивая новые методы, с помощью которых новые условия труда можно будет выдавать за прогрессивные капиталистические. Парламент, съедая немалую долю государственного бюджета, быстро и эффективно принимал законы, улучшающие условия своей жизни. Условия жизни народа волновали депутатов тоже условно. Правосудие, которое реальных преступников наказывало условными сроками, а условных - реальными (в зависимости от количества Условных Единиц), способствовало разложению условий среды своего обитания. Дошло даже до того, что один дипломат, Платон Обухов, огрел Отчизну обухом: будучи послом, послал свою условную родину подальше - продался импереалистам за реальные деньги. А наш гуманный суд признал его психически неполноценным. Но лишь временами. Придурком, в общем. Вот до какой степени было условным государство, позволяя гнилой интеллигенции проталкивать своих придурковатых отпрысков в дипломатический корпус.

Тем временем, чувствуя неприятный запашок среды обитания и заботясь о здоровье своих потомков, чиновники всех мастей и рангов (все кто побогаче) старались отправить своих деток на условную учебу в другие условно дружественные страны. Условное же государство условилось считать, что вражеские разведки не будут вербовать "позолоченную молодежь", к которой через определенный срок на родине предков должна перейти власть, естественно, путем условных выборов. Остается только добавить, что некоторые условные граждане от этих невыносимых условий жизни УЕзжали на родину Условной Единицы с надеждой больше не возвращаться. Получается, что понятие "родина" тоже весьма условно. «Вуя», - удивились люди. А мы-то думали!

И тогда в царстве-государстве люди решили, что их кто-то хочет УЕсть. Надо, мол, его изловить. Стали искать, спрашивать друг друга: ты лицо какой национальности? Если лица были разные, это не нравилось. Возникали трения, вначале условные. А от трений жар поднимался: ты где молишься? В церкви? В мечети? Или в синагоге? А, может, вообще нет, дома сидишь? Чуть, безусловно, не передрались. Тогда решили, что враг за рубежом, а самый главный - за океаном. Стали копья всякие ломать - условные и взаправду. Но опять бесполезно, все в царстве выходило как бы понарошку: говорится одно, делается другое.

И вдруг вспомнили: на все воля божья. Выходит, никто не виноват. Ведь сказано же: сам не греши. Выходит, в каждом этот условный бандит сидит, халявщик безусловный. Вон другие вкалывают и меньше воруют, а живут лучше. Даже эта проклятая Условная Единица у них безусловная. Думали-думали и решили: может, и нам так?

Тем более поняли, что ведь рубль есть. Пусть не зеленый, зато свой. Что хочу - то и делаю. Хочу - в дефолт брошу, а хочу - обменяю на У.Е.

Арбен КАРДАШ

ГУРИИ БРЕННОГО САДА, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЕТИМА ЭМИНА

(Драматическая поэма)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Етим Эмин - поэт.
1-я гурия - любовь.
2-я гурия - счастье.
3-я гурия - несчастье.
4-я гурия - терпение.
5-я гурия - вдохновение.
6-я гурия - скорбь.
7-я гурия - надежда.
Тукезбан - жена Етима Эмина.

1.

Специально отведенная изолированная комната для смертельно больного Етима Эмина. Поэт, сидя на ложе, перебирает четки. Стены испещрены стихами. В углу столик с книгами и листами бумаги. На стенной полочке незажженный чираг. В комнату льется свет из окна.

ЕтимЭмин

Смеркается. И день сошел на нет.
И я опять стою на перевале
Грядущей ночи. Так и век пройдет.
И ночь иная взор застелет мраком…
А что от нас останется, Эмин?

Пора бы оглядеться в этом мире
И хоть какой-то подвести итог.
Что вынес ты из бытия земного,
И для чего своим сердцебиеньем
Ты каждый миг его животворил,
И претворил страданье неземное
В гармонию взыскующих стихов?

А что останется? Неужто имя? -
Которое, едва коснувшись слуха
И растворяясь в воздухе пустом,
Осядет на щербатое надгробье,
Чтоб навсегда крапивой зарасти?
(Расправляет плечи, выпрямляется. Продолжает крепнущим от волнения голосом.)
Нет! Видит Бог: не зря я в мире жил,
Не зря же я вобрал в свой скромный возраст
Весь тяжкий путь народа моего.
Я каждый миг дышал его дыханьем,
Из чаши бед его гортанью пил.
Когда сгущался мрак над Лезгистаном,
Из пропасти отчаянья и страха
Я к свету звал сородичей моих.
А чтоб в пути не надрывалось сердце,
Я умудрился петь еще при этом
И стать твоим поэтом, Лезгистан!

О, неужели плод моих ночей
Бессонных, безотрадных, беспросветных,
Стянувшихся в одну сплошную Ночь,
О, неужели плод моих усилий -
Мои стихи, в которых сквозь чернила
Кровь сердца проступала, как рубин,
Мои стихи, начертанные углем
На стенах, если не было бумаги,
Ужель они со мною вместе канут
В ту бездну, что зовут небытием?

О мир, о бренный мир! Среди Вселенной -
Ничтожный остров похоти и зла, -
Ты в юности казался мне прекрасным
И лишь поздней сквозь рокот соловьиный
И запах роз, струящийся по саду,
Я ростовщичью плешь твою прозрел!
Ты вытянул мне жилы, выпил кровь,
Согнул в бараний рог, изранил тело,
Но донесу до крайнего предела
Я к Родине страдающей любовь.
(Стемнело. Поэт зовет жену.)
Совсем темно. Эй, Тукезбан, ты где?
Поди сюда, пора зажечь светильник
Да не забудь кресало и кремень.
Какая тьма! И Тукезбан не слышно.
Ах, да! - ушла, наверно, к роднику.
Сам виноват. И поделом: подумать,
Ему воды студеной захотелось!
Она и потащилась. Эх, Эмин,
Теперь кукуй в потемках…

2.

Комната озаряется светом.

Появляется 1-я гурия.

1-я гурия

Как светло!

Етим Эмин

Ты, Тукезбан? Вернулась наконец-то,
А я совсем рассудок потерял.
Откуда свет? Кто ты?

1-я гурия

Взгляни получше:
Я - гурия, я - страсть твоя, я - фея,
Иль вправду не узнал меня, поэт?

ЕтимЭмин
(иронически)

Благодарю, не ожидал! Но всё же
И гурия, и страсть моя, и фея
Была и остается Тукезбан!
Вот только годы опалили розу
И приучили соколицу к клетке,
А соловей забыл охоту к песне,
Охотник же сменил ружье на трость…
Так кто же ты, скажи?
(В сторону.)
Я умираю.
Иначе как виденье объяснить?
Лишь чудом. Но чудес, как все мы знаем,
Уж не бывает в возрасте моем.
(К гостье.)
Так кто же ты?
(В сторону.)
Вне всякого сомненья,
Посланец смерти в облике соблазна
Настиг меня. О, Тукезбан, где ты?!
(Вновь обращается к гостье, не скрывая иронии.)
Ну что ж, продолжим милое виденье.
Но если ты диавол или джинн,
Придется отогнать тебя молитвой.

1-я гурия

Ты все еще в сомнениях, Эмин,
И принимаешь сущее за грезу,
А между тем - ты мой земной создатель:
Я воплощенье радости твоей,
Твоих стихов ликующая сила,
Где юность и любовь в одном порыве
Сметают козни пошлости людской
И побеждают хаос единеньем
Орла и выси, соловья и розы,
Коня и воли, жажды и воды.

Я укоризна тем, кто не умеет
Любить и драться за свою любовь,
Как ты, в тенетах нищеты и боли,
Вознесший к небу образ Тукезбан!

Етим Эмин

А, ты об этом! О моих стихах!
Я смутно вспоминаю вдохновенье,
В котором их когда-то создавал.
А сами строки спят на дне души -
Она ж о вечном думает покое,
И дела нет ей до мирских хлопот.

1-я гурия

Не искушай Всевышнего: твой ропот
Бессилен славу заглушить твою.
Мне к сказанному нечего добавить.

Етим Эмин

А ты добавь еще два-три словечка
Хотя бы о себе самой. Чем живо
Твое существованье на земле?

1-я гурия

Скорее так: моим существованьем
Жив бренный мир -
ведь я учу влюбленных
Возделывать свой сад, хранить очаг,
Из рода в род огонь передавая.
Чем больше на земле влюбленных пар,
Тем больше глаз засветится счастливых,
И свод небесный станет молодым.

Етим Эмин

Любовь - слепа. Так сказано от века,
А слепоте и зеркало не впрок -
Себя узнать. А ты про свет небесный!

1-я гурия

Но разве Тукезбан и ты - слепцы?
И ваша жизнь похожа на темницу?

Етим Эмин

Ну, здесь мы - исключение из правил,
А правила - никто не отменял.
Но ты - всего лишь навсего - шалунья
И далеко не дьявол и не джинн.

1-я гурия
(декламирует стихотворение поэта)

На руках тебя носил бы,
если б силой мог налиться,
Ты как мед, как милость Божья,
дар ты мой, о Тукезбан.
Берегу тебя от рока,
трепетная соколица.
Тот счастливец несравненный,
кто с тобой, о Тукезбан.

Нежит он тебя, лелеет,
но цены тебе не знает:
Златоткаными шелками
милую не убирает.
Что же я могу поделать?
Сердце плачет и рыдает,
Ты печаль разбередила красотой,
о Тукезбан.

Грудь в серебряных монетах, -
под луной так блещет иней,
Говор ласковый и нежный,
словно посвист соловьиный.
Оставайся средь ровесниц
ангелицею невинной, -
Я прошу, я умоляю, -
будь такой, о Тукезбан.

Солнце ты моей вселенной,
верный светоч путеводный,
Яркий ты чираг домашний,
пламень жаркий и свободный,
Сад благоуханный,
щедрый и на диво разноплодный, -
По тебе Эмин тоскует -
по одной, о Тукезбан.
(Исчезает.)

Наступает тьма.

3.

Етим Эмин
(в темноте)

Без Тукезбан и дом родной - темница,
И на душе, как в одиночке - мрак.
(Напевает.)
"По тебе Эмин тоскует -
по одной, о Тукезбан".

Комната озаряется светом.
Появляется 2-я гурия.

2-я гурия

Когда любовь окрашена печалью,
Как сад ночной, таинственна она.

Етим Эмин

Ах, Тукезбан, ты вовремя вернулась,
А то уж мне мерещатся виденья…
Но что за свет? И что за маскарад?

2-я гурия

А я не Тукезбан, хотя охотно
Звалась бы этим именем, Эмин.

Етим Эмин

Да кто же ты? Двойник ее, мечтанье ль,
Легчайшей дремой вставшее в очах?

2-я гурия

Я - гурия, я воплощенье счастья,
Твою судьбу хранившего не раз.

Етим Эмин
(в сторону)

Так. Гурия. Еще одна. О Боже!
Не смерть ли это собственной персоной?!
(Гурии.)
Кто б ни была ты, но входить вот так,
Внезапно, как порыв ночного ветра
В непрочно затворённое окно
К покинутому всеми человеку,
Обдать его младенческим испугом
И объявить счастливейшим из смертных!..

2-я гурия

И это правда, дорогой поэт!

Етим Эмин

Ну хорошо, а что такое счастье
И где оно гнездится во вселенной?
Одним глазком хотя бы поглядеть.

2-я гурия

Ты вспомни юность, как сияло сердце
Над каждою удавшейся строкой.

Етим Эмин

Но это лишь безудержность познанья:
На утре дней зальется жаворонком
И вороном окаркает закат.

2-я гурия

Уж если ты несчастлив, что ж другие,
Тебя послушав, скажут о себе?
Ты - став поэтом целого народа,
Венцом его надежд и упований -
Дал всем возможность счастье ощутить,
Сам это счастье ясно ощущая,
Тогда, когда ныряльщиком входил
Во глубь наук за жемчугами истин,
Когда в судах ты укреплял собой
Столп справедливости во имя ближних,
Когда открылся под твоей стопою
Пророков путь, ты вровень с ними стал,
Властителям в лицо смотря открыто,
Словами правды обличая их.
А сколько мальчиков мечтают втайне
Твой подвиг повторить своей судьбой?!

Етим Эмин

Чтоб напоследок в четырех стенах
Остаться у разбитого корыта
Беспомощным гниющим полутрупом.

2-я гурия

А Тукезбан? - ты позабыл о ней? -
Ты для нее единственная радость.
Вот почему я именем ее
Бужу в народе дремлющее чувство
И состраданье ко всему живому
Для совершенства жизни на земле.
Ведь счастие - не плотская утеха,
А мудрость растворения в других,
Самозабвенье - в Духе - без остатка.
Воспрянь, Эмин. Напомню на прощанье
Я сладостную песнь твою - тебе!
(Декламирует стихотворение поэта.)

Я таинственною ночью
в наслаждении бездонном
Будто был самим Адамом,
был я Евой искушенным.

Уж никто во всей вселенной
так глубоко не полюбит, -
И любовью небывалой
был я вволю опьяненным.

Обнимал я чаровницу,
ум ее не знал границу,
Трон ее расцвета счастьем
был небесно озаренным.

Сулейманом на престоле
вечной мудрости и лада
И с Лейли своей Меджнуном
был я небом вдохновленным.

Я Сананом, веру предков
отвратившим ради милой,
И Юсуфом ханаанским
в Зулейху был я влюбленным.

Закружился вихрь красавиц
всех племен и всех народов…
Оказалось, рай Эмину
был виденьем умиленным.
(Исчезает.)

Наступает тьма.

4.

Етим Эмин
(в темноте)

Смотри, Эмин, как быстротечно счастье:
Вошло, мелькнуло и пропало вновь,
А Тукезбан, запропастясь в ненастье,
Не думает про мужнину любовь.
Я в рифму поиграть решился даже,
Но Тукезбан по-прежнему в пропаже.
(Зовет.)
Эй, Тукезбан!

Комната озаряется светом.
Появляется 3-я гурия.

3-я гурия

Нет, я не Тукезбан,
Хоть на нее я несколько похожа.
Я - гурия страданья твоего,
Я - воплощенье всех твоих несчастий,
Ниспосланных тебе.

Етим Эмин

Вот это да!
Всё море зла, что шло девятым валом
На жизнь мою, все дебри бед и козней,
Опутавшие путь мой - я давно
И столько раз хотел себе представить
В одном лице и, глаз не отводя,
Взглянуть на то, чему сопротивлялся.
(Иронически.)
Всё это обернулось на поверку
Стареющею гурией из сада!
Скучающею, надо полагать?
Ты говоришь, что схожа с Тукезбан,
А я не вижу между вами сходства!
(Роняет трость.
Гурия пытается поднять ее.)
Не тронь! Не надо.
Трость лишь внешний знак
Той внутренней опоры, что потребна,
Когда судьба нам под ноги метнет
Очередной несчастный случай. Впрочем,
Нужда научит кушать калачи.

3-я гурия

А я про то тебе и говорю,
Поэтому и здесь. И не расслабить,
А укрепить пришла тебя, певец.
Кому же как не мне за это взяться?
Когда "очередной несчастный случай"
Тебя в калеки записал, - одни
Из сотрапезников твоих бывалых
В стан недругов переметнулись быстро.
Другие - просто бросили - в надежде,
Что, мол, кривая вывезет. А третьи…
А третьи честно головы сложили
За отчие границы Лезгистана.
И стал ты одиноким, как журавль,
Отбившийся от стаи в перелете.

Етим Эмин

Ты что же, утешать пришла меня?

3-я гурия

В той степени, в какой дано мне это.
Вот почему я схожа с Тукезбан -
Оплотом твоего долготерпенья.
Я - тоже трость, но больше - для других:
Кто от меня узнал твои страданья, -
Свои намного легче переносит
И понимает, как они ничтожны
Перед скалою горя твоего.

Етим Эмин

Да. Понимаю. Видно, слишком поздно:
Простое человеческое счастье
От века недоступно для поэта.
Несчастья же - смычок, которым время
Из чутких струн его души рождает
Тончайшую мелодию для слуха.
А нет страданья - и поэта нет.
Но до чего ж мучительно и тяжко
Прикосновенье этого смычка!

3-я гурия

Я рада, что мы поняли друг друга.
Как видишь, даже гурия страданий
Счастливой может стать, хотя б на миг.
(Декламирует стихотворение поэта.)

Да не будешь ты несчастен,
всяк счастливец Бога славит!
В горе с языком ты ладить
или совладать не сможешь,
Я скажу, и кто угодно
пусть сейчас меня поправит:
О глубинных тайнах сердца
людям рассказать не сможешь.

Будешь с откровенной речью
ты обузою тяжелой,
Даже если встанешь грудью
на защиту правды голой.
Как бы ты ни распинался,
добродушный и веселый,
Выйдешь из себя ты все же,
нрав свой обуздать не сможешь.

Если ты себя унизил
подражанием напрасным, -
Грубый холст твой не соперник
мастеров парчам атласным.
Хоть чужак с улыбкой липкой
может быть для всех опасным, -
Друг иль враг перед тобою,
точно ты узнать не сможешь.

Родственники дорогие
предадут лукавым словом,
Сладким ядом обернется
твой шербет под мирным кровом,
Дружеская шутка станет
порицанием суровым,
Золото дороже меди
ты вовек продать не сможешь.

Воронье тебя и галки заклюют -
во что придется;
Друг любимый, враг внезапный
над тобою посмеется;
Внук надумает, что слишком
долго твое сердце бьется;
Смысл Добра, его значенье
никогда понять не сможешь.

Не слыхать бы вам Эмина,
если б не тоска-кручина,
Если бы сей мир огромный
не был узок, как теснина.
Жизнь ничто, коли от счастья
не осталось и помина,
Но пока твой час не грянет,
в мир иной сбежать не сможешь.
(Исчезает.)

Наступает тьма.

5.

Етим Эмин
(в темноте)

Одну дремоту сгонишь, так другая
Уже кружит у воспаленных век.
Скорей бы ночь да сон глубокий - в нем
Забыться и - не просыпаться больше.
Однако, что случилось с Тукезбан?
О нет! Не дай Господь: "Очередной
Несчастный случай"! Что со мной сегодня?

Комната озаряется светом.
Появляется 4-я гурия.

4-я гурия

А вот и я: пришла, покорна зову!

Етим Эмин

И ты не Тукезбан! А между тем
Твое лицо, осанка, вся фигура
Знакомы мне, ласкают глаз они.
Вот только… Эта прядь - она откуда,
Как майский снег на зелени ветвей?

4-я гурия

Ах, это! Что ж… Я - гурия терпенья,

Да, твоего терпения, Эмин.
А седина… Она мой верный признак.

Етим Эмин

Не думал, что терпенье так прекрасно
И так достойно в поступи своей.

4-я гурия

Твое ж, Эмин, еще и величаво.

Етим Эмин

Ну, скажешь тоже! Ты вглядись в меня:
Величье в самом неприкрытом виде.

4-я гурия

Бродячий посох - скипетр поэта,
А плащ в заплатах - мантия его.
В теснинах плоти Дух его свободен,
Его устами - небо говорит.
Я весь твой путь прошла с тобою вместе,
Несла с тобою бремя испытаний
И как бы не давили нас они -
В тебе росли достоинство и Слово
И с каждым шагом делались полней
И раздвигали горизонты мира
В гармонии свободного стиха.

Етим Эмин

Стихи, раздумья, мудрость... Повседневность
В кругу забот обходится без них.
Ну, кто, скажи, прочтет хотя бы это,
Начертанное мной на голых стенах
Под скрип сверчка, под мышью беготню?
(Показывает на стену.)

4-я гурия

А ты давно ли подходил к окну
Взглянуть на сад, на горы, на селенье,
На Божий мир, подаренный тебе?

Етим Эмин

Нет, не хочу! Глаза бы не глядели
На этот хаос, млеющий во зле.
Осиное гнездо, клубок змеиный!

4-я гурия

Нет, ты не прав. Твои стихи, поэт,
Под этой кровлей обретая крылья,
Давным-давно по свету разлетелись
И радуют родимый Лезгистан.
Встань, не ленись и подойди к окну.

Етим Эмин
(подходит к окну, вглядывается)

Глядят сюда! Двуногие гиены!
Беда чужая им щекочет ноздри:
Поживой пахнет! - сдвинулись поближе!
Придется занавешиваться плотно,
Чтобы огородить себя от них.

4-я гурия

Нет, ты несправедлив. Уж я-то знаю
Как ты любим и славен в Лезгистане.
И не одной поэзией своею
Снискал ты повсеместную любовь.
Из уст в уста кочует поговорка:
"Дай Бог тебе хотя бы часть удачи
От гордого терпения Эмина"!
Я это знаю, вижу.

Етим Эмин

А тебя
Хоть кто-нибудь однажды в жизни видел?

4-я гурия

Меня увидит тот, кто в здешней жизни
Терпением сравняется с тобой.

ЕтимЭмин

О гурия, о райское созданье,
Зачем же нынче ты ко мне явилась?
Ужель мое терпение на спаде
И я могу не выдержать? Скажи.

4-я гурия

Да это так, мой дорогой хозяин!
Сожми в кулак свое святое сердце
И дотерпи до самого конца!
(Декламирует стихотворение поэта.)

Друг мой, стало мое сердце
жалким пленником страданий.
Ту же чашу бед и горя
пью судьбе в покор, мой друг.
Сердце - как сплошная рана,
ни надежд, ни упований,
Иль никто не отзовется
на немой укор, мой друг?

От моих тяжелых стонов
небо и земля стенают.
Скорпион удушья в горло
мне иглу свою вонзает.
Ливни слез по сердцу хлещут,
тело гнев переполняет:
Иль ко мне никто не хочет
заглянуть на двор, мой друг?

Щедрые душою люди,
видно, все переселились?
Иль Мехди-Захир вернулся,
беды в мире испарились?
Даже нищие бродяги
в дверь ни разу не ломились.
Может, всех сова стращает:
мол, в селенье мор, мой друг?

Божий раб, мою кончину
вымоли, о друг сердечный,
А меня Господь не слышит,
хоть благой и безупречный.
Пусть Всевышний на том свете
ниспошлет покой мне вечный, -
У меня одно желанье,
все иные - вздор, мой друг.

В мире зла, Эмин, не будет
твоего преображенья:
Чист душой, в огне несчастья
обречен ты на сожженье.
Мудрецы, меня утешьте!
Для меня весь мир - мученье.
Для меня врача Лукмана
нету до сих пор, мой друг.
(Исчезает.)

Наступает тьма.

6.

Етим Эмин
(В темноте)

И снова тьма. Приходят и уходят
Виденья, озаряя странным светом
То сон, то явь сознанья моего.
И, право, я не знаю достоверно
Ты спишь, Эмин,
иль бодрствуешь… во сне.
А впрочем - жизнь есть сон.
Знать, к пробужденью
Тебя готовят знаменья небес.
Терпи, Эмин, терпи. Должно быть скоро
Предвечный свет откроется тебе.

Комната озаряется светом.
Появляется 5-я гурия.

5-я гурия

Терпи, Эмин, терпи. Должно быть, скоро,
Вот-вот уже - вернется Тукезбан.

Етим Эмин

Не спрашиваю кто ты: ясно вижу
Небесный облик красоты земной.
Ты - гурия и схожа с предыдущей,
Но - без венца досрочной седины.

5-я гурия

Ты прав, поэт. Я - гурии терпенья
Родная дочь. Таинственная фея
И Муза вдохновенья твоего.
Я - суть терпенья - золото его.

Етим Эмин

Не оскверняй мне слуха этим словом,
В нем червь соблазна: золото и зло
Одно в другое так переливалось,
Что золото утратило свой блеск,
А зло приобрело благообразье.
Нет, золото меня не ослепляло!
Нагим пришел я в мир, нагим уйду:
Пусть смерть со мной скорей разделит ложе.

5-я гурия

Не богохульствуй. Разве вдохновенье
Не окрыляет твоего ума?
И ты уже не можешь быть влюбленным
Как прежде - бескорыстно - в красоту?
(Кокетливо прихорашивается.)

Етим Эмин

Как ты прекрасна, милый мой ягненок!
Резвишься, скачешь и еще не знаешь,
Что пастырь твой уходит от тебя!

5-я гурия

Как?! Ты совсем в себе утратил склонность
К соленой шутке, к острому словцу!
Разгладь усы, расправься, вспомни юность,
И пусть душа заходит ходуном!

Етим Эмин

Нет. Вдохновенью молодость причастна,
А в зрелости - преобладает опыт:
С его вершин - ничтожно всё вокруг.
Иди к другим. В кругу веселья тесном
Ищи себе счастливцев молодых
И там под клекот пенистых стаканов
Улыбкою Эмина помяни.

5-я гурия

Э, нет, мой властелин, одним весельем
Весь век не проживешь - ты это знаешь.
А разве мудрость, что тебе присуща,
Могла ль без вдохновенья обойтись
И приоткрыть завесу вечной тайны
О жизни и о смерти на земле?

Етим Эмин

"Во многом знаньи - многая печаль" -
Так до меня пророки говорили,
Так я у двери вечности скажу.
Твой бренный сад - неведеньем возделан:
Цветет сегодня - завтра облетит.
Слепой счастливей зрячего - не видит,
Куда заносит он последний шаг
И падает, не осознав паденья.
А зрячий наперед исчислит бездну
И гибель сотню раз переживет.
Так я сегодня, глядя на тебя,
Завидую входящему впервые
В твой бренный сад - себе же самому.

5-я гурия

Ты прав, но лишь отчасти: соловей,
Заливистой мелодией играя,
Не ведает, что роза отцветает.
А розе невдомек, что хлад осенний
Остудит пыл и горло соловью.
Что из того? Пока они друг с другом,
Им вечностью пребудет каждый миг.
Вот так и ты: чего бы не коснулся
Своим стихом, уже вошло в бессмертье
И обрело значенье навсегда.
(Декламирует стихотворение поэта.)

Как твоя прелестна песня
над рассветными кустами,
О беспечная ты птица,
соловей ты мой счастливый!
На зеленом пышном троне,
разукрашенном цветами,
На приволье необъятном
мне на радость пой, счастливый!

Из кокетства распеваешь
ты на те лады и эти;
Как никто, ты просвистал бы
все мелодии на свете.
Зимней ты порой жестокой
горевал о жарком лете,
Неспроста к тебе так ласков
весь простор земной, счастливый!

Ты ликуешь, ты гордишься
долею своей заветной
И роскошною весною,
чародейной, многоцветной.
Может, на тенистом троне,
в шелесте листвы приветной,
Хочешь быть зверям и птицам
ревностным судьей, счастливый?

Лишь цветы твоя забота,
лишь они твоя забава.
Родники тебя вспоили,
чья твоей древнее слава,
И мелодии любые
льются горлом величаво.
Как же голос чист и сладок,
звучен голос твой, счастливый!

К радости моей и счастью
ты кипишь небесной страстью.
Мрак и стужа миновали,
у зимы нет больше власти.
Ты не знаешь, как Эмина
обескровили напасти, -
С миром он давно в разлуке,
угнетен тоской, счастливый!
(Исчезает.)

Наступает тьма.

7.

Етим Эмин
(в темноте)

Бессмертие… Значенье… Боже правый!
А не бессмертна ль подлость на земле
И поводырь ее - людская злоба?
А не в насильи ли значенье власти,
Багрящей кровью лживый свой алтарь?
Не оттого ли смертная тоска
По горним высям - так теснится в сердце,
Что разорвись оно, - и рухнет мир.

Пауза.

Куда же Тукезбан запропастилась?
Тоска… Тоска…

Комната озаряется светом.
Появляется 6-я гурия.

6-я гурия

Ты звал меня, поэт?

Етим Эмин

Я Тукезбан зову! А ты, видать,
Еще одна посланница из сада,
Который весь никак не облетит,
Хотя и назван бренным?

6-я гурия

Я оттуда.

Етим Эмин

Но твой наряд… и возраст… скажем, облик
Для гурии немного странен, а?

6-я гурия

Возможно. Я не спорю. Но не годы
Сутулят нас, морщины прибавляя,
А боль несокрушенного страданья.
Я - скорбь твоя, сгустившаяся в плоть.

Етим Эмин

А нужно ль олицетворенье скорби,
Когда ее и так хоть пруд пруди. -
Недаром человек, рождаясь с воплем,
Со стоном покидает этот мир.

6-я гурия

Но между первым мигом и последним
Есть время, именуемое жизнь,
Есть бремя, знаменуемое долгом,
Не каждый может выстоять под ним
И удержаться от проклятий небу.
Таких-то и поддерживаю я
По мере сил, хоть малым утешеньем.

Етим Эмин

Как может скорбь кого-нибудь утешить?
Ты объяснись, пожалуйста, ясней.

6-я гурия

Что ж, попытаюсь. И начну с тебя.
С младых ногтей духовной жаждой движим,
В глубины знаний ты легко проник,
И бренный сад опошленного мира
Предстал перед тобою в наготе.
Сперва печаль о нем, потом тоска
И наконец - тревожное томленье
По высшему - в себе самом и в ближнем,
И посох дервиша тебе казался
Соломинкой спасенья от сует.
Тоска росла и темнотой паучьей
Охватывала сердце и гнала
Ото всего - глаза бы не глядели -
В нору, в пещеру, в тараканью щель!
А дальше - знаешь сам, как обернулось:
Удар судьбы, последствия удара -
Предательство, коварство, волчий угол.
Зато отсюда - мир, как на ладони.
Ты прах его отринул. Ты свободен!
Ты - вне игры его случайных сил.
Но есть, мой друг, оскомина свободы -
Зовется одиночеством она.
В итоге - безысходная тоска
Становится когтящей сердце скорбью.
Земля и небо. Между ними - ты.
Земля - глуха. От неба - нет ответа
И сумрачен предзимний горизонт.
Того гляди - с востока туча хлынет,
Повалит снег. Холодный снег забвенья,
До дрожи пробирающий живого,
А мертвое под ним - еще мертвей.

Етим Эмин

Постой, постой. Повремени - и это
Ты называешь "малым утешеньем"?

6-я гурия

Послушай, мастер. Мы договоримся,

Что речь идет пока что - о тебе.
Ты, душу преисполнивший скорбями
Как бронзовый чираг янтарным маслом,
Кресалом горя о кремень отчаянья
Возжег огонь, округу осветив.
И даже в жарком солнечном сияньи
Внимательному любящему взору
В ответ мерцает ореол его.
И я, по саду бренному ступая,
Свою лошадку с пламенем твоим
Несу высоко. И людское лихо, -
Как тает воск перед лицом огня, -
Перед лицом твоей вселенской скорби
Бледнея, тает, возвышая дух.
Глядишь, и старость распрямляет плечи
И молодость раздумьем взор живит.
Из тяжких гроздьев твоего недуга
Я делаю целительный напиток,
Которым исцеляю всех скорбящих,
Но лишь тебя бессильна исцелить -
Уж не взыщи.

Етим Эмин

Да нет, теперь я понял
Смысл твоего призванья в сей юдоли.
Иди и продолжай свое служенье,
А мне совсем другой потребен врач.

6-я гурия
(Декламирует стихотворение поэта)

Мир, с тобой говорю,
но ведь глух ты к несчастиям, бренный!
Я Всевышнего тварь,
только годы без тернии - где?
Горе чтоб описать,
не хватило б ума у Вселенной,
И чернила с бумагой
у ней непомерные - где?

Жизни нет без смертей
(где б все предки селились сегодня?),
Но дрянной мусульманин,
кто ближним сулит преисподню.
Может, кто-нибудь знает,
скажите рабу вы Господню:
Обреченный больной
исцелился наверное - где?

Славься, мудрый Аллах,
мое сердце тоскует от века,
Все мы твари Твои,
все рабы: богатырь и калека.
Что за хворь у меня,
непостижная для человека?
Где врачи чудотворные,
нелицемерные - где?

Ах, избавь от невзгод,
хоть денечек пошли мне счастливый:
Да помянет меня
друг молитвою неприхотливой!
Боже, я человек,
я Твой раб, непокорный, строптивый, -
Но где воля Твоя,
Твоя милость безмерная - где?

Никого нет на свете,
кого не ждала бы могила,
Сколько Божьих рабов
бесприютных она приютила!
Горький ты сирота,
если напрочь родня позабыла…
Без родни ты, Эмин,
и друзья твои верные - где?
(Исчезает.)

Наступает тьма.

8.

Етим Эмин
(в темноте)

Лекарствами, говаривал Ибн-Сина,
Являются растенье, слово, нож,
Когда же и они помочь не могут,
Тогда - огонь: по-румски и г н и с, будем
И мы, Эмин, спокойно ждать огня…
Хранительница ж оного - упорно
Не исполняет долга своего.
Который час? Я, право же, волнуюсь,
Как будто первого свиданья жду -
Бывает же такое! Возраст… возраст…

Комната озаряется светом.
Появляется 7-я гурия.

7-я гурия

Не сокрушайся, не впадай в унынье -
Унынье - грех. Поговори-ка лучше
Пока со мной. И ожиданье скрась
Беседой мудрой. Мы ведь не чужие.

Етим Эмин
(удивленно)

И снова - гурия! Еще одна!
Я столько гурий нынче перевидел:
Моей любови, счастья, вдохновенья,
Страдания, терпения и скорби -
Неизлечимой скорби мировой.
Уж не пора ли гурии сомненья
Пожаловать ко мне и вопросить -
В своем ли я рассудке? Ах, Творец!

7-я гурия

Ирония поэта украшает,
Нет свежести в серьезности дурной.
Да нам и всем, пожалуй, не мешает
Себя хоть раз объехать на кривой.
Не обижайся, что шучу с тобой -
Душа моя помочь тебе желает.

Етим Эмин

Ну, что ты, - в шутке, сдобренною рифмой,
Из гурии - ты делаешься… нимфой!
Так… скажем… нимфой речки голубой!

7-я гурия

Ну вот и славно! Я пришла исправить
Ошибку той, что здесь была сейчас.
Она сказала: нет лекарств от скорби,
Снедающей тебя и день и ночь.
А между тем лекарство существует.
Вглядись, поэт, оно перед тобой.
Оно тебя всю жизнь сопровождает -
В твоей любви, подвижничестве, чести,
В поэзии, терпении, страданье.
И ты, поэт, лекарство это знаешь -
Оно - во мне. Мучительней и слаще
Лекарства нет. Я всем дарю его.

Етим Эмин

Скажи мне, кто ты? Как зовут тебя?

7-я гурия

Мне было бы приятнее гораздо
Услышать это из твоих же уст,
Ведь имя и название предмета,
Поэтом отчеканенное в слове,
Намного долговечней, чем предмет.
Тем более, что в имени твоем
Таится корень моего названья -
"Эмин" - надежный столп - для посвятивших
Себя искусству жизни и любви.

Етим Эмин

Надежда, ты? Как мог я позабыть
Тебя, мой ангел, устремленный к Свету,
Зовущий к вещей утренней звезде!

7-я гурия

Меня назвал ты. Я теперь спокойна.
Пойду и дальше мир благотворить.
А этот свет небесный для тебя
Оставлю здесь - очам твоим на радость.
(Декламирует стихотворение поэта.)

Эй, несчастный, прочь сомненья,
заглуши свой стон надрывный.
Истинное исцеленье
для тебя, ей-ей, надежда.
Жалобной не будь свирелью,
безутешной, заунывной.
Вдохновенный, благозвучный
тар души твоей - надежда.

Ветерок туман рассеет,
солнце заново родится,
Ночью же луна, как светоч,
засияет, чаровница.
Ты заплачешь, и слезинки
вдруг набрякнут на ресницах:
Скорбь одна из них, другая -
светлого светлей надежда.

Не томись и не печалься
даже в скорби необорной;
Крепни сердцем, не сгибайся
пред своей судьбою черной.
Поднят ангела крылами,
живоносный, благотворный,
Ветер Божьего дыханья,
благодатный свей - надежда.

Эй, Всевышний, без сомненья,
Ты залог освобожденья,
Избавленья от печали,
для Эмина Ты спасенье,
И во тьме глубинной сердца
яркое живет свеченье:
Искорка Твоя мерцает,
Боже, имя ей - надежда.
(Исчезает.)

В комнате по-прежнему светло. Удивленный этим, Эмин берет с полки незажжен-

ный светильник и смотрит на него. Затем кладет на место. Садится на ложе, схватившись руками за голову.

9.

Етим Эмин
(встав с ложа)

Аллах!
Худа!
Первердигар!
Всевышний!
Имен Твоих не счесть! Но ты - един!
Для всякого дыханья в этом мире,
Для всякого земного языка.
Хвала Тебе, Господь!

Ты в плоть мою вложил живую душу -
Иссякла плоть. И вот пора душе
Припасть навеки к Твоему престолу.
Спаси ее, Господь!

За черный хлеб, за тесный путь познанья,
За белый свет в лучах добра и зла,
За горький опыт странствия земного
Хвала Тебе, Господь!

Не Ты ль терпеньем оделил меня
И вдохновеньем одарил меня,
И если б я хоть раз не оправдал их,
Прости меня, Господь!

Ты дал любовь мне - я ее сберег;
Надеждою, дарованной тобою,
Я окрылил сподвижников моих.
Хвала Тебе, Господь!

Перед вратами вечности Твоей
Стою как странник, сбросив с плеч котомку
Докучных тягот, горестей и нужд.
Прими меня, Господь, в свои селенья,
Дай полной грудью гимн тебе пропеть!

С полным кувшином за плечом возвращается запыхавшаяся Тукезбан.

Тукезбан

Ну, вот и я! Прости, что задержалась,
Темнеет рано. На дороге скользко…
А почему ты не зажег огня?

Етим Эмин

О чем ты? В комнате и так светло,
А вот тебя и вправду я заждался.

Тукезбан

После вчерашних ливней в родниках
Сплошная муть. Пришлось на Хтун тащиться,
Зато вода в нем чище хрусталя!
Я все-таки зажгу чираг. Не знаю,
С чего ты взял, что в комнате светло.
(Зажигает светильник,
берет кувшин и наполняет пиалу.)
На, освежись! А что читал ты вслух?
Не новое ль свое стихотворенье?

Етим Эмин

Нет, я молился. И моя молитва
Была, мне кажется, уже последней.

Тукезбан

О чем ты говоришь? Пути Господни!

ЕтимЭмин
(пьет воду)

Жизнь - что вода вот в этой пиале:
Пригубил, опрокинул, осушил.
(Показывает на пиалу.)
На донышке осталось две-три капли.
(Переворачивает пиалу.)
Да. Чаша жизни выпита до дна -
А там - вдох-выдох, два иль три мгновенья…
Скажи мне, Тукезбан, - как умирают
И что при этом чувствуют?

Тукезбан
(не осознав вопроса)

Слыхала
Я, что плохие умирают в муках.
А добрые - к тем гурии приходят
Последний миг им скрасить на земле.

Етим Эмин

Я… нынче… видел… гурий. И не в грезах,
А наяву, воочью. Как тебя.

Тукезбан

Не может быть! Каких еще там гурий!
(Усаживает Эмина на постель.)

Етим Эмин

И не одну. Их было семь. Не сразу
Они явились, а поодиночке.
И каждая похожа на тебя.
Они должны остаться в этом мире
Взамен меня. Возделать бренный сад,
Чтоб он благоухал преддверьем рая.
Они казались олицетвореньем
Моей любви и счастья, и страданья,
Терпенья, вдохновения и скорби.
Надеждой звать последнюю из них,
Она была перед твоим приходом
И синий свет небесного оттенка
Оставила, смутив грядущий мрак.

Тукезбан ошеломлена.

А ты, войдя, подумала, что спятил
От жажды муж твой, сидя в темноте.
Нет. Будучи, как говорят юристы,
При ясной памяти, в рассудке здравом
Хочу тебе в последний раз признаться,
Что ты - и только! - гурия моя!
В моем саду, что пышно увядает,
Ты лучшим украшением была!
В твоей любви я вдохновенье черпал
И счастье созиданья. И томленье
По высшему в себе. А скорбь моя
И в том, что для такого самоцвета
Я не нашел достойную оправу
И не берег как следует его.
Прости меня, родная! Не попомни
Обид своих, что вольно иль невольно
Нанес тебе в житейской суете.
Пускай они, как соль в воде, растают
В моей любви. И поминай меня.
И да пребудут ввек благословенны
Те родники, которые питали
Твое терпенье и твою любовь.

Тукезбан
(стоя на коленях перед Эмином)

Не надо, милый. Помолчи. Не надо.
Не надрывай мне сердце раньше срока.
Мой ненаглядный! Помолчи. Прошу.

Етим Эмин

Я замолчу. А говоря точнее,
Умолкну. И умру. Как всё живое,
Смыкая круг рождения и смерти,
По воле Воскрешающего нас.
И оттого-то нынче я спокоен.
Оглядываясь с высоты последней
На пройденный подъем средь бездн и круч,
Я понимаю, что лишь Высшей силой
На высоту я эту возведен.
И, стало быть, не зря я путь прошел
По лезвию бессмыслицы и смысла:
Мне дали открываются иные,
Иная высь захватывает дух.
Открой окно. Возьми перо, бумагу
И запиши последние стихи.
(Чеканно диктует.)

Мир - бренный сад, и бренны мы, но всё ж
Ты, человек, другого уважай же.
В могилу ты лишь саван унесешь,
Ты сатану всем сердцем проклинай же.

Ешь лишь свое до смертного конца, -
Ждет Страшный суд глупца и мудреца.
Проси пощады, смертный, у Творца,
Простить грехи смиренно умоляй же.

Тебе, Единый, слава! Но, Аллах,
Как мы в загробный мир пойдем в грехах?
О, Боже, хоть в заоблачных садах
Ты грешников вовек не отвергай же.

Поистине все тленны, все уйдем,
Из нас любой земной покинет дом;
Мы все предстанем пред Твоим Судом, -
Хоть одному Ты жить бессмертно дай же.

Но только не Эмину, чьи мечты
Убиты в сердце миром суеты.
О, Всемогущий, с Мухаммедом Ты
В нетленный рай сад бренный превращай же.
(Тихо ложится набок.)

Тукезбан

Так. Записала. Ты уснул, Эмин?
Эмин! Эмин! Не может быть! О, Боже!
Не уходи! А я?! За что?! За что?!
(Рыдает.)

1998

Перевод с лезгинского
Валерия БАРМИЧЕВА.

Газимагомед ГАЛБАЦОВ

И пошел снег...

(Притча)

1.

И пошел снег…

И пошел снег поздней ночью; крупно, спеша и борясь с ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускались хлопья.

И родился у царя сын. И заплакал он. Обрадовалась мать - на душе стало теплее. Аллах подарил матери сына, счастье и будущее даровал Аллах матери. О, Аллах!.. А ребенок заплакал. Ребенок не знал, что сегодня ночью он пришел в мир, но, почувствовав, что пришел, ребенок заплакал. И услышала мать голос его, улыбнулась мать, открыла измученные глаза и спросила:

- Сын?

И никто не ответил матери. Испугалась мать. Потеряла покой и попросила:

- Покажите мне ребенка.

И показали матери ребенка. О, Аллах! Ребенок родился безглазым… нет глаз у ребенка, нет глаз. Замолкла мать, лишилась она чувств. А ребенок все плакал и плакал.

И пошел снег…

И пошел снег этой ночью; крупно, спеша и борясь с ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускались хлопья… И шел снег не переставая, три дня и три ночи.

И испугался царь своего безглазого сына. И понял царь, что быть большой беде. И очень испугался царь. И приказал скрыть от всех существование безглазого сына, а если кто выдаст тайну, то отрубит тому голову. И спрятал царь сына подальше от людских глаз. Повелел не пускать к нему никого, кроме матери. И плакала мать каждую ночь, склонившись над ребенком.

И дали ребенку имя Хикмат.

И была у царя молодая дочь. И звали ее Меседу. Очень хотела Меседу увидеть брата. И сказала она отцу такие слова:

- Отец, да продлит Аллах твою жизнь, дай мне хоть один раз посмотреть на своего брата. Боюсь я, сама не знаю, чего… Постоянно преследует меня некий страшный голос. Этот голос гонится за мной, оглядываюсь, - не вижу никого… Отец, разреши посмотреть на брата. Боюсь я очень. День ото дня голос становится сильнее. Дай мне повидаться с братом…

И разрешил царь дочери посмотреть на своего брата. И посмотрела Меседу на брата, и закричала Меседу страшным голосом. Испугалась Меседу и сказала матери такие слова:

- Мама, чувствую я, что в дом к нам пришла большая беда. Скоро я вынуждена буду навсегда расстаться с вами…

- Замолчи, доченька, замолчи! Не говори так! Какая беда? Разве может Хикмат наслать на нас беду? Если услышит об этом муж, не оставит меня в живых. Больше не говори так!

- Мама, иди к прорицателю, иди к шейху. Тайно иди, мама, пусть отец не знает. И спроси, что это? Боюсь я очень…

И в очень темную ночь пошла мать к шейху, пошла тайно, не сказав никому ни слова. И Меседу никому не сказала об этом, боялась очень Меседу. Пришла в их дом беда, и чувствовала ее Меседу. Болело ее сердце, не просыхали глаза…

Посмотрел шейх на ребенка, вздрогнул и отвернулся, увидев его уродство. Еще раз взглянул шейх на ребенка и сказал он матери такие слова:

- Мухлисат, раба Божья, единоверная сестра моя! Аллах заприметил тебя и через твою утробу, через этого ребенка наслал на людей большую беду… Беда подходит, единоверная сестра моя…

- Что за беда?! Скажи! Скажи скорее, я вся горю!..

- Боюсь я царя, единоверная сестра моя, боюсь я, Мухлисат…

- Все останется между нами, скажи же, не своди меня с ума!

И сказал шейх:

- Мухлисат, сестра моя, сын твой никогда не научится говорить, но он знает имена всех людей. И если Хикмат произнесет чье-либо имя, тот человек умрет. Он и сейчас может назвать по имени тебя или меня… Но если человек, чье имя произнес Хикмат, сумеет убить его, то он останется жив…

И отвернулся шейх от Мухлисат, и подошел к окну. За окном стояла ясная морозная ночь. Везде лежал снег, выпавший в ту ночь, когда родился Хикмат. И снова приблизился шейх к оцепеневшей от ужаса матери, и сказал ей шейх:

- Он начнет произносить имена, начиная от членов вашей семьи… Прости меня, сестра моя…

И опустил шейх голову…

И возвращалась мать поздней ночью домой, прижимая к груди безглазого ребенка, и не чувствовала она тепла от ребенка. Сильнее прижала она ребенка к груди… Нет, не почувствовала она тепла. Везде лежал снег. Холодная была ночь, и в небе мерцали холодные звезды. Холодными были камни, вставленные в стену. Посмотрела мать направо, посмотрела налево, и бросила мать своего ребенка на холодные камни под стеной. И убежала мать, скрылась во тьме. И не видел ее никто кроме Аллаха.

И пришла Мухлисат домой, и заплакала. Никому ни слова не сказала мать. Дома все спали. Закрыла мать наглухо двери и закрыла наглухо окна. И стояла в доме тишина. Но не было матери покоя. Не могла она ни сидеть, ни стоять. Открыла мать сначала окно, открыла затем дверь. И ворвалась в окно ночь, и проник в комнату холод, и вечер наполнил ее. В ярости ветер рвал занавеску на окне и с силой захлопнул дверь. И перестал ветер. Стало тихо в комнате. И заплакала Мухлисат снова. И не было ей покоя. Не могла мать ни сидеть, ни стоять. Закрыла Мухлисат окно. Но заскрипела дверь и открылась настежь. И испугалась Мухлисат, подбежала к двери и закрыла ее. Но заскрипело окно и открылось настежь. И испугалась Мухлисат.

И выбежала мать на улицу, и замерзли слезы на ее щеках. Упал платок с ее головы, и рассыпались волосы. И мороз начал щипать ее тело. Побежала мать туда, где бросила сына. И нашла она Хикмата на том же самом месте, и не плакал Хикмат. И увидела мать, что снег под Хикматом растаял, и увидела, что одеяло его мокро. И поняла мать, что ее ребенок тоже теплый. И прижала Мухлисат ребенка к груди, и заплакала, и упали на безглазое лицо Хикмата материнские волосы…

Положила мать дома ребенка в колыбель и качала его. И начало рассветать, высохли слезы на глазах матери. Хикмат засыпал в люльке, и наступал в этот мир новый день. И скрипнула дверь, и открылась настежь. И испугалась Мухлисат, посмотрела на дверь, и никого там не увидела.

Вдруг Хикмат разорвал обвязки, которыми был привязан к колыбели, приподнялся ребенок, опустился на пол и стал перед матерью на колени. Побледнела мать, задрожала, не могла произнести ни слова; ни закричать, ни убежать. И заскрипело окно, открываясь настежь, и заколыхались занавески. И положил Хикмат на колено матери свою удивительно тяжелую маленькую руку. Заговорил Хикмат, и произнес он:

- Меседу.

И пошел снег…

И пошел снег на рассвете крупно,

спеша и борясь с утренним ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускались хлопья. Снег пошел сразу после того, как Хикмат произнес имя Меседу. Назвав имя сестры, Хикмат повернулся, поискал руками колыбель, забрался в нее и улегся в ней спокойно, как будто в мире и не шел снег.

И начала мать кусать свои руки, и закрыл ветер скрипнувшую дверь. Не шевельнулся ребенок в колыбели, и, не дыша, склонилась мать над ним. И закрыл ветер скрипнувшее окно. Посмотрела мать в окно и увидела, что снег идет. Посмотрела мать в дверь и увидела, что Меседу идет. Побледнела Меседу, тяжело дышит, кончается жизнь Меседу. Чем ближе подходит к Меседу мать, тем сильнее текут слезы из глаз матери. И говорит мать Меседу:

- Что с тобой, дочка? Скажи что-нибудь, Меседу!

И заговорила Меседу:

- Мама, почему вдруг снег пошел? Почему снег пошел, мама?

Не ответила мать дочери и заплакала. Горько и больно отозвались в сердце матери ее слова.

И вновь заговорила Меседу:

- Мама, знаешь, мы с тобой должны убить Хикмата, иначе он убьет всех нас, мне это подсказывает сердце, мама…

- Ты с ума сошла, Меседу! Как Хикмат может убивать людей? Как грудной ребенок может убивать? Замолчи несчастная!

- Мама, я видела во сне! Он был широкоплечий, очень высокий. Его не брала пуля, и кинжал его не брал. Почему-то я шла за ним, и не видела ничего, кроме потной его спины. Тело его было голое. Он бил каждого встречного. Рукой срывал головы легче, чем яблоки с дерева. На его голое тело падали капли крови… Вдруг он остановился, прислушался, пропустил, не трогая, людей и повернулся в мою сторону. Мама! Его грудь, руки, ноги покрывали густые волосы. Я посмотрела ему в лицо… Мама, мама! У этого человека не было глаз. Ты понимаешь, мама, у него не было глаз! О, Всевышний! А когда я проснулась, шел снег. Мама…

И замолчала Меседу, высказав все это, увидела, что у матери глаза мокры от слез, и удивилась очень Меседу:

- Что случилось, мама, что с тобой?

И вымолвила мать:

- Подойди сюда, подойди поближе к колыбели…

И подошла Меседу к колыбели, и удивилась еще больше, увидев с разорванными обвязками от колыбели лежащего Хикмата. Прислушалась Меседу к чему-то.

И сказала мать:

- Меседу, задуши Хикмата… Сожми правой рукой ему горло, задави его со всей тяжестью… Задуши его, пока я совершу утренний намаз…

Отскочила Меседу в сторону, и очень испугалась слов матери. Хотелось ей убежать отсюда, но не смогла.

И повторила мать:

- Меседу, делай что я тебе говорю!

- Мама, ты с ума сошла! Или я еще во сне?

- И я с ума не сошла, и ты не во сне. Послушайся меня, если тебе жизнь дорога.

И заметался снег за окном, и все холодней и темней становилось в комнате. И не было свидетелей тому, как сливалось дыхание матери и дочери, кроме Аллаха, и не ведал никто, кроме Аллаха, что было на сердце у Мухлисат…

И сказала мать:

- Меседу, доченька родная, если ты не можешь выполнить просьбу матери, то хоть моли Аллаха, чтобы снег не переставал.

- Почему, мама?

- Меседу, ты будешь жить до тех пор, пока идет снег…

- А если я задушу Хикмата?

- Тогда тебе не надо будет просить Аллаха, чтобы снег не переставал идти…

И призадумалась Меседу, и склонилась над ребенком, и протянула она руки, чтобы задушить Хикмата… Но оттолкнула мать свою дочь, оттолкнула прочь в ярости, задыхаясь, как назло падающему снегу. Не смогла мать допустить, чтоб убили ее сына. Ни у кого на свете не было такого ребенка, ни у кого не было. И упала Меседу на пол и осталась лежать. И было очень холодно в комнате.

- Мама, почему ты меня оттолкнула, почему оттолкнула, мама?

Не могла мать купить жизнь одного ребенка ценою другой жизни. И сказала мать:

- Прости, Меседу…

- Ты же сама просила задушить его, мама!..

- Задуши, задуши!.. Если ты не задушишь Хикмата, то не жить тебе…

И встала Меседу, и подошла к колыбели. И протянула она руки, чтобы задушить Хикмата… Но опять оттолкнула мать свою дочь, оттолкнула в ярости, назло идущему снегу. И упала Меседу на холодный пол… И молчали обе, и смотрели в окно…

И перестал снег идти.

И перестал снег, как бы назло матери, именно сейчас, как будто не мог перестать в другое время. И перестал снег также неожиданно, как и начал идти.

Застонала вдруг Меседу на полу, в ответ застонала склонившаяся над нею мать. Мир наполнился голосом муэдзина, призывающего к утреннему намазу, комнату заполняли стоны Меседу. И билось в судорогах тело Меседу, и, закоченев, остыли все части тела. И лежала Меседу на полу, и распростерлась на ней Мухлисат.

И не встала больше Меседу, и, не унимаясь, плакала мать… И не видел ничего этого Хикмат…

2.

И узнал шейх, что скончалась Меседу, и очень сожалел, что первым предупредил о беде. Испугался шейх царя. Сердце шейха стесняла грудь, и потерял он покой. "Хотя и обещала Мухлисат не говорить никому, может быть, расскажет она царю, что я первым предупреждал о грядущей беде. Хикмат может произнести и имя царя, это тоже я предсказывал Мухлисат, опасаясь, что сын произнесет имя мужа, откроет ему все, в этом нет сомнений. Я должен опередить ее, и сам все передать царю. Если я успею, может гнев царский минует меня. И как это я оплошал! Ведь написано в книгах, что человек, ищущий правду и справедливость, - самый несчастный из живущих. Ведь знал же я, что правду никто не любит. Есть сила и ей надо подчиниться…"

И залетела в комнату шейха муха, закружилась у окна. Удивился шейх, откуда взялась муха средь зимы. Покружилась муха у окна, покружилась в комнате, пока не угодила в паутину. Вырывалась муха из сетей, и не хотела умирать, но прибежал паук и убил ее. И высосал он всю муху, высохла она. Улыбнулся шейх, увидев все это.

И подумал шейх: "Вот так поступит царь со мной. Не виновата муха, что угодила в паутину, не виноват и я, что Мухлисат пришла ко мне. Шейхов много, но только моей голове угрожает кинжал. Сила не любит слушать не угодное ей дело. Сила может впадать в ярость от плохой вести…"

И подошел шейх к мухе, высосанной пауком, и разорвал паутину. И произнес шейх шепотом:

- Прости меня паук, прости, божья тварь…

И подумал шейх: "Есть сила, побеждающая другую силу. Против яда всегда найдется противоядие. Умная голова и хитрость победят силу. Голову может сберечь только голова. Пойду я к царю, расскажу ему про Хикмата. Я должен опередить Мухлисат. Есть кое-что сильнее и паука - хитрость и человеческая мысль, и, кажется нет, ничего слабее высосанной мухи, но есть сила без головы…"

Перебежала кошка дорогу шейху, толкнула она лапкой дверь, и открылась она. И улыбнулся шейх:

- Спасибо. Вот сейчас догоню… Вот уже выхожу…

И вышел шейх из дома, и пришел он к царю.

- Ассалам-алейкум! Да продлится ваша жизнь, и дай Аллах вам, роду вашему и вашим близким, кроме Хикмата, долгую жизнь…

Посмотрел царь на шейха и сказал ему:

- Вааллейкуму ассалам, если Аллах тебя привел, единоверный брат мой. Если пришел ты выразить соболезнование, то что за недостойные речи слышу я из уст твоих?

- Если моему господину не понравились мои слова, то склоняю голову к вашим ногам и прошу прощения. Если господин мой не понял значения моих слов, то со склоненной головой прошу разрешения объяснить все.

- Мне, от горя высохшему…

- Господин мой, эту беду навлек на вас Хикмат…

- Раб Божий, я не понимаю тебя…

- Хоть вы и прячете от всех своего сына по имени Хикмат, я знаю о нем. Аллах все видит… И я сегодня здесь,

чтобы рассказать вам, что Хикмат принес с собой беду вашему роду, и роду человеческому. Один раз горе уже посетило вас. Лишь Аллах знает, кого Хикмат выберет своей следующей жертвой. Вас? Мухлисат? Каждый, чье имя он произнесет, умрет…

И рассказал шейх ему все, и слушал его царь внимательно. И спросил он шейха:

- Ты рассказал обо всем Мухлисат?

И вдруг солнечный луч упал на середину комнаты и рассыпался.

- Да, мой господин, если провинился, простите…

И не ответил царь. К солнечному лучу подбежала кошка и начала обнюхивать его. Затем подбежала к двери, толкнула лапкой, и открылась дверь.

И произнес шейх шепотом:

- Спасибо, сейчас выйду…

И произнес шейх громко:

- Если позволите, мой господин, я пойду исполнить службу Аллаху и вам.

И вышел шейх от царя.

И вышла Мухлисат к царю. Исчез солнечный луч за окном, густой туман окутал землю, и потемнело кругом.

- Мой господин, беда… - начала Мухлисат, но царь поднял руку и остановил ее.

И спросил разгневанный царь:

- По какой причине Аллах забрал нашу дочь?

- Если сочтены дни человека, Аллаху причина не нужна…

Царь молчал. И стало еще темнее кругом.

- Скажи, Мухлисат, какое слово произнес Хикмат перед смертью Меседу?

- Грудной ребенок не умеет говорить…

- Скажи правду, не гневи Аллаха!

- Твоя могила - тебе, моя могила - мне…

- Мухлисат, что с тобой? Или по мечу плачет твоя голова?

И прибежала кошка, закружилась на том месте, куда падал солнечный свет. И побежала она к двери, толкнула ее лапкой, и открылась дверь. Но не видела всего этого Мухлисат.

- Никто не знает, что ожидает нас завтра… Меседу… да простит Аллах ее грехи, ушла от нас. А другой наш ребенок больной… Я хочу, чтобы ты написал завещание…

И разгневался сильно царь, побелел он от ярости и вскочил.

- Мало того, что стоишь передо мной и говоришь неправду… - но задохнулся царь от ярости и не мог продолжить.

- Если ты хочешь услышать правду, то я скажу ее тебе, - ровным и спокойным голосом произнесла Мухлисат: - Человеку, ищущему правду, говорю…

Но закричал царь:

- Говори!!!

- Хикмат разорвал обвязки колыбели…

И опять закричал царь:

- Говори же!!!

Еще продолжила Мухлисат:

- Хикмат положил мне на колени свою тяжелую руку…

И опять закричал царь:

- Говори скорее, чье имя он произнес!?

И сказала Мухлисат:

- Твое имя, несчастный, твое имя…

И пошел снег…

3.

И пошел снег в этот день: крупно, спеша и борясь с ветром, как бы оставляя раны везде, куда опускались хлопья.

И не было царю покоя: не мог ни сидеть, ни стоять. И боялся он всего, даже находясь в своих покоях, боялся собственного голоса. И не переставая шел снег.

Залетела в комнату муха, зажужжала у окна, закружилась по комнате, пока не угодила в паутину. Прибежал паук, убил муху и высосал ее всю. Но этого не видел царь.

И не переставая шел снег, и не было покоя царю. И лезли в голову всякие мысли: "За что? Почему? Почему он произнес мое имя? С кем я поступил подло? Или меня наказывают за то, что богатство мое - отнятое у людей? Но ведь люди сами любят сыпать деньги туда, где их много. Разве я должен отвечать за людскую глупость? Или они мстят мне, решив, что я всю жизнь был счастлив? Но ведь Аллах знает, что несчастливее меня никого не было. Люди думают, что если имеешь теплую одежду, жирную пищу, то это и есть самое большое счастье… За что я обречен? Почему я, здоровый и сильный, должен умереть?"

И не было покоя царю: не мог он сидеть на одном месте. И шел снег, и темнело небо. И все холоднее становилось царю.

И приходили в голову всякие мысли: "У меня есть деньги. Деньги! Сила человека, душа мира. То, что течет по жилам мира, - деньги. У меня есть деньги! Но где ваша сила, деньги?! Почему вы теперь превращаетесь в бесполезные бумажки? Зачем я собирал вас, если вы так бессильны? Почему вы отступаете перед Хикматом?..

И промелькнула перед царем тень, и испугался он. Хотел царь закричать, но не смог. Хотел царь выбежать из комнаты, но не смог. И почувствовал царь, что кто-то дышит рядом, повернулся в ту сторону и увидел промелькнувшую тень. И дрожал голос царя, когда он произнес:

- Кто ты?

И услышал царь в ответ:

- Истина.

- Что ты хочешь?

- Ответить на твои вопросы.

И еще сильнее испугался царь и отступил назад. И отступал до тех пор, пока не уперся в стену. Посмотрел царь на потолок, но не увидел тень, а увидел паука и высосанную убитую муху. И удивился царь паутине в своих покоях.

И опять промелькнула та же тень, промелькнула по полу.

- Истина, скажи, почему я должен умереть? За что мне мстят?

- Мстят тебе за то, что ты родился!..

- Не по своему желанию я родился, я в мир пришел с плачем…

- Так умри смеясь.

- Не могу…

- Сумел бы, человек, если бы не гонялся за богатством и славой, если бы так сильно не хотел властвовать. Но тебе и этого было мало! Чем лучше человек живет в этом мире, тем труднее ему уйти в мир иной.

- Истина, что меня ждет? В рай ли я попаду или уготовано мне место в аду?

- Спроси у грехов своих. Спроси у дверей, которые ты закрывал перед просящими подаяние. Спроси у гордыни своей, у своего высокомерия, у крови, что ты проливал не раз. Спроси! Они тебе ответят. Сколько раз ты в жизни смеялся, столько же будешь плакать. Но ты боишься отвечать за все, и потому задумал убить Хикмата.

- Откуда ты знаешь?

- Я - истина.

И прибежали в комнату люди и стали шептаться:

- Смотрите, царь сошел с ума…

- Царь разговаривает сам с собой…

- Царь потерял рассудок… Просит помощи у денег…

И посмотрел царь на людей и увидел, что это его слуги. И посмотрел царь каждому в глаза и спросил:

- Почему у вас такие жадные глаза? Как волк чувствует запах свежей крови, так и вы почувствовали запах моих денег. Нет, я не умру! Не умру! Знайте, люди, я не умру! Ничего вам не достанется. Прочь отсюда! Прочь все до единого! Рабы вы все, рабы!.. Вам нельзя давать деньги. Вы не знаете, что это такое. Вы не можете оценить их по достоинству, не умеете обращаться с ними. Рабы не умеют обращаться с деньгами! У тех, кто умеет обращаться с деньгами, ценить деньги, в жилах течет особая кровь. Вон отсюда!

И вышли люди так же, как и зашли, кланяясь и пресмыкаясь перед царем. И улыбнулся царь, горько улыбнулся мыслям своим: "Теперь я не царь, теперь я бессильный труп. Но посмотрите на людей, готовых от одного моего слова, от одного слова трупа пасть на колени. Рабские души! И их считают людьми? Они будут жить, а я должен умереть?".

И задумал царь убить Хикмата. И наступил вечер, тьма окутывала мир, и казалось, наваливаясь на густо падающий снег, хотела уничтожить его.

Казалось, и снег, прежде чем опуститься на землю, желал изрешетить наступающую ночь. Снег и не думал переставать идти. "Снег еще не перестает", - подумал царь, взглянув в окно. "Уже пора и перестать", - как будто подумал снег, увидев в окне лицо царя. Лицо было бледным и суровым, оно было высохшим, словно паук успел поработать над ним. Одни лишь глаза остались на этом лице.

И пошел царь к Хикмату и нашел его одного. Остановился царь и прислушался. Ни о чем не беспокоясь, ровно дышал его безглазый ребенок. И подошел царь к колыбели и отбросил

одеяльце. О Аллах! Неужели такое уродливое существо должно было родиться на свет!? И протянул царь руки, чтобы задушить ребенка. Но задрожали руки царя над ребенком, и не смогли убить лежащего в колыбели. Испугались руки! Но не могли руки и уйти, не сделав ничего с Хикматом. Понимали руки, что должны были задушить его. И приблизились они опять к маленькой головке. Беззаботно дышал ребенок в колыбели. И вдруг холодное железо обожгло спину царя. И услышал царь испуганный женский голос позади себя. И боль пронзила спину царя, и не мог он оглянуться назад. И заговорил царь:

- Мухлисат, это ты? Это ты, Мухлисат?

И заговорила Мухлисат за спиной царя:

- Да, это я…

- Мухлисат, почему же я не умираю! Почему я не падаю?

И отошла подальше Мухлисат от спины царя.

- Потому что снег еще не перестал идти…

И поднял голову царь и застонал, завыл и заскулил он, и повернулся к Мухлисат, и сказал:

- Мухлисат, почему у тебя лицо мокрое?

- И от слез оно мокрое…

И улыбнулся царь, тяжело далась ему улыбка.

- Мухлисат, моя спина тоже от слез намокла?

- Да…

И пошатывало царя, пока шел от колыбели до Мухлисат. И попросил ее царь:

- Посмотри, не перестал ли снег идти.

Посмотрела Мухлисат в окно и сказала:

- Нет, не перестал…

- Выполни мое последнее желание, Мухлисат, подойди к окну и посмотри…

И подошла Мухлисат к окну, и выглянула. Вырвался крик у Мухлисат, и сказала она:

- Снег перестал, несчастный!

И ответил царь:

- Спасибо…

И зашатался царь, и упал. Упал он на спину, и кинжал пронзил ему спину, лежавшему на полу. И пронзил царя кинжал, и вышел через грудь. И не видел всего этого ребенок, лежащий в колыбели. И на рассвете забежала в комнату кошка, и покружилась она около трупа на полу, и коснулась лапкой сгустившейся крови. И отскочила кошка, и убежала из комнаты. И не видела всего этого Мухлисат, все время стоявшая у окна. Мать смотрела на Хикмата. Зашевелился ребенок, и подбежала мать к колыбели. Присела она у колыбели, и потекли из глаз ее слезы. И заговорила мать с сыном:

- Хикмат, сыночек, душа моя, ради Аллаха, не произноси больше ни слова… Хикмат, дитя мое, не говори больше, ради Аллаха, молчи…

И порвал Хикмат обвязки колыбели, приподнялся Хикмат, сошел с колыбели и подошел к матери. Испугалась очень мать. И положил на колени матери Хикмат свою маленькую, но тяжелую руку.

- Хикмат, ради Аллаха, молчи, бесценный мой, молчи… Вот на коленях прошу тебя! Ради Аллаха не говори ничего, сынок, не говори ничего, - умоляла мать своего ребенка. И текли слезы из глаз матери.

И сказал Хикмат:

- Мухлисат.

И пошел снег на рассвете, крупно, спеша и борясь с ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускались хлопья.

И обессилела Мухлисат, упала, и каталась она по полу, крича:

- О Аллах, чем согрешила я?! Почему я должна умереть? Ведь я отдала за Хикмата красавицу дочь. Не я ли помешала царю убить Хикмата? О Аллах, за что я должна расплачиваться, за какие грехи?

И долго плакала Мухлисат. И поднялась она вдруг с пола и увидела, что Хикмат все еще стоит перед колыбелью. Взяла Мухлисат сына на руки и сказала ему:

- Хикмат, почему ты произнес имя "Мухлисат"? Это мое имя, а я твоя мать. Я родила тебя, я спасла тебя. Хикмат, почему я должна умереть?.. Ты знаешь, сынок, что такое смерть?

Не шевельнулся Хикмат и не издал ни звука. Мать прижимала его к груди, но она не чувствовала его тепла, и не ощущала тяжести. И отнесла мать его к трупу царя и положила на пол. И не шевельнулся Хикмат. И взяла мать его руку и провела им по лбу царя и по щекам, и сунула его руку в бороду царя.

- Вот что такое смерть, сынок… Это твоя работа. Вот отец, которого ты убил. Ты понял что такое смерть?..

И окунула мать руку Хикмата в остывшую кровь царя. Улыбнулся Хикмат, понравилось ему рукою ощущать смерть. И заметила Мухлисат его улыбку, и рассвирепела. Увела его от трупа, положила мать сына на подоконник и открыла окно. И ударил мороз ей в лицо, и осушил слезы. И рвал ветер занавес на окне. Скрипнула дверь и открылась. Посмотрела мать на голого ребенка, лежащего на подоконнике, и сама начала мерзнуть. Не таяли хлопья снега, падающие на ребенка, но таял снег падающий в комнату. Комната стала мокрой, но не намокло лицо Мухлисат. И столкнула Мухлисат ребенка с подоконника, и закрыла окно. Скрипнула дверь и сама закрылась. И стояла мать у окна и думала: "Пусть лучше умрет Хикмат, чем умру я сама".

И промелькнула тень в комнате, и вскрикнула мать от ужаса. И опять промелькнула тень. Дрожал голос Мухлисат, когда она спросила:

- Кто здесь? Кто ты?

- Истина.

И испугалась мать, и не поняла она, кто пришел.

- Чего ты хочешь?

- Хочу, чтоб ты выглянула в окно.

И выглянула мать в окно: снег шел не переставая, и на снегу лежал ее ребенок. И услышала мать голос Истины:

- Что ты слышишь, Мухлисат?

- Голос Хикмата.

- Что он сказал?

- Произнес имя шейха.

И закрыла Мухлисат окно и отскочила от окна. Поняла мать: Хикмат не умрет, она не сумела убить сына. И поняла Мухлисат, что как только снег перестанет, вместе с ней умрет и шейх, и не останется на земле человека, знающего тайну Хикмата. И намокло лицо Мухлисат от растаявшего снега. Подбежала она опять к окну и открыла его. Мороз и снег ударили ей в лицо.

Выскочила она через окно на улицу, упала и прижалась к сыну. Стала мать целовать холодное лицо сына, прижала она к груди ставшее удивительно легким тело сына, и заговорила:

- Хикмат, почему ты меня убиваешь? Оставь мне жизнь, дорогой мой…

И увидела Мухлисат, что Хикмат улыбается. И рассвирепела она. Бросила ребенка на снег, и через окно забралась в комнату. И заговорила с нею Истина:

- Мухлисат, не проси ничего у Хикмата! Не говори, что ты ему мать. Не говори, что ты дала ему жизнь, сделала ему много добра. И не проси, чтоб он сохранил твою жизнь.

- Почему?

- Он ничего не видит. Нет у Хикмата глаз… Не понимает он чье имя произносит…

И сошла с ума мать, заметалась по комнате, и упала на пол. И посмотрела Мухлисат на труп царя и сказала:

- Почему ты улыбаешься, там под окном и сын твой улыбается?..

И захохотала Мухлисат страшным голосом. И хохотала до тех пор, пока опять не промелькнула тень. Увидела она тень и замолчала. И услышала Мухлисат голос Истины:

- Мухлисат, выгляни в окно…

И выглянула Мухлисат в окно. Попрежнему шел снег, и дул ветер, но не было под окном ребенка. Не лежал под окном ребенок, осталось лишь потемневшее от растаявшего снега мокрое место.

И сказала мать:

- Снег растаял на моем сыне, теперь он стал теплым…

И промелькнула тень:

- И не стал он теплым, и не растаял на нем снег. Ушел твой ребенок.

- Куда?

- В вечность…

И заскрипела дверь и открылась. И побежала мать закрывать дверь. И закричала, и бросилась Мухлисат к окну.

И перестал снег идти…

И упала Мухлисат в окно, выпала наружу, и упало ее тело прямо на темное место, где лежал Хикмат.

И не видел всего этого Хикмат…

И произносит безглазый ребенок наши имена. И идет снег…

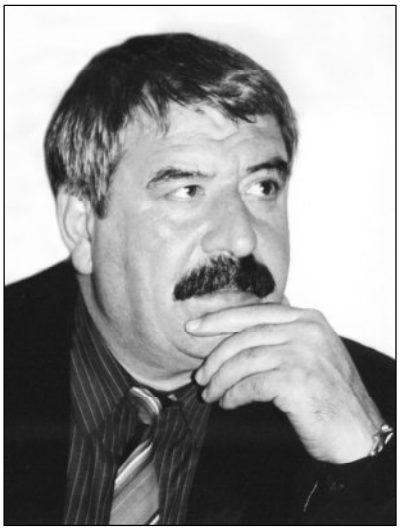
И идет снег, днем и ночью, и на рассвете; идет крупно, спеша, борясь с ветром, как бы оставляя раны на всяком месте, куда опускаются хлопья…

И будет Хикмат произносить имена…

И будет идти снег…

И будет идти…

Размышления с Гамзатом Цадасой



Магомед АХМЕДОВ,
поэт,
член Союза писателей России.

«Это был самый острый ум современной Аварии, поэт, убивавший словом врагов нового, мудрец, искушенный во всех тонкостях народного быта, беспощадный ко всему ложному, смелый борец с невежеством, глупостью, корыстью».

(Н. Тихонов - о Гамзате Цадасе)

В нынешнем августе Дагестан отмечает 125-летие своего замечательного поэта. Первая половина двадцатого века в аварской и всей дагестанской и всей советской поэзии озарена именем Гамзата Цадасы, солнцем его неповторимого дара. Глубиной его поэтического духа, чистотой его языка, мудростью его жизненных уроков, смелостью его сатиры, честностью его таланта, бессмертием его души.

Я знаю, что о поэтах лучше всего скажут сами поэты. И поэты соразмерные. Но что делать, если таковые, соразмерные Гамзату, рождаются крайне редко!

Начиная с первого стихотворения, написанного в 1891 году, его поэзия становится судьбой народа. Но в то же время его поэзия глубоко личностна, он особенно остро ощущал свою личную ответственность за создаваемую им картину мира. Глубина видения сочеталась в нем с даром воображения, острый критичный ум - с проникновенностью в суть вещей. Гамзат Цадаса был восприимчив и точен. Проницательность и аналитичность превращали его в изобретателя и психолога. О назначении своей поэзии он говорил:

Не лежит моя душа
к песнопениям любовным,
Я хочу служить стране
словом грозным, непокорным,
И, заглядывая в даль,
я всегда мечтал, чтоб слово
Камнем истины легло
на обычаи былого.

Нашей древней пандуре,
запыленной и замшелой,
Третью я придал струну,
чтоб звенела песней смелой.
Я менял на все лады
наших слов расположенье,
Внес иной певучий строй
в старое стихосложенье.

Поэзия Гамзата Цадасы была чудодейством, одушевлением самой сущности бытия, пересозданием действительности. Он писал о себе: "Гамзат слышал голос худой овцы и стоны коня с израненным хребтом. Гамзат читал жалобы волов с намозоленными от ярма шеями и горькие вопросы сельпо, опустошенного растратчиками. Он не любил пчелу, которая не дает меда, и курицу, что не несет яйца".

Так Гамзат Цадаса останавливал, как часы, время, и заводил их в стихах, чтобы потомки слышали, ощущали, видели звуки, запахи, цвета его эпохи, жизни, судьбы.

Сегодня мы определяем эпоху по его стихам, узнавая жизнь и судьбу страны по его произведениям, сверяем себя с его поэтическими часами. Это самое большое счастье для поэта. Не важно, о чем написал поэт, важно как написал.

В человеке выдающемся обыкновенное соседствует с гениальным. Гамзат Цадаса был таким человеком. Поэтом, познавшим людей и эпоху, государство и правителей, простое и сложное, величие и низость, ложь и лицемерие, ум и глупость, честь и бесчестие, богатство и бедность, свет и тьму.

Он никогда не занимался пустым сочинительством. Из простых жизненных фактов вырастали жемчужины его поэзии, он боролся с пороками, и стихи его всегда выходили необходимыми, как хлеб и вода, его народу. Поэтому он с полным правом говорил: "У других писателей библиотеки полны книгами, моя же библиотека полна народом. У народа беру и народу отдаю". И отдавал он, как всякий великий поэт, больше чем брал:

На рынках закон
существует издревле:
Чем больше товара -
тем стоит дешевле.
Товар и талант
меж собою не схожи:
Таланта чем больше,
тем стоит дороже.

По воспоминаниям современников, Гамзат Цадаса был простым и честным горцем. "Каждый выдающийся человек связан не только с величием своего времени, но и с его убожеством", - сказал Гете. Гамзат Цадаса тоже советует:

Не трать напрасно времени избытка:
Миг - драгоценней золотого слитка.

Каждый из нас с детства, с колыбельной песни, несет в себе частицу его поэтического огня. Великий народный поэт Дагестана был и остается поэтом-человековедом, знатоком и толкователем жизни, поэтому никогда не умрут его книги, они и сегодня очень необходимы.

Жизнь и творчество Г. Цадасы совпали с глубоким переломом в истории, в умах и судьбах людей: революция, гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война. Но начинал он еще раньше:

В первый раз я сочинил
про соседа и собаку.
Наскочил, как видно, я
на задиру, забияку:
Мой сосед меня таскал
по судам, и наша ссора,
Должен правду я сказать,
кончилась, увы, не скоро.

В сочинении втором
вел беседу я с харчевней:
Сам хозяин пожелал,
чтоб о ней сложил я строки.
Но хозяин обомлел:

тут же перед всей деревней
Я харчевню осрамил,
обнажил его пороки.

Так пишет Гамзат в поэме "Моя жизнь" в начале пути. Но уже тогда, в первых же своих стихах, он вывел свою поэтическую формулу - верность правде жизни, благородство, мудрость и обаяние, совестливость и чуткость, вера в силу истины и добра:

К чему мне богатство,
добытое всюду,
Где подлость царит,
где неволя тяжка?
Завидовать мелкой душонке не буду,
Что нагло жиреет за счет бедняка.

Первая же книга Г. Цадасы "Метла адатов" стала книгой народа, она живет и сегодня, пульсируя каждой своей строчкой. Это та поэзия, которая не стареет, потому что она - летопись народной жизни.

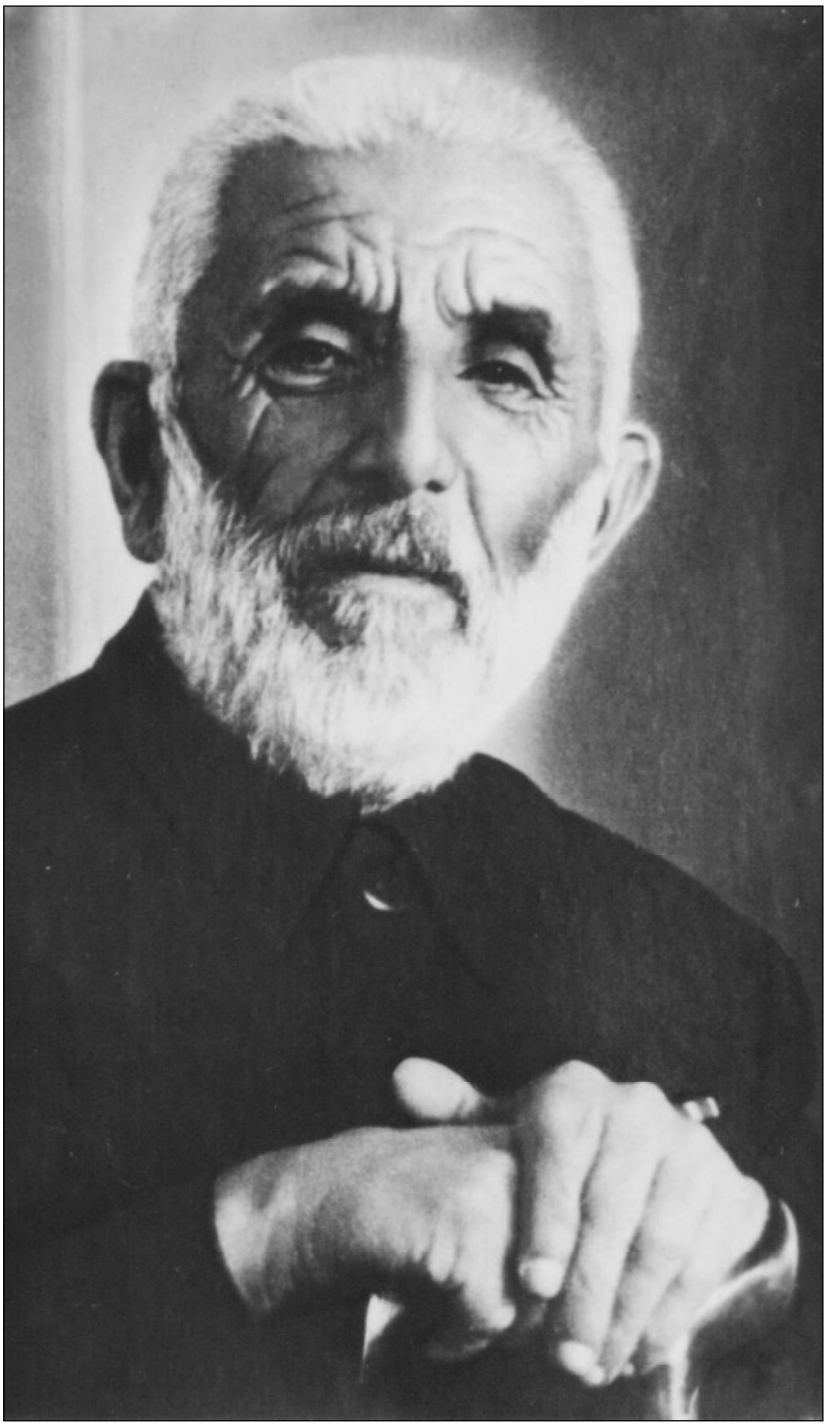
В ней лиризм народной песни, суровая и нежная поэтика горской думы, мудрость, гуманность, сочный юмор, жесткая сатира. Его поэзия - это поэзия борьбы, правды и высокой мечты, слово его несет в себе и поныне негасимый огонь и щедрость поэтической души. Она была для современников поэта новым словом, подлинным художественным открытием, и до сих пор остается такой:

А ведь стихи мои очень простые -
Простые стихи для людей простых.
Подумать только, какое значенье
Имеет простой и честный стих.

Гамзат Цадаса дал третью струну горскому пандуру, утвердил народное мировоззрение, мораль, эстетику и поднял аварскую и всю дагестанскую литературу до уровня самых передовых литератур своего времени, передал эстафету своему достойному продолжателю, сыну, Расулу Гамзатову, который поднял ее до мировых вершин.

В поэме "Разговор с отцом" Расул Гамзатов говорит:

В познаньи народа -
поэта величье.
Всегда выбирай потруднее дороги.
Твой разум - в народе,
богатство - в народе.
Не бойся в пути запылить свои ноги,
Как тот чистоплюй,
что на цыпочках ходит.



Г. Цадаса был поэтом, какого мы до той поры не имели, поэтом, который пережил острейшие социальные драмы. Уважение к человеку, бичевание пороков, мешающих человеку быть человеком - вот главное в творчестве Г. Цадасы. Непримиримость ко всему, что унижает, оскорбляет, сковывает, калечит, уродует в человеке человеческое - вот основа его поэтического воззрения на людскую природу:

Разве зависит от чина и службы
Людям оказываемый почет?
Если посмотришь на друга иного -
Голос не тот, и окраска, и рост,
Сердце его распластаться готово
Перед занявшим ответственный пост.

Задумываюсь над вечными вопросами: художник и народ, художник и жизнь, художник и будущее - и вновь встает образ Гамзата Цадасы. Его поэзия - это поэзия реального мира, свои ритмы он брал из ритмов горской жизни, свои поэтические законы выводил из житейского опыта, опыта, приобретенного болью, муками и страданиями.

Меткий глаз его "Метлы адатов" до сих пор пристально смотрит на нас, чутко замечая все краски времени прошедшего, настоящего и будущего:

В наших сутках есть ларцы,
Их всегда двадцать четыре,
Собираются туда
Нашей совести созданья.
В полночь ясную, когда
Тишина в подлунном мире,
Отопри их и взгляни,
Каковы твои деянья.

Сколько там никчемных дел,
Сколько важных, настоящих,
Сколько добрых и дурных,
Сколько тусклых и блестящих?
Заслужил ты похвалу
Иль достоин укоризны?
Сколько сделано тобой
Для народа, для Отчизны?

Поэзия Гамзата Цадасы дает нам блестящий пример вечного чувства общности людей, слитности личной судьбы с судьбой народа. При этом поэт переходит поле раздумий о человеческой сути. Поэтому он живет в душе народа каждым своим словом и мыслью, своей исключительностью и обычностью.

И еше: Гамзат Цадаса - глубоко национальный поэт и этим многое сказано. В его книгах живет могучий, свободный и богатый язык, его поэзия - великое языковое чудо. Именно поэтому так писал блестящий переводчик его стихов С. Липкин: "Гамзат Цадаса - поэт действительно народный. Он народен, прежде всего, потому, что аварец в его стихе сам выразил себя, и не только свою страсть, как в стихах Махмуда, или свою нежность, как в стихах Чанки, а выразил себя всего, со своею гордостью, отвагой, нравственными воззрениями, простодушием, честностью, шуткой, слезой. Стих Гамзата задушевен, как колыбельная песня, ясен и непреложен, как пословица. Аварский народ всегда будет идти с Гамзатом Цадасой, потому что Гамзат - это и есть аварский народ".

Золотые слова! Лучше не скажешь.

Сегодня, перечитав Гамзата Цадасу, я пришел к грустному выводу, что нынешняя поэзия, родившаяся в эпоху греха, довольства, безнравственности, безнадежности, в эпоху бездарных правителей и забывших свое предназначение людей, в эпоху, когда над любовью к родине превалирует любовь к наживе, не отвечает своему высокому предназначению и занимается больше самовосхвалением, чем самоуглублением.

Существование идеалов делает жизнь даже в лихую годину более или менее терпимой, а их отсутствие - невыносимой. Когда идеалы недейственны, а прежние кумиры и в жизни и в поэзии низвергнуты, возникает пустота, которую стараются заполнять лжеталантами, эстрадной шумихой и шумной бездарностью. А боль отдельного простого человека становится одинокой. В такое время только настоящая поэзия может делать эту боль менее мучительной, напоминая человеку о его предназначении.

Страшно менять душу, как змея меняет кожу.

При банкротстве идеалов и потере нравственных ценностей, цена на искренность, на созвучность поэтического слова народной боли повышается до кипения, и лишь поэт может дать потерянному времени духовные ориентиры, блеснуть лучом света в темном царстве хаоса и беззакония. Поэтому, когда замирает сердце поэта, то и время замирает. Ведь поэзия - это область вечных идеалов, неумирающих ценностей, точка отсчета в жизни на Земле и перед Богом. И поэтому личность такого поэта, как Гамзат Цадаса, всегда будет иметь высокое звучание.

Закончу своим стихотворением "Над книгой Гамзата Цадасы":

Ночью, склонившись над книгой Гамзата,
Чувствую вечность в дыхании строк,
Словно эпоха, уйдя без возврата,
Эхом бессмертья взошла на порог.

Я бездыханно страницы листаю,
Будто копаю колодец добра,
Будто я участи лучше не знаю -
С книгою этой сидеть до утра.

Чудится мне, что природа, забывшись,
В этих страницах на миг ожила,
Или эпоха, перевоплотившись,
Между годами мосты навела.

Будто и сам я с рожденья зависел
От глубины постиженья того -
Как он к земле нашей небо приблизил
И по страницам рассыпал его.

Конкурс

Поэзия и перевод

В 60-80-е годы минувшего столетия дагестанская литература стала широко известна всесоюзному читателю благодаря блестящей школе российских переводчиков. Лучшие произведения дагестанских поэтов и прозаиков незамедлительно переводились на русский язык и публиковались в таких крупнейших центральных издательствах, как "Советский писатель", "Современник", "Советская Россия", "Молодая гвардия" и др.

В последнее десятилетие в связи с переменами в политической и экономической жизни страны дагестанские национальные литературы оказались в своеобразном языковом вакууме. Художественный перевод стал не востребованным государственными издательствами, не имеющими возможности достойно оплачивать труд переводчиков.

Дагестанская школа перевода, ведущая свое начало от Эффенди Капиева, все эти годы пыталась противостоять трудностям и сделать произведения национальных дагестанских авторов достоянием широкого российского читателя.

Надеждой дагестанской школы художественного перевода являются молодые литераторы, пишущие на русском языке.

Журнал "Дагестан" объявляет конкурс на лучший перевод стихотворения Расула Гамзатова, подстрочный перевод которого приводится ниже.

Лучшие переводы, присланные на конкурс, будут опубликованы в текущих номерах нашего журнала. В конце года конкурсная комиссия объявит победителя и вручит ему приз - книгу народного поэта Дагестана Расула Гамзатова с автографом автора.

* * *

Как много парней на этой земле,
Но тех, кто под землей, гораздо больше.
Их любовь я берегу как наследство,
Прибавляю свою любовь
И отдаю тебе, мое вишневое дерево.

Как много в этом веке красивых женщин,
Но в будущем их будет еще больше.
Я собираю цветы страсти,
Которые им готовит наш век.
Я и сам растил много букетов любви,
И все это, моя незаходящая звезда, я тебе даю.

Так много в этом мире туманов и туч,
Но те, которые будут, еще опаснее, еще темнее.
За один век все люди на земле погибают,
Но любовь под камень в могилу не положишь -
Она останется с нами.

Мария АЛЕШЕЧКИНА

ЛАУРЕАТАМИ нынешнего очередного молодежного фестиваля искусств, проводимого ежегодно в Москве, стали три автора из Дагестана - Мария Алешечкина, Мадина Хуршилова и Юлия Зачесова. Их произведения, отобранные в результате творческого конкурса, вошли в книгу избранных произведений участников фестиваля. Предлагаем вниманию читателей стихи Мадины и Марии из портфеля редакции.

Листья

В парке осеннем
пришлось под навесом ютиться,
И подступает
к промокшим ногам водоем.
Желтые листья -
китайские желтые птицы
Только одни
и остались под серым дождем.

Я рисовала
на них синеглазые лица;
В детстве покрыт был
кленовой листвой тротуар.
Желтые листья,
китайские желтые птицы
Чертят по воздуху
символы медленных чар.

С этой волшебною осенью
мне уж не слиться:
Так отнимают порой,
что в начале дано.
Только с китайского термоса
желтая птица
Каждую осень
тоскливо глядится в окно.

Печаль

Молочный оттенок дневных фонарей
И райский морской аромат.
Как время промчалось…
Должно быть, скорей,
Чем взгляд отвечает на взгляд.

Как прежде осколки горят на дворе,
И вот я к окну подойду -
А полдень чуть клонится к дальней горе,
Как ветка в плодовом саду.

И солнце растянуто по жалюзи
Сияющим белым столбом,
Как будто слеза дотекла до низин,
Родившись в зрачке голубом.

Молитва

Ну же, сбылось, не сбылось?!
В воздухе фразы повисли,
И разбегаются врозь
Странно далекие мысли.

"Знаю и верую…" Ложь.
Скоро уж час в напряженье.
Господи, Ты ведь поймешь
Рук этих сжатых движенье!

Знаешь, ведь верить трудней,
Если так шатки стихии,
Если от веры твоей
Твердой зависят другие.

* * *

Сомненьям не заныл еще в отместку
Висок, и так спокоен разговор…
Смотри, уже колышет занавеску
Лиловый ветер, налетевший с гор…

И кем он оказался на поверку?..
И стоит ли… И бедствий без числа…
"Все правильно", - сказала я, и кверху
Глаза на сгусток света подняла.

В хрустальной глубине слепящей лампы
Я вижу, как секунды рвутся прочь,
И вновь идет к огням зажженной рампы
Кошмар агоний под названьем ночь.

Сухой песок воспоминанья

Сухой песок воспоминанья,
Моллюсков древних желтый прах
Хрустит от ветра на зубах
И строит город без названья.

И о разрушенных горах
Он говорит своим дыханьем,
Он говорит им: "До свиданья",
Хрустит от ветра на зубах.

И об источенной скале,
О сладком море над пустыней,
И о секрете гладких линий
Он разнесет по всей земле…

……

Воспоминанья отомрут,
Как высохшая ветка,
И ты берешь бескровный прут -
Хоть бережно, но редко.

Его шершавее узлы
И острые колючки
Теперь к тебе не будут злы
И не поранят ручки.

Прощальный тополя скелет
Чернеет из прибоя,
И мы глядим ему во след,
Как он уходит стоя.
А море временем искрится
И, полежав на берегу,
Я искупаться в нем бегу
И таю в нем, как в небе птица.

Рассказ

Я ехала в страну, где ждал меня
Мой милый в снежных звездочках
(по фильмам).
Сломался поезд. Пронеслась Чечня.
А бросили в Испании под ильмом.

А там весна такая ж, как у нас.
И сумерек похоже приближенье.
И смело смотрит в солнце алый глаз
На извести его же отраженье.

Не стану больше я по городам
Мечтать, скитаться никогда не стану!
Исчезла сумка, целый чемодан
Исчез, подобно серому туману.

Исчезло с пальца желтое кольцо,
Нет больше денег, паспорта, и визы…
Лишь солнцем обожженное лицо
Хранит следы туманного круиза.

По небесам влекутся облака.
И сонно пыль по улицам струится.
Ее бросает в окна, как рука,
Могучий ветер (серая страница).

Вошла я в церковь. Тишина. Священник
Мне предлагает стать его женой.
Подумать - время. На дорогу - денег.
И GSM, чтоб позвонить домой.

И я вернусь на родину однажды.
Кружится снег: улыбка сквозь стекло.
"Моя Кармен! Мне снится ночью каждой,
Что ты под ильмом. Подпись и число."

Дербент

В город, изогнутый, словно копье
Тихой уклончивости, или просто
Как серпантин, сотрясающий кости
Едущих ввысь за дождем из нее.

В город, изогнутый, словно кувшин.
В город, где мокрые снизу каштаны,
Лужи, и грязь, и далекие страны
Что мне, когда ты на свете один.

Город, изогнутый, словно седло
Лошади серой - дождливой маршрутки,
Нету на смену ни туфлей, ни куртки,
В горы да в горы. Серело село.

В город, где стены - материя лет,
В горы, да в горы, в пути вспоминая…
- Как ты попала сюда, дорогая? -
…Тесная комната, хлам и букет.

Мадина ХУРШИЛОВА

* * *

"... И пахли иначе травы."
А. Ахматова

Да, мы пришли из иных веков,
Где пахли иначе травы,
А звон мечей, перестук подков
Был музыкой и отравой.

Из стран каких, из каких времен -
Все это неважно даже,
Ведь кровь у всех кочевых племен
Конечно, одна и та же.

Тогда молились другим богам -
С крылами летучей мыши,
А может - нет… Но ценили там
Свободу всего превыше.

Напрасно смелый отводишь взгляд,
Застигнут врасплох любовью…
Поверь, еще сотни лет назад
Мы дикой сроднились кровью.

* * *

Как призрак, что рожден в бреду,
Жасминный куст приник к окошку,
Неслышная, в ночном саду
Бездомная крадется кошка.

И от недавнего дождя
В траве серебряные блестки -
Так май рисует, уходя,
Свои небрежные наброски.

Прощаю. Верю. Не мечусь
Я от отчаянья к надежде,
И не прошу иного - пусть
Все остается так, как прежде.

Уже почти не страшно мне
От слов, оброненных тобою…
А месяц в темной вышине -
Как серп, взнесенный над судьбою.

* * *

Песне наступить на горло просто,
И забыть обиды мне под силу,
Я вернусь на остров, хмурый остров,
Где хрустальный дождь - холодный, милый.
Мне не больно. Я закрою двери
И стоять не буду на пороге.
Только как мне не хотелось верить
В то, что ты - чужой. Один из многих.

Март

Март. Не тепло - обещанье тепла.
Зимних ночей наваждение,
Будто бы капли дождя со стекла
Ветры срывают весенние.

Солнечный луч расколол облака,
Небо - рекой полноводною.
Хочется стать - хоть на миг, хоть пока -
Милой твоей, несвободною.

Март! В этом месяце просто чудить,
И хохотать над ошибкою,
И, опьянившись весною, пьянить
Дерзкой беспечной улыбкою.

Жаркое это биенье в крови
После когда-нибудь вспомнится…
Март… Не любовь - обещанье любви,
Что никогда не исполнится.

* * *

Уже который день дрожит земля,
А в теплом воздухе такая нега,
Как будто нет беды страшнее снега
Обманного, что сыплют тополя.

Ленивый взмах прощающей руки -
В окне движенье персиковой ветки,
В уютном палисаднике соседки
Опять выпалывают сорняки.

Дрожит земля, и словно из-под ног
Она уйти пытается напрасно,
Но летний вечер тих, и небо ясно,
И перед нами тысячи дорог.

До завтра - не навек, и у дверей
Прощаясь, улыбаемся беспечно.
А если вдруг… Тогда еще скорей
Мы встретимся - там где-нибудь,
на Млечном.

* * *

Девять жизней у кошки,
У тебя лишь одна.
Ты пригубишь немножко,
Я допью все до дна.
Улыбнешься устало,
Истомленный весной,
Я начну все сначала,
Только стану иной.
Мне не страшно - послушай! -
Ни играть, ни любить,
Драгоценную душу
По частям раздарить.
Оттого-то иначе
Я и жить не могу,
Все до капли растрачу,
А тебя сберегу.
Ты поймешь запоздало,
Что всему есть цена…
Девять жизней - немало.
Но и смерть не одна.

Когда выходит книга

Отпустила на волю их,
Ведь без воли стихам - как птицам.
Жар бессонных ночей живых
Мертвым я отдала страницам.

Я не знаю, кто с этих пор,
Как тетрадь, мою жизнь листает,
И какой равнодушный взор
Строки длинные пробегает.

И сжигает меня во сне
Страх, навеянный лихорадкой:
Кто-то, кажется, в душу мне,
Как в окно, заглянул украдкой.

* * *

"... Вдруг спела птица
голосом блаженным
О том, как мы друг друга берегли."
А. Ахматова

Не нужна тебе ни тень обманная
Из чужой неведомой страны,
Ни печаль, ни нежность окаянная,
Только в этом нет твоей вины.

В утренней холодной светлоокости
Растворюсь, исчезну без следа,
И своей нечаянной жестокости
Ты уже не вспомнишь никогда.

Чувствуешь смятенье непривычное
От больного перезвона струн,
Как охотник, в чьи силки обычные
Сказочный попался Гамаюн.

* * *

В холодные черные башни
Из гладких, как мрамор, строк
Неистовый и бесстрашный
Ворвался, как вихрь, Восток.

Полынными злыми ветрами
Встревожил мой мертвый сад,
И дни запылали кострами,
Как тысячу лет назад.

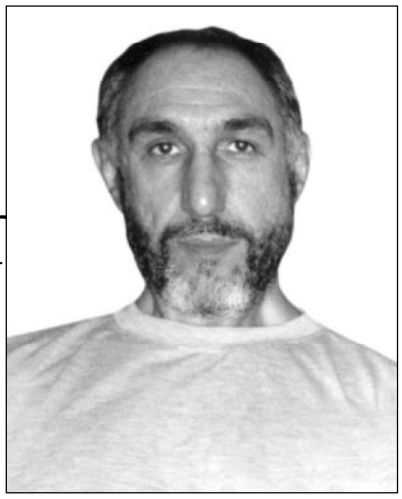
А в залах, которые знали
Серебряных струн печаль,
Дикарские вдруг зазвучали
Напевы, где кровь и сталь.

Ах, если б я вспомнить смогла бы…
Но время замкнулось в круг,
И руки изнеженно-слабы,
Им чужды и меч, и лук.

Так смотрят - не помня, не веря,
Сквозь прутья клеток родных
В неволе взращенные звери
На диких собратьев своих.

Махач МАГОМЕДОВ

Love story: тюремный вариант



(Рассказ)

Посвящается Зарипат Сурхаевой

Из грязи вырастает Красота…
Как странно все устроено в Природе:
И злоба в нас живет, и доброта,
И чистые цветы растут в болоте…

Через два дня после суда меня перевели из "следственной хаты" в "осужденку". Так было положено по закону. Из осужденки же следуют два пути (если не считать общедоступного пути - когда "ногами вперед"): или этап на зону, или (если приговор отменят) обратно - в переполненную "выше крыши" следственную.

В хате стояло 16 железных, привинченных к полу, двухъярусных шконок, т.е. спальных мест было 32. Однако контингент здесь почти каждый день менялся в довольно широком диапазоне: от 20 до 60 человек, нарастая к этапному дню и резко уменьшаясь после него. Одни уходили, другие приходили. "Движение - это жизнь." В осужденке жизнь достигала той скорости, при которой для человека не важным становятся ни пища, ни одежда, ни наличие курева и чая в сидоре, ни наличие самого сидора вообще. Каждый здесь занят отгадыванием двух "душещипательных" вопросов: отменят приговор, или же дернут на этап; если приговор не отменят (что для наших судов вероятнее всего), то на какую зону кинут.

Мысли эти мучают своей неопределенностью изо дня в день, доводя порой слабонервных до буйных, либо тихих "соскоков". Чтоб не дойти до такого, необходимо отвлечься и чем-то занять свое воспаленное сознание. Потому отвлекаются и занимаются на осужденке "кто во что горазд": одни азартно играют в не запрещенные режимом нарды, шашки, шахматы; другие читают все подряд, причем скорость чтения становится здесь феноменально высокой; третьи просто спят, чтоб больше жить в сладком сне, чем в пугающей своей неопределенностью реальности.

Население осужденки общего режима было в основном молодое: 18-28 лет. В этот период жизни люди обычно женятся и заводят детей, пуская таким образом "жизненные корни". Здесь же, у порога долгих лет неволи, людей приучали жить без корней, как перекати-поле. Кочуя за время срока с ИВС на СИЗО, с СИЗО на этап, на зону, на больничку, на поселок и обратно, человек привыкал жить без семьи, детей и родственников, и ему уже начинало казаться, что и все остальные люди живут именно так. Самыми близкими для него становились те, с кем сводила его судьба в следственных или в осужденках, в автозаках или в столыпиных, в карантинах, в зонах, в отрядах, бригадах, на больничках или в колониях-поселениях. Люди этого - деформированного решетками - мира привыкали к тому, что ничего постоянного вокруг них нет и быть не может. Не верилось, что где-то люди всю жизнь живут в одном кругу родных и друзей, воспитывая детей и собирая деньги: на свадьбу или похороны, на машину или квартиру, на "черный" или на "светлый день" жизни.

Здесь все было иначе. Приговор к лишению свободы делал этих людей свободными от всех проблем, связанных как с созданием семьи и уходом за стареющими родителями, так и с воспитанием и обустройством собственных детей. И люди этого мира привыкали за долгие годы срока жить без корней и накоплений, будучи постоянно готовыми к этапу или к перекидке, к шмону или к допросу, к потерям или разочарованиям. Но жить в таком возрасте без любви было невозможно, даже в этих "заключительных" условиях "плавания на махачкалинском централе".

Напротив зарешеченного окна (или просто - "решки") нашей осужденки, через двор, на втором этаже была женская хата. Тоже осужденка. Каждую ночь мы распускали синтетический носок на три тончайшие, разноцветные, капроновые нити. Из газеты и мыла делалась "стрела", к которой привязывалась самая темная из трех нитей (две другие шли на оплетку ручек, обложек, шкатулок). Из целой, наименее мятой, газеты или из висящего на стене хаты плаката "Правила внутреннего распорядка в СИЗО" скатывалась плотная трубка - "духовое ружье". Ночью, после отбоя из решки женской осужденки высовывался "штырь", который, надо полагать, также скатывался из газеты или "Правил СИЗО". Задача нашего стрелка состояла в том, чтоб с помощью духового ружья пустить стрелу над штырем и зацепить таким образом нить на штырь. Как правило, опытный стрелок с 2-3 попыток данную задачу решал. Далее "та сторона" осторожно втягивала штырь с нитью в хату (о чем сигналили определенным подергиванием). Мы соединяли нить с более прочным канатом (делался из ниток шерстяных носков или из длинных полос от простыни), канат по нити затягивался в женскую осужденку, и "дорога жизни и любви" сдавалась в эксплуатацию до утра. Утром она маскировалась "дорожниками" путем натягивания вместо каната тончайшей, как паутина, незаметной для неопытного глаза, добытой из синтетического носка, темной капроновой нити. Но, несмотря на все старания, глаз опытного "попкаря" днем в момент вычислял "дорогу", и она быстро уничтожалась. Об обнаружении и "ломке дороги" мы догадывались по матерным выражениям в адрес контингента обеих осужденок от снующих по двору попкарей.

Ну, а ночью "дорога жизни и любви" эксплуатировалась в полный рост, ибо это была не просто "дорога с соседней хатой", она являлась тем тончайшим мостиком, что связывал нас с желанным (в любом виде) женским полом, напоминая нам о прелестях далекого вольного мира и о том, что мы не просто зэки, но и желанные для женского пола мужчины.

"Добрый вечир малчики! Меня завут Патя. Мы с падругой Умой хатим с вами познакомится и дружить. Мне 19 лет. У меня ст.144-2 и срок дали 2 года. Уме 24 лет , ст.146 , срок 7 лет. Но мы надеемся што радня тусанется куда нада, напишут касуху и нам скосят. Нас окристили на той ниделе. В осужденку перекинули толко седня. До залета я жила в Махачкале на 5 поселке а Ума в Кизилюрте. Если у вас есть курит и чай то помагите по возможности. Лична я вас всех люблю и уважаю! Желаю всем крепкого здаровья и золотой свободы!!! С арестанским приветом Патя - маленкая."

С маляв примерно такого содержания обычно и завязывались в осужденке заочные знакомства. Не имея воз-

можности увидеть облик своей "заочницы" (фотки на СИЗО иметь запрещено), фантазия голодного зэка вырисовывала, постоянно "шлифуя", нежный образ обаятельной подруги, не способной ни на какое преступление и оказавшейся здесь чисто случайно.

Через день-два, раздувая паруса фантазии, такая переписка из стадии ознакомительной ("откуда?", "статья?", "срок?", "родня помогает?", "какой рост, вес, объем груди, цвет волос?") либо резко прекращается (с криком: "На ... мне эта дура / ..... / лешка / лярва / шкура) нужна! Кому по приколу, пусть ей отписывает, а я - пас."), либо переходит в более высокие сферы общения. Здесь уже задаются вопросы типа: "А у тебя уже был кто-нибудь?", "Какие парни (девушки) тебе больше нравятся?", "Тебя возбуждают поцелуи?".

Пройдя испытание и этой фазой общения, переписка (если она вообще не прекратилась из-за вопросов типа: "А тебе нравится ..... в машине, на пляже, хором?"; "Сколько за ночь ты можешь?"; "А ты каким любишь заниматься сексом?») плавно переходит на более доверительно-духовную стадию. Здесь партнеры начинают выяснять: "Какие сны тебе снились?"; "А видел(-ла) ты меня во сне сегодня?"; "Ты меня очень хочешь?"; "А в какой позе ты хотел(ла) бы спать со мной?"; "Будешь ли ты меня ждать до конца срока?".

Именно здесь многие молодые зэки начинают понимать - зачем учат писать сочинения в школе. Именно здесь они ясно осознают недостатки собственного образования, воспитания и просто опыта общения с женским полом. Это когда корявость языка и специфика воспитания не позволяют выразить мысль без мата ("для связки слов и красоты оборотов"), без сальных намеков и "секс-символов" в жестах, без подколов и капканов в предложениях. Осознав же эти моменты, молодые "первоходы" либо идут за помощью к более опытным и витиеватым в общении сокамерникам, либо начинают усиленно читать любовную прозу и поэзию, переписывая в свои тетради понравившиеся выражения и стихи, надеясь использовать их в деле "прибалтывания заочницы". Другие же, исчерпав свои возможности в эпистолярном жанре, и стесняясь "корявости языка и дремучести мышления", вообще перестают переписываться с женской хатой, обосновав это логически неоспоримой фразой: "Лучше ... в кулаке, чем ..... вдалеке".

Как и в любом коллективе, здесь были люди разного полета: от "колхозана" до "профессора". Потому и уровень общения с дамами был разнобойный: казалось, будто люди эти и разговаривают на разных языках.

"Зраствуй желаная Заирочка! Недаждус того дня когда я смогу обнимать и ласкать тебя! Седня мой хлебник Хизри словил дачку с филтроваными сигаретами и ништяками. Потому уделяем вам па возможности. Хатим штобы жиснь твая была такойше красивой как эти сигареты и сладкой как эты компеты. Заира я тебя очень люблю и каждую ночь ты мне снишся. Я хачу встретиться с табой когда откинемся. Хизришка тоже хочет пазнакомится с путевой девушкой. Потому ты найди ему нормалный вариант. Он парен серезный и шедрый. Если Наташа исчо в хате то пуст отпишет Хизри-басмачу. Пойдем пока! Нежно гладю твою попку Мага-паселковый."

"Добрый вечер, дорогая Лейла! Наконец-то наступило то долгожданное время, когда я могу послать Тебе свое признание в любви, которое вряд ли выразит все оттенки и глубину моих искренних чувств к Тебе. ..." Далее на двух тетрадных листках красивым и убористым почерком, без ошибок, исправлений и помарок излагалась такая "песнь нежности и любви", которой позавидовал бы лучший член союза писателей, и перед любовным натиском которой не устояла бы и статуя Командора, не говоря уже о "светлой надежде всей жизни"- фармазонщице Лейле (ст.147, срок 5 лет, и еще одна "делюга на раскрутке" в Астрахани). "...Я буду счастлив, если Ты удостоишь меня своим вниманием и напишешь мне - согласна ли Ты, по освобождению, соединиться со мной навеки? Чтобы мы могли любить друг друга, и дарить друг другу ту теплоту и радость, которые делает людей по настоящему счастливыми в любых (даже в этих - тюремных) условиях. Ты жизнь моя, и я уже не представляю ее без Тебя и общения с Тобой. Навеки Твой, Тимур-Доллар."

Доллар любил угонять машины: "Угон доставляет мне такой же кайф, как и .... чужой жены." Он прославился как "половой гигант", давно осознавший, что "женщины любят ушами и письмами", в отличие от мужиков, которые "любят глазами и жратвой". И хоть "фактурой" судьба его не наградила: росту он был никакого, худой ("7-й тубучет после второй ходки") и некрасивый, но бабы ему и писали, и дачки носили, и ждать клялись на удивление дружно. Он даже адвокатшу ухитрился по ходу дела закадрить и (если верить его словам) "присунуть" ей при совместном ознакомлении с материалами его уголовного дела по угону. В общем - не оскудела еще тюрьма талантами и гигантами разных мастей.

Юноша "со взором горящим" по имени Аюб залетел сюда по самой ходовой статье УК - 144 часть 2, что означает "кража с проникновением". Будучи студентом "универа" (потому, видать, и погоняло ему здесь дали - "Студент"), Аюб ночью по пьянке разбил витрину "комка" и взял оттуда одну пачку сигарет ("курить тогда сильно захотелось, но в КПЗ я уже понял, какая это плохая привычка и бросил") и там же, после того, как прикурил, был задержан ППСниками. Докурить они ему не дали, зато суд дал по полной катушке: "2 года лишения ... в ИТК общего...." ("Все родаки мои в селухе живут, так что щекотнуться за меня было некому.")

Мы как-то сразу нашли с Аюбом общий язык: он тоже предпочитал рассказы Джека Лондона "дефективам" Джеймса Чейза, и ему тоже не нравилось, когда о женщинах говорили как о существах, созданных только для обслуги мужика. Особенно коробило Аюба, когда кто-нибудь (якобы для смеха, а на самом деле - чтоб хвастануть своими любовными достижениями) оглашал всей хате свою переписку с заочницей, дополняя ее сексуальными комментариями и жестами.

Студент тоже имел заочницу из женской осужденки и еженощно с ней "перекидывался малявами". Заочницу звали Марьям. ("Дорожник", подзывая Аюба, как-то сказал: "Это тебе от Марьям".) К общению с Марьям Аюб относился с серьезностью и трепетом, как романтичные (еще не "обтертые" любовными изменами и цинизмом общения с продажными "профурами по вызову") юноши относятся к дружбе с красивой девушкой из уважаемого его родителями тухума.

- Меня скоро видно на этап дернут, - как-то обратился ко мне Аюб.- Все сроки по касухе вроде вышли, придется ехать на зону.

- Ну, что ж делать, все мы там будем, - ответил я, стараясь как-то подбодрить его. - Если на воле за тебя никто не бегает, ясное дело, что на твою касуху верхсуд "положил". Воровал ты или нет - это твои проблемы. Раз есть тюрьма, то надо ее заполнить. Нашел о чем переживать. Год - не срок, два - урок, три - пустяк, пять - ништяк. Твой двушник пролетит - сам не заметишь.

- Да я не об этом. Сидеть мне, сам знаешь, осталось год и шесть, а этот срок я хоть на одной ноге простою. Это меня сейчас не волнует.

- Что ж тебя сейчас волнует? - удивился я.

- Да девушку жалко бросать, - озадачил меня Аюб. Слово "девушка" резануло мой слух своей непривычностью (обычно здесь говорили "баба" или еще проще), поэтому я внимательно взглянул Аюбу в глаза, пытаясь понять: или он "крышей поехал", или я что упустил?

- Ты о какой бабе речь затеял? - спросил я, недоумевая.

- Да о Марьям я. Ну, заочница моя с женской осужденки. Ночью переписываемся. Да ты знаешь ведь о ком речь.

- Нашел чего жалеть. На зону заедешь, братва адреса подгонит, выберешь новую, еще лучше - "вольную". Приболтаешь, может, и на свиху приедет, и баул подвезет, - подбодрил я Аюба, не понимая, почему ему так жалко расставаться с этой Марьям.

- А ты с кем из женской хаты переписываешься? - спросил меня Аюб, хотя и сам знал, что нет у меня заочницы. В хате все на виду, тем более - хлебники мы с ним уже третий день.

- Пока не нашел еще достойную на-

туру. Да и толку им с меня мало будет - "фильтровых" у меня нет, "ништяков" тоже, - ответил я Аюбу, не понимая, к чему он об этом спрашивает? - А ты с какой целью-то интересуешься?

- Ты не мог бы помочь мне в одном деликатном деле? - продолжал загадывать загадки Студент, чем начал меня настораживать.

- Братан! Да я для тебя луну и солнце с неба достану. Проси о чем хочешь. Соорудим по возможности. - Я попытался внести веселые ноты в разговор. - А в чем деликатность-то?

- Я вижу ты человек интеллигентный и воспитанный. Такие здесь редкость. В осужденку только заехал. Минимум месяц еще здесь попаришься. Я тебя очень прошу, продолжи мою переписку с Марьям. Более лучшей кандидатуры, чтобы это дело доверить, я больше не вижу.

- Твои слова, да прокурору б в уши. Глядишь, мне вместо срока орден бы дали, - пытался развеселить я Аюба. - А зачем мне продолжать твою переписку?

- Переписка не совсем моя. Ее еще Эльдар начал. Ты его не застал, его до тебя на Казань дернули. Перед отправкой он и упросил меня, чтоб я писал под его именем к Марьям. Чтоб не огорчать девчонку. Потому и ты подписывайся, как и я - "Эльдар". Дорожники в курсе будут, что это тебе малявы.

- А зачем продолжать? - недоумевал я. - Вы что - мыльный сериал договорились написать? "Просто Марию" переделываете в "Просто Марьям"? О чем ты с ней перетираешь в этих письмах? Она вообще-то кто такая?

- Ну, статья у нее самая ходовая - "рубль сорок четыре", как и у меня. Мачеха на нее заяву сочинила, чтобы с хаты убрать. А кражи как таковой и не были. Но ментам-то не докажешь, тем более мачеха смазала где надо. Ну, Марьям девчонка видная, вот следак и предложил ей уладить дело через постель. Она его за это предложение пыталась графином по кумполу зацепить. Верткий оказался, но "попытку убийства" в дело присовокупил. За все, про все "наш гуманный" дал ей трешник "общего". Она чуть руки на себя не наложила. Слава Богу, Эльдар ей подвернулся. Нашел нужные слова, успокоил и отвлек ее от этих мыслей. Ну, а потом я, как сумел, убедил ее, что жизнь на этом не кончается. И что все лучшее у нас впереди. Честно говоря, я и сам многое получил от этой переписки и даже привязался к Марьям. Поэтому и не могу бросить это дело на самотек. Пока она на зону уедет ты уж, будь добр, пиши ей. Не оставляй одну. Контингент сам видишь какой. А ты человек грамотный и душевный. Ты сможешь ее развеселить и отвлечь от плохих мыслей. А там ее и на этап отправят. Да и время пройдет, посмотрит вокруг, увидит - что не одна она здесь такая бедолага - сама успокоится. Короче - ты как? Не против? Ну, а кому еще поручить?

- Попробую, но полной гарантии не даю. Опыта у меня такового нет, так что - как получится, - согласился я, не осознавая толком - о чем я вообще буду писать этой Марьям?

Через день (он как чувствовал) Студента и еще двоих забрали с прогулочного дворика. Больше мы их не видели, да и вещей их в хате уже не было. Вечером узнали, что этап этот ушел на Тулу. А ночью, когда дорога на решке открылась, дорожник вручил мне маляву из женской осужденки: "Студент сказал "от Марьям" теперь тебе отдавать. Только с ответом долго не тяни. Смена сегодня озверевшая. И ночью по двору с фонарями шарят. Дорогу в любой момент рвать придется."

Малява была на удивление краткой: "Добрый вечер, Эльдар! Днем был этап и я молила Аллаха, чтобы тебя не тронули. Надеюсь, что все обошлось. Напиши, как твои дела и здоровье. И вообще - что у вас нового? Пока все. С пожеланием всяческих благ, Марьям."

Сразу же захотелось также кратко и ответить, что Аюб (или - он же "Студент", и он же - "Эльдар II") ушел на Тулу, и что писать вам далее (если вы, конечно, того пожелаете) буду я - "Эльдар III". Открыть ей таким путем глаза на мир, и закончить этот, как мне казалось, "порожняковый базар". Но что-то остановило. Может интересно стало ("А смогу ли я приболтать бабу не хуже Доллара?"), а может, пожалел разочаровывать девчонку ("Да и обещнулся ведь я Аюбу."). В общем - "Поехали!"- решил я, достал стержень и разгладил лист бумаги перед собой.

"Добрый вечер, любимая моя Марьям! Когда пришли за этапными, я, как и в прошлый раз, обратился к Аллаху с просьбой не лишать меня моего единственного сокровища, каковым являешься для меня Ты. И в очередной раз произошло чудо - меня не взяли, хотя ушли те, что заехали в осужденку позже меня. Либо наша любовь сильнее приговоров, либо мой приговор отменили и дело пустили на доследку? В любом случае я рад, что могу написать Тебе об этом. Здоровье мое в норме, ибо любовь всегда дает человеку надежду, а надежда - дает человеку силы. За все это я благодарен Тебе, дорогая Марьям. Я надеюсь, что и Твое здоровье в норме. Если есть в чем нужда, то напиши. С уважением и любовью. Навеки Твой Эльдар."

Так я принял на себя заботу о том ростке нежного чувства, что взращивали, передавая его из рук в руки, Эльдар, потом Аюб, теперь вот я. Вряд ли когда-нибудь я смогу увидеть эту Марьям (а ведь мужики любят больше глазами). Спрашивать ее "о параметрах" мне тоже неудобно, ибо она наверняка об этом уже писала: или Эльдару, или Аюбу. Поэтому я представил себе тот образ Марьям, какой получался на основе полученной информации и моих представлений о любимой женщине.

Этот образ начал жить в моем сознании, материализуясь в ночной переписке. Детали образа Марьям все ясней проступали передо мной, особенно когда я вступал с ним в различные диалоги. Ночная переписка была как бы видимой частью айсберга. Большая же часть моего диалога с Марьям лежала в глубинах моего сознания. Постепенно этот образ наполнил мою жизнь новым смыслом: я был кому-то нужен и дорог в этом мире. Я начал усиленно самообразовываться, чтобы не разочаровать Марьям корявостью языка и скудостью фантазии. День и ночь поменялись для меня местами: серость дневного времени я старался заполнить либо книгами, либо сном; ночью же для меня всходило Светило, которое давало и свет сознанию и теплоту душе. Это светил мне образ Марьям - мое полуночное Солнце. Я даже начал писать стихи, чего раньше никогда не делал, и даже не представлял - где и как этому можно научиться? Выходило, что - "на тюрьме", путем "шоковой терапии лишения свободы и всяческих удобств вольной жизни"? Вряд ли. Вдохновение мне давала не тюрьма, а тот светлый образ Марьям, что жил в моем сознании, поощряя все светлое и доброе, и осуждая все грязное и злое.

Через неделю я уже не представлял себе - как я раньше жил без общения с Марьям. Мне даже стало жалко тех сокамерников, что не имели заочниц, а также и тех, кто, имея их, не стремились достичь духовной высоты в общении с женщиной. Ползая в грязи плотских понятий, они и представить не могли, что даже в этих условиях (пропахших куревом, потом, хлоркой и мочой) можно дышать полной грудью чистым воздухом духовных вершин. А вдохнувший хоть раз всей грудью уже не может дышать по иному. Его уже никогда не устроит бездуховность общения и грязь в мыслях. Я, наконец, понял, что низость половых отношений между мужчиной и женщиной и являются той "грязью", тем "мерзким болотом", на котором, однако, можно вырастить прекрасные цветы. Эти цветы (видимо, их и называют Любовью) способны своей красотой и ароматом затмить и оттеснить на второй план всю грязь, в которой они были зачаты, на основе которой они и выросли. Я по-новому осознал правоту Фрейда и понял - чего лишал себя в прожитой жизни. Я копался в грязи, не подозревая, что из нее можно вырастить Красоту и удовлетворить не только грешное тело, но и более высокую душу.

Постепенно то, о чем я раньше писал для прикола ("Чтобы быть приятным этой наивной Марьям."), вошло в мою жизнь реальностью чувств. И если раньше слово "любимая" я писал с досадой ("Вынужден обманывать, ибо обещнулся Аюбу."), то теперь я писал это слово с трепетом и восхищением к тому образу Марьям, что жил в моем сознании (а я уже верил, что она была такая же и в женской хате), давая мне (теперь уже без обмана) и Свет, и На-

дежду, и Силу.

Но время шло. Сроки по обжалованию моей касухи давно кончились. "Если не перекинули в следственную, то значит готовься к этапу. Хорошо, если кинут на Шамхал. Но он и так в три раза переполнен. Скорее всего, как и Аюб, пойду на "дальняк" - в столыпине". Мысли эти стали приходить все чаще. Вместе с ними встал и вопрос: "На кого оставить Марьям?". Я не мог бросить это дело на самотек, как не смогли уйти так просто ни Эльдар, ни Аюб. "Не могу я огорчать мою дорогую Марьям. Кто-то должен быть ей здесь надеждой и опорой." И я стал искать достойного кандидата на роль "Эльдара IV".

Мой выбор остановился на Гаджи - "Рембо". Это был не по годам рассудительный сельский парень, недавно вернувшийся из армии. Он выделялся очень уважительным отношением к книгам (и, надо полагать, к чужому труду вообще), которое позволяет многим людям (особенно в заключении) самим получить достаточно высокий уровень знаний. Гаджи был верующим человеком. В следственных хатах молятся почти все: просят Всевышнего, чтобы либо нагнали с СИЗО, либо чтоб срок дали поменьше. В осужденке же ряды молящихся заметно редеют ("На ... я буду намаз делать, если он мне на суде не помог?"). Гаджи и здесь молился регулярно. Но молился он без той назидательной показухи, что отличает лицемерие (из-за моды "на веру", или из-за того, что "сильное большинство" в хате молится) от истинной веры. Гаджи сидел "за справедливость": он убил односельчанина, который изнасиловал его сестру, пока он был в армии. Потому и погоняло ему дали "Рембо". И хотя убийство было совершено в обоюдной "дуэльной" схватке на кинжалах (где Гаджи тоже получил ранение), и хоть Гаджи сам сразу же "явился с повинной" к участковому, и хотя кроме него и младшей сестры у полуслепой ("инвалидность 2 группы") его матери никого не было, Верхсуд дал Гаджи 7 лет лишения свободы ("Чтобы такие дуэли не получили широкого распространения на местах").

Мы сдружились с Гаджи потому, что он не был фанатиком веры, и не ограничивал свой кругозор только исламом. Он живо интересовался основами и других мировых религий: христианства, иудаизма, индуизма и буддизма. Но он никогда не вступал в споры - какая из религий лучше. "Все дороги, если они ведут человека вверх, сходятся на вершине." - эта фраза, сказанная кем-то из великих, и стала нашей точкой соприкосновения.

Я рассказал Гаджи о моей переписке с Марьям. Как в свое время рассказал мне об этом Аюб-Студент. И также, как Аюб мне, я предложил Гаджи продолжить эту переписку под именем мифического Эльдара (теперь уже - четвертого по счету).

- Если ты ее действительно любишь, то зачем передаешь ее мне? - спросил Гаджи.

- А что делать? Кому еще я могу доверить общение с ней? - ответил я вопросом.

- Никому нельзя отдавать свою любовь! Общайся сам. Я напишу ей, что ты уехал на зону, а с зоны ты сам ей напишешь. - Решительно, но довольно наивно заявил Гаджи.

- Когда это будет? Через месяц, или через год? Иные и больше по транзитам катались. А человеку нужна поддержка любимого человека ежедневно. И если ее нет, то он перестает верить в само существование любви. Это, во-первых. А во-вторых, то, что у тебя все равно отнимут, лучше вовремя отдать другу, иначе оно может достаться врагу. Поэтому ты теперь будешь ей надеждой и опорой. Согласен? - спросил я, прекрасно понимая, что Гаджи не сможет мне отказать.

- А ты-то сам, как будешь без нее? Без ее любви не трудно будет тебе жить? - задал Гаджи давно мучивший меня самого вопрос.

- Я проморгаюсь. Лишь бы она не плакала. - Подвел я черту под разговором.

Следующий день был этапный: на Россию. Непонятный "мандраж" начал теребить меня с подъема. "Не хватало еще заболеть перед этапом."- подумал я, ловя себя на мысли, что этот этап для меня неизбежен. На прогулочном дворике (только закурили и начали обсуждать - в какую игру сегодня будем играть) дверь противно заскрипела. Чутье подсказало еще до того, как попкарь зачитал список. Я глянул Гаджи в глаза: "Ну, мы договорились. Пиши ей сердцем и душой. Ну чё, братва, пойдем. Пока!" - крикнул я уже сокамерникам.

Быстрый сбор вещей в хате. Попкари алчно смотрят, чтоб не брали ничего лишнего: "Постели оставьте, дежурный потом сдаст. Хозяйские простыни не ложите, все равно при досмотре отшмонают. Давай собирайтесь по шурику!"

- А записку можно хлебнику оставить? - спросил я молодого, но уже с обвисшим брюшком "опера".

- Ты чё, писатель, не написался еще? Вся женская осужденка от твоих маляв тащилась. По ходу все они о тебе только и мечтают, - засмеялся "опер", глядя мне в лицо.

- И Марьям тоже? - недоверчиво спросил я.

- Какая еще Марьям? Что склонная к нападению с графином на следаков? Вспомнил! Она недели три как на Усть-Лабинскую ушла. Вот бабы с тех пор, из уважения к вашим чувствам, и решили всей хатой продолжать переписку от ее имени. Жалко им было тебя с твоей любовью. Вот только не пойму - почему они тебя Эльдаром зовут? Погоняло у тебя что ли такое, или под псевдонимом писал? Ну, чё застыл? Шевели батонами!

Молодой и сытый "опер" пытался за насмешливо-пошлыми фразами скрыть уважение и зависть к чужой любви. К тому высокому чувству, которое сумело, к его удивлению, прорасти и здесь, пробив все наслоения пошлости, отчаяния и режима, как нежный росток пробивает (на удивление всем) толщу асфальта, стремясь к свету и теплу Солнца. Пусть даже и полуночного.

Любви случайное явленье
Смиренно чудом назови
И не бросай слова презренья
Вслед ускользающей любви.

Прошло пять лет. Я освободился, вернулся в родной город и устроился на работу. Все это время образ Марьям жил в моем сознании, периодически вступая в диалоги, разделяя со мной и радости, и печали. По началу, еще на зоне, я думал, что ЭТО временно и скоро пройдет, как и всякая болезнь. Но ЭТО не проходило. Более того, ЭТО стало для меня пугающе привычным, и наталкивало на мысль об умственном сдвиге "на почве неразделенной любви"- как об этих случаях пишется в художественной и медицинской литературе. Я пытался встречаться с разными женщинами, пытался бухать, даже пытался лечиться "от любовной тоски" у знахарей и экстрасенсов. Толку с этого было мало. И я постепенно смирился с образом Марьям, которая каждое утро желала мне удачного дня, а перед сном - "Спокойной ночи". Тем более, что ни на моей работе, ни на моих отношениях с окружающими людьми ЭТО не сказывалось.

"...И вот однажды на горизонте заалел парус..."

Я шел с работы домой. И вдруг в толпе я увидел Марьям! Даже одежда соответствовала. Я сначала стоял, потом пошел за ней следом, решая: "Что это? Реальность или агония больного воображения? Мираж в пустыне перед умирающим от жажды конченым идиотом?" Я шел, видя перед собой только спину Марьям и не замечая ничего более. Она остановилась. Оглянулась. И наши взгляды встретились. "Да - это она! Ошибки быть не может." Я понял, что если не подойду и не выясню "что к чему и почему", то окончательно сойду с ума.

- Девушка, вас не Марьям зовут? - спросил я ее, не веря в реальность происходящего.

- Нет. Вы, наверное, меня с кем-то спутали. Это бывает, - ответила она мне приветливо.

Через неделю мы поженились.

"...И оценив силу любви, сжалились Боги над Пигмалионом, и оживили Они мраморную Галатею..."

Русский силуэт

В апреле этого года известный дагестанский модельер Шамхал Алиханов принял участие в "Неделе национального костюма", проходившей в Минске. Со своей новой коллекцией наш земляк занял первое место в номинации "Национальный костюм - современная интерпретация". Шамхал Алиханов получил первый приз на этом престижном фестивале моды уже во второй раз. Предлагаем вниманию читателей модели из новой коллекции дагестанского кутюрье, а в ближайшем номере журнала мы опубликуем интервью с ним.

В июле в Дагестанском музее изобразительных искусств открылась новая интересная экспозиция под интригующим названием "Этот мир из серебра", на которой представлены серебряные ювелирные изделия дагестанских мастеров XVIII-XX веков. Многие экспонаты долгие годы хранились в запасниках музея и были выставлены впервые.

Фото К. ЧУТУЕВА и Р. ХИЛИЧЕВА